

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИЗ СЕРИИ **Опустошение**

Разрушение

ОТЕМ ГРЕЙ

vk.com/kn_books

«В тот момент, когда я поддался и проявил интерес к Селене, я знал, что у меня будут проблемы. Так случается всегда. Мне следовало сопротивляться». Ремингтон Сен-Жермен на распутье. Он может либо последовать за человеком, из-за которого чувствует себя нужным — единственным человеком, который способен усмирить демонов, терзающих его разум — либо забыть о ней. Последнее не выход, хотя и существует шанс, что она может отвергнуть его. Но, к черту все, он убедит ее. Он должен. Иначе окажется там же, где был перед тем, как она появилась в его жизни. Селена Майклз в Париже временно. Ей не следует слишком сильно привязываться к Ремингтону и его сыну Адриану. Но благодаря Ремингтону она чувствует себя живой и беззаботной, а благодаря Адриану ее потеря кажется вполне терпимой. Они дополняют ее. У нее есть ощущение, что Ремингтон не только безумно любящий отец-одиночка и ее гиперопекающий прекрасный принц. Кроме того, быть с ними — огромный риск, а она готова на все, лишь бы они были в безопасности. Иногда жизнь предоставляет второй шанс. Но что случится, если этому шансу угрожает опасность?

РАЗРУШЕНИЕ

Автор: Отем Грей

Рейтинг: 18+

Серия: Опустошение #2 (про одних героев)

Переводчик: Александрина Царёва

Редактор: Таня Панайоти

Вычитка и оформление: Натали Иванцова

Обложка: Таня Панайоти

«Один из самых важных секретов в жизни заключается в том, что только то, что мы делаем для других людей — это единственное, что стоит делать».

— Льюис Кэрролл —

Ремингтон

В тот момент, когда я поддался и проявил интерес к Селене, я знал, что у меня будут проблемы.

Так случается всегда.

Мне следовало сопротивляться сильнее.

Легче сказать, чем сделать. Селена привлекла мое внимание, и я не мог избавиться от нее. Тем не менее, я начал понимать, что когда речь шла о Селене, мной руководило сердце, а не разум, уничтожая все разумные мысли. Воспоминания о том, как я впервые увидел ее в отеле, ее выступление в Сент-Бернадетт, после которого мне захотелось встать и зааплодировать, ее умение рассмешить меня, каждая минута с ней — бесценны.

За короткий промежуток времени она стала непреодолимой и незабываемой силой, и мой разум находился в состоянии хаоса из-за нее. Она первая женщина, которая не смотрела на меня так, словно я отлит из золота. Я так сильно желал ее, что это желание болезненно пульсировало в груди; то чувство, которого мне не хватало так долго. Неужели я должен потерять ее еще до того, как воспользуюсь шансом узнать ее? Она приехала во Францию всего на три месяца и будь я проклят, если не проведу все эти дни с ней. Каждый чертов день. Я хочу Селену, как не хотел ни одну женщину за всю мою жизнь. Назовите это похотью или любовью с первого взгляда, но мне плевать на все эти изящные определения. Все, что мне понятно, я положил глаз на нее, и ничего не могу поделать с этим; между нами сумасшедшее притяжение. Все время, которое мы провели вместе, она была ярким лучом в моей жизни.

И, вероятно, мой член полностью согласен со мной. Я поерзал и застонал, вспомнив ее аппетитное тело. Как такие чувства возможны в том состоянии, в каком сейчас находится мой мозг — смесь желания, отчаяния, злости и решимости — оставалось для меня загадкой. В тот вечер, когда она ушла, она спросила меня, было ли написанное в письме правдой, но я сказал не совсем правду. Внешне Селена неуловимо похожа на Колетт, женщину, которой я однажды подарил свое сердце, пока она не вырвала его из моей груди. И если Колетт была смуглой брюнеткой, то кожа Селены цвета густого темно-коричневого меда, у нее вьющиеся волосы, которые, кажется, не поддаются никакой укладке. Единственное, что у них общего, это высокие скулы и необъяснимым образом вздернутый кончик носа. Я не смог сказать Селене правду, так как боялся, что она решит, будто я пытаюсь ею заменить Колетт, но это последнее, о чем я думал. Я боялся, как никогда в жизни, и из-за этого страха с моих губ срывалась ложь.

Вчера я был в отеле «Катерина» на ежемесячном совещании персонала. Несмотря на то, что мне безумно хотелось подняться в номер и увидеть ее, я уважал ее просьбу и решил остаться в стороне.

На некоторое время.

Позже, я встретился с Эриком и обсудил с ним его участие в команде охраны Селены. Знаю, что он служил в армии и может легко нейтрализовать угрозу. Я также знаю, что он равнодушен к ней. Видел это в его глазах той ночью, когда прилетел из Прованса и нашел Селену в клубе, где работает Эрик. Он ни в коем случае не допустит, чтобы с ней что-то

случилось.

Я посмотрел на письмо, которое доставили сегодня рано утром, а затем на красные ирисы на столе. Еле слышно застонал, смял письмо, комкая его в руках, швырнул через всю комнату и снова начал мерить шагами ковер в своей гостиной.

Черт. Черт подери!

Я вытащил телефон из кармана брюк и набрал номер Жилия. Раздалось два гудка, прежде чем он ответил.

— Есть новости? — рывкнул я в телефон, воспитанность и терпение давно покинули меня.

— Нет. Я отправил письма одному своему другу, он офицер полиции. На них нет отпечатков пальцев. Создается впечатление, что отправитель очень сильно хочет, чтобы его не нашли, так что мы прорабатываем другие идеи.

Я сжал челюсти, пытаясь оставаться спокойным.

— Когда? Когда будут хоть какие-нибудь результаты?

Он вздохнул.

— В данный момент я ничего не могу пообещать тебе, Ремингтон. Ему придется воспользоваться другими методами, чтобы выяснить кто отправитель. Он перешлет письма эксперту по документам, чтобы тот поработал с ними. Я сделал ему несколько одолжений, и он знает насколько это важно.

Я потер шею, борясь с желанием швырнуть мобильный в стену, и сказал:

— Держи меня в курсе.

Нажал отбой и засунул телефон обратно в карман. Сел в стоящее рядом со мной кресло и обхватил голову руками. Я в отчаянии и понятия не имею, как бороться с тем, что чувствую. Не помню, когда в последний раз чувствовал себя подобным образом. Я закрыл глаза и все, что увидел, это Селена, ее страх за моего сына и меня. Но что-то еще было в ее глазах.

Убежденность.

Может быть, мне стоит бросить все это. Позволить ей уйти.

Она будет в безопасности. Адриан и я тоже.

Я поднялся с кресла, и, убедившись, что будильник включен, поднялся по лестнице и прошел мимо своей двери в комнату Адриана. Там я сел в кресло и уставился в темноту, мои мысли были в полном беспорядке из-за сероглазой женщины, которая уехала вместе с Жилем.

У меня есть два варианта: дать ей время подумать обо всем, вспомнить, как хорошо нам вместе, или забыть ее и двигаться дальше.

Принимая во внимание мои чувства и привязанность к ней Адриана, последний вариант не рассматривается. Особенно теперь, когда я понял, как много ему не хватает. Проведенное с Селеной время открыло мне глаза. Я мельком увидел, какой могла бы стать моя жизнь, если она будет в ней. Неважно, что она здесь ненадолго. Я хочу ее в любом случае.

Селена

Ремингтон — человек привычки и, видимо, постоянства. Я поняла это после того, как вышла из дверей его загородного дома и уехала вместе с Жилем, а Ремингтон остался стоять возле дома и провожал нас взглядом. С тех пор он не появлялся, и я надеялась, что он не позвонит, ради своей же безопасности и безопасности Адриана. Но он не прекратил оказывать мне внимание, по-прежнему контролируя, чтобы обеды — теперь без писем с восковой печатью — доставлялись к моей двери, когда я была в отеле. Эрик тенью следовал за мной, куда бы я ни направлялась, и я часто видела, как его высокая фигура мелькает где-то рядом, неважно как усердно он старался скрыть свое присутствие. Может, он намеренно показывался мне, чтобы я чувствовала себя в безопасности. Я была не против. Я все еще была потрясена последним письмом, которое получил Ремингтон, и ценила то, что он считал необходимым оберегать меня.

Я очень старалась не вспоминать его голос, лицо, смех, но в действительности оказалось, что это чертовски сложно, особенно учитывая то, что он был первым мужчиной, с которым я была кроме Джеймса. Я испытывала к нему нечто гораздо большее, чем просто симпатию. Воспоминания о его руках, его запахе надежно запечатлелись в моем мозгу, в моих костях.

Прошлым вечером, вернувшись с пробежки, я увидела его. Он стоял у стойки администратора и беседовал с одним из своих сотрудников. Я сразу же поняла, когда он заметил меня. Как я могла не понять? В его глазах вспыхнуло пламя, спиной я чувствовала, как он провожал меня взглядом до лифтов. Как только я шагнула внутрь и повернулась лицом к дверям, наши взгляды встретились. Я успела увидеть в них муку, боль, голод и, наконец, решимость, прежде чем его взгляд стал бесстрастным, и двери лифта закрылись. Из того немногого, что мне известно о Ремингтоне, он не из тех, кто отступает и пускает все на самотек. *У него* свой собственный курс, и он еще вернется. Это только вопрос времени.

Всякий раз, когда я прокручивала список контактов в своем телефоне и видела его номер, мои пальцы зависали над ним, их покалывало от желания позвонить ему или отправить смс. Затем я вспоминала содержание письма, угрожающего мужчине и его сыну, которые стали далеко не безразличны мне. Никогда еще мой разум и сердце не испытывали столь противоречивых чувств.

Я позволила своим чувствам расцвести, очарованная его страстью, безрассудной личностью, и тем, как он заботится о своем сыне, несмотря на то, что его собственный отец был отвратительным мудаком. Предполагалось, что у нас будет короткая интрижка, но что-то в Ремингтоне притягивало меня к нему. Возможно, проблески печали, которые иногда прорывались сквозь его уверенную внешность, являлись тем, что притягивало меня. Добавьте Адриана к этой смеси, и я попала. Возможно, с помощью мальчика я хотела восполнить свою потерю. Я уже не уверена ни в чем.

Мне нужно находиться как можно дальше от них двоих.

Упади семь раз, но встань восемь. Я постоянно повторяла эту японскую поговорку, которую твердила мне моя мать, когда я приходила в себя после развода. Эти шесть слов были обещанием самой себе.

Тяжело вздохнув, я сосредоточилась на завершении эскиза корсета без бретелек, который рисовала с тех пор, как покинула дом Ремингтона. Я уже представляла в своем воображении прозрачное черное кружево. Я собиралась использовать собственные размеры, когда наконец-то сошью его, а уже потом перейти к другим размерам.

Довольная окончательным вариантом дизайна, я улыбнулась, отложила карандаш и блокнот на кровать и направилась в ванную. Схватила пульт и прошлась по каналам телевизора, установленного высоко в стене, точно напротив ванной. Включила романтическую комедию, выбрала английский язык, положила пульт обратно на миниатюрный комод и выключила воду. Я заранее закрыла слив, чтобы огромная ванная наполнилась водой, пока я заканчиваю эскиз. Добавила в ванну несколько капель эфирного масла лаванды, сбросила с плеч шелковый халат и села в горячую воду. Я откинулась на спинку ванной, чтобы видеть осеннее сумеречное небо сквозь окно на потолке, и почувствовала, как напряжение и беспокойство медленно растворяются в горячей воде. Постаравшись отвлечься от тягостных мыслей о Ремингтоне и Адриане, я закрыла глаза и сосредоточилась на комедии.

Я резко проснулась, почувствовав, что меня трясут за плечи так, что зубы стучат друг об друга. Широко распахнув глаза, я часто заморгала, пытаюсь разглядеть лицо надо мной.

Что, черт возьми, происходит?

Зрение, наконец-то, прояснилось, хотя я ощущала себя так, словно все мои кости раздроблены. Я уставилась в ярко-зеленые глаза, в которых плескался ужас.

Ремингтон?

Я уснула, принимая ванну, и он мне снится или я так сильно по нему скучаю, что мои мысли волшебным образом материализовали его?

Я несколько раз моргнула, пытаюсь убедиться, что *он* действительно здесь.

Меня окутал его аромат, разбудив необузданное желание и потребность в нем, которое только-только удалось усмирить. Он стоял надо мной, такой невероятный. Его всего трясло, а в глазах застыло безумное выражение. Его губы шевелились, но я не слышала, что он говорит. Каждая клеточка моего тела сконцентрировалась на его больших, сильных, теплых и таких успокаивающих руках, удерживающих меня за плечи.

Без предупреждения он резко притянул меня к себе, прижимая мое мокрое тело к груди и зарываясь лицом в основание шеи. Он бормотал *«Dieu, merci que tu aillies bien»*, что означало «Боже, спасибо тебе, она в порядке».

Мои руки оставались крепко прижатыми к бокам до тех пор, пока его хватка не ослабла. Он поднял голову и уставился на меня, словно не мог поверить, что я настоящая. Глубоко вздохнул и протянул руки к моему лицу, убирая влажные кудри со лба. Его лоб был покрыт бисеринками пота, а лицо покраснелось от нескрываемой тревоги.

— Что случилось? — спросила я, разглаживая пальчиками морщинку между его бровей. Он закрыл глаза и прижался щекой к моей ладони, когда я провела по ней рукой.

— Ремингтон, ты пугаешь меня. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Он открыл глаза и наши взгляды встретились. Выражение страха в его глазах постепенно сменялось облегчением.

— Я волновался за тебя. Пытался дозвониться тебе на мобильный, но звонок переключался на голосовую почту. На телефон в номере ты тоже не отвечала.

— Я... погоди, ты звонил мне? Зачем? Что-то случилось? С Адрианом все в порядке? Я принимала ванну и уснула, — *Господи, пожалуйста, пусть все будет хорошо.*

— Да, да. Он в безопасности. Адель защитит его ценой своей жизни, если дело дойдет до этого, — он улыбнулся и провел одной рукой по волосам.

Я услышала, как в соседней комнате раздались шаги, а затем дверь в ванную открылась.

— Она здесь, мсье Сен... О, пардон! — Ремингтон зарычал, и Эрик резко отвернулся в противоположном направлении, отходя назад, а я судорожно пыталась прикрыться, слегка пригнувшись и прикрывая одной рукой холмик между ног, а другой грудь. Бесполезно. Я подняла голову и осмотрела комнату, пытаюсь найти, чем бы прикрыть свое обнаженное тело.

— Что здесь делает Эрик? — спросила я неестественно высоким голосом, напоминаям бездарную имитацию Лизы Симпсон.

Ремингтон быстро шагнул вперед, прикрывая меня. Но как только дверь за Эриком захлопнулась, развернулся ко мне лицом.

— Я волновался, — робко улыбнулся он. — Думаю, я погорячился, — из комнаты в ванную доносились приглушенные звуки.

Сколько же там народу?

— И ты притащил сюда целую армию?

Его губы дрогнули, он пытался сдержать улыбку. Я все еще дрожала от внезапного вторжения, а он развернулся и направился к комоду, не ответив на мой вопрос. Схватил полотенце, быстро вернулся и завернул меня в него.

— Кто еще в комнате?

— Служба безопасности отеля. Вставай. Подними руки.

Я подчинилась и задрожала от прикосновения его пальцев к моей коже, когда он завязывал края полотенца на груди. Потом он подхватил меня на руки так, будто я ничего не весила. Вода выплеснулась на дорожную плитку пола, но ему, видимо, было все равно, что все намокло. Его челюсти были сжаты, во взгляде застыло решительное выражение и когда он направился к двери, я поняла, что его ничто не остановит.

— Оставьте нас, — приказал он мужчинам в комнате. Эрик метнул на нас взгляд и поспешил уйти, за ним гуськом последовали три крепких охранника.

Однажды давление Эрика достигнет точки кипения. Правда, уже не единожды он видел меня обнаженной, но только какую-то часть моего тела, а сегодня вот он увидел обнаженной всю меня.

Ремингтон уложил меня на кровать, встал рядом и уставился на меня. Я поерзала под его пристальным взглядом, когда он прошелся по каждому сантиметру моего тела. Несмотря на то, что я была завернута в полотенце, я чувствовала, как его жаркий взгляд обжигает меня через махровую ткань.

Я села, и он присел на корточки передо мной и положил руки мне на колени, сжимая их.

Я закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновениями, хотя и понимала, что мне не следует. Тело предавало меня, хотя разум кричал, что это плохая идея.

Боже, я так скучала по этому. Скучала по нему.

Я распахнула глаза и увидела, что он продолжает пристально смотреть на меня, покусывая нижнюю губу.

— Лучше тебе начать рассказывать, Сен-Жермен, или я сяду верхом на тебя и выпытаю все.

Он фыркнул, но в этом звуке не было ни капли веселья.

— Когда ты не ответила ни на один из моих звонков, я запаниковал, — он резко встал и начал ходить туда-сюда, а затем так же резко как встал, неожиданно замер и посмотрел на меня. — Я не из тех, кто сразу начинает паниковать. Не могу припомнить, когда я так сильно нервничал в последний раз, но ты, Селена, мое сердце привязано к тебе. От мысли, что ты в опасности, у меня чуть не случился сердечный приступ.

Он сжал заднюю часть шеи, будто это могло облегчить его отчаяние. Хотя в голове у меня крутились тысячи различных вопросов, я ждала, что он заговорит. У меня сложилось впечатление, что он еще не закончил.

— Я получил еще одно письмо с предупреждением держаться подальше от тебя. И я кое-что понял, когда прочитал его. Кто бы ни присылал эти письма, он никогда не остановится. Он будет мучить меня, угрожать мне, и поэтому я принял решение, — он встал на колени передо мной, взял меня за руки и поцеловал костяшки. — Мне выпал шанс, второй шанс. Ты мне очень нравишься, и поэтому я никому не позволю забрать тебя у меня. Я...

Я прижала руку к его губам, прерывая его, чтобы он там не собирался сказать.

— Ремингтон, нет. Нет. Ты не можешь так поступить. Я уеду через три месяца. И, конечно же, ты не хочешь рисковать своей жизнью и жизнью Адриана ради этого.

Он прикусил нежную кожу моей ладони, я вскрикнула и отдернула руку. Он схватил ее и положил себе на бедро, накрывая своей большой рукой.

— Селена, — произнес он тоном, не терпящим возражений. Я почувствовала, как волоски на задней части шеи встали дыбом, и была готова начать спорить с ним.

— Таково мое решение, Ремингтон. Не пытайся втянуть меня в это дерьмо.

Он моргнул, очевидно, его удивил мой тон. Мне абсолютно не нужно, чтобы сейчас кто-то контролировал и указывал мне что делать. Это все осталось позади, начиная с того мгновения, когда я поставила свою подпись на бумагах о разводе.

Он сделал глубокий вдох, а на виске у него подергивалась жилка. Я видела как ему тяжело, но не собиралась уступать. Я усвоила этот урок уже очень давно. Ты доверяешь человеку, позволяешь руководить тобой в каких-то вопросах, а он поворачивается и полностью выхватывает бразды правления из твоих рук. Я не собираюсь повторять эту ошибку.

— Мне жаль, *ma belle*. Я не собирался командовать тобой. Боже мой, я понятия не имею, как сдерживаться, когда речь идет о тебе.

Я взяла его за руку и прижала ладонь к своей щеке.

— Один умный человек однажды сказал: «Перемены неизбежны. Перемены — это постоянная величина». (Примеч. Бенджамин Дизраэли — английский государственный деятель, писатель, один из представителей «социального романа»). Нам остается только смириться с этим.

Он склонил голову набок, и, прищурившись, смотрел на меня.

— Ты готова смириться с этим? Потому что, если ты готова, я должен буду доказать, что ты неправа. Ты хочешь этого так же сильно, как и я. Скажи мне, что я ошибаюсь, глядя мне в глаза.

— Это не аргумент, и ты это прекрасно знаешь.

Он сердито фыркнул.

— Я знаю это, черт подери. Я обещал, что ты будешь в безопасности. Жиль занимается этим вопросом. Мы найдем этого чокнутого, хорошо?

Я опустила взгляд на колени, боясь, что он может заметить, как его слова подарили мне

надежду. Перед глазами ожили воспоминания о времени, проведенном с ним и Адрианом. Затем я вспомнила, что обещала себе держаться подальше от них. Я покачала головой, но когда мои глаза встретились с его полным надежды взглядом, я почувствовала, как моя решимость дала трещину.

Большим пальцем он приподнял мой подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза.

— Ладно, а я знаю, что один замечательный человек сказал: «Жизнь — череда естественных и стихийных изменений. Не сопротивляйтесь им; это только создает печаль. Пусть реальность будет реальностью. Позвольте вещам течь естественно, так как они хотят». *(Примеч. цитата Лао-цзы — древнекитайского философа VI – V веков до н. э).* И я предпочитаю в этом случае следовать мудрости Лао-цзы.

Я закатила глаза, стараясь не улыбаться. Похоже, что цитаты — еще одна наша общая черта.

— Я подумаю над этим.

Он обхватил мой подбородок рукой. Я вздрогнула, и он ослабил хватку. Он был так напряжен, что, скорее всего, не осознавал, насколько силен.

— Я помню, что во Франции ты временно, но лучше у меня будут эти несколько недель с тобой, чем не будет вообще ничего. Я не пытаюсь контролировать тебя или указывать, что делать. Мне жаль, если у тебя сложилось такое впечатление. Хочу, чтобы ты знала одно — я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить то, что принадлежит мне.

Неужели он не замечал, что контролировал некоторые моменты наших отношений с первой нашей встречи? Он дал указания Адель отвозить меня в разные места, предоставил номер в отеле на все три месяца. Не то чтобы я жаловалась. Мне нравится, когда меня балуют, как и всякой женщине. Я понимаю, что он делал это потому, что я ему нравлюсь, и не пытался подавить мою независимость. Я отбросила эти мысли в сторону и сосредоточилась на том, что он сказал до этого.

Селена

Я принадлежу ему?

В груди стало тепло, хотя мне, наверное, не следовало наслаждаться его словами.

— Ты понятия не имеешь, кто этот человек. Как ты собираешься защищать меня или Адриана, или себя, если уж об этом зашла речь.

— Ты недооцениваешь меня, *ma belle*. Раз я сказал, что придумаю что-то, то я обязательно сделаю это. Все, что мне нужно, это твое согласие. Просто скажи «да» и у тебя будут три самых незабываемых месяца в жизни. Позволь мне на деле доказать, что я могу позаботиться о тебе.

Неуверенность и страх одолевали меня. Мне не следует хотеть его так, как я его хочу. Если бы только можно было отдать приказ сердцу не тосковать по нему так сильно, я бы сделала это сию же секунду. И дело не только в сексе, хотя он, несомненно, просто потрясающий. Нет. Дело в нем. *В Ремингтоне*. Он умеет заставить меня почувствовать себя особенной. Мне хочется этого так сильно, что это пошатнуло мои принципы. С ним я становлюсь совершенно другой женщиной, беззаботной, не беспокоящейся ни о чем. С Ремингтоном я могу быть собой, исследовать ту сторону себя, которой, как я думала, не существует. Он подарил мне частичку себя, своего прошлого, когда рассказал о боязни ездить в лифтах. Большинство мужчин ни за что бы, не признались в своих слабостях, особенно это касается мужчин, которые очень уверены в себе и контролируют окружающих и свою жизнь, таких как Ремингтон. Я уже встречалась с Жилем, человеком-горой, так что была уверена, что Ремингтон сможет позаботиться о нас.

Он переплел наши пальцы, отрывая руку от моих губ, а затем сжал ее между своими теплыми мозолистыми ладонями. Я опустила взгляд на пальцы и поняла, что мысли снова унесли меня в другую реальность, а ногти, как всегда пострадали от последствий моего беспокойного образа мыслей. Я встретилась с ним взглядом и перестала дышать. Его взгляд был нежным, в нем светилась потребность и эмоции от тысячи невысказанных слов.

Ремингтон умеет произвести впечатление, когда он такой упрямый и целеустремленный. В нем есть некая доля безумия, но оно безопасное, его можно контролировать, и это довольно привлекательно.

— Куда ты уходила? — спросил он с тревогой.

— Я здесь, — ответила я. — Прости. От старых привычек сложно избавиться.

Он поднял голову и встретился со мной взглядом.

— Ты ведь останешься со мной?

Я кивнула.

Он сжал мои пальцы.

— Я просто мужчина, который стоит перед тобой на коленях и умоляет дать ему шанс провести время с тобой.

Моя защита продолжила рушиться, я почувствовала головокружение, стало нечем дышать. *Вот так, значит, ощущаешь себя, когда теряешь голову из-за парня.* Куда запропастились нюхательные соли, когда они так нужны? У меня сложилось впечатление, что они могут мне понадобиться прежде, чем закончится вечер.

— Боже, Ремингтон, что же мне с тобой делать?

Один уголок его рта приподнялся в улыбке.

— Все что пожелаешь. Ты можешь взять от меня все, что тебе нужно, *ma belle*.

Я потянулась к нему, притянула в свои объятия и крепко поцеловала, застав его врасплох. Но он все равно схватил меня, погрузил пальцы в мои локоны и удерживал меня на месте, пока целовал в ответ. У него был вкус кофе и шоколада, и, дорогой Боже, он так чудесно пах, пьянящая смесь. Я проложила дорожку поцелуев по его подбородку, наслаждаясь тем, как его щетина колет мою щеку. Я прижалась губами к его шее и провела языком по горячей коже, пробуя его на вкус.

— Это «да», Селена? — спросил он и задрожал, когда я прикусила кожу на подбородке.

Я снова села на кровать и кивнула, улыбаясь так широко, что мои щеки заболели.

На его лице расцвела невероятная улыбка, которая всегда заставляет меня таять. Ах, да, и появились эти ямочки, спрятанные под очень сексуальной щетиной.

Опустив взгляд на свои пальцы, которые теперь теребили край полотенца возле моей промежности, он наклонился и провел носом по внутренней стороне моего бедра.

— Ты уверен, что так будет правильно, Ремингтон? — спросила я.

Он посмотрел вверх на меня и кивнул.

— Что мешает нам получать невообразимое удовольствие друг от друга? — он потянулся и обхватил меня рукой сзади за шею, поглаживая ее. Я задрожала от прикосновения его ладони и хрипотцы в голосе. — Что *тебя* останавливает?

Господи, ему невозможно сопротивляться, особенно когда он так пристально на меня смотрит. Мое тело ожило от его неодолимой силы. Я понимала, что ни за что у меня не получится находиться рядом с этим мужчиной и не чувствовать себя при этом так, будто горю. Я нуждаюсь в нем так же сильно, как и он во мне. Не уверена, разумно ли для нас так нуждаться друг в друге. Это было нечто большее, нежели физическое притяжение. Была какая-то неуловимая причина, которую я не могу описать, но поверьте мне, я пыталась взвесить все в течение этих последних дней, пока мы находились вдали друг от друга. Сможем ли мы выжить спустя три месяца такой страсти?

Он притянул меня к себе и прижался своим лбом к моему. Все вокруг исчезло, остались только он и я.

— Ты влюбишься в меня, — засмеявшись, поддразнила я его.

Он пробормотал:

— Моя милая Селена. Это будет самая сладкая влюбленность.

Прежде чем я успела сделать следующий вдох, его губы обрушились на мои, сминая таким образом, чтобы они идеально соответствовали его. Я задохнулась, захваченная врасплох, когда его язык скользнул мне в рот, пробуя, заявляя свои права. Он поднялся, не прерывая поцелуя, его пальцы сжимали пряди моих волос.

— Красивый рот, — пробормотал он напротив моих губ. — Подвинься.

Я отползла назад, наблюдая, как он на четвереньках приближается ко мне. Боже, взглядом он пожирал меня всю.

Как только я откинулась на подушки, Ремингтон набросился на меня. Вихрь жадных рук и губ, накачанное тело и огромная эрекция в брюках. Мягкая ткань его футболки с V-образным вырезом и грубая ткань джинсов терлись о мою и без того чувствительную кожу груди и бедер, усиливая ощущения. Я ерзала и стонала, желая ощутить его еще ближе к себе. Протянула руки к краю его футболки, но он схватил их и развел над моей головой,

удерживая запястья одной рукой. Он зарылся носом в ложбинку у основания шеи, его горячее дыхание обжигало кожу, а поцелуи были еще горячее.

— Я так скучал по тебе, Селена, — пробормотал он рядом с моей кожей, покрывая поцелуями шею. — Ты представить себе не можешь, я чуть не сошел с ума, когда не мог касаться тебя, целовать. Еще один день без тебя и я бы, наверное, умер.

Я закатила глаза, хихикая над его напыщенными словами, и склонила голову набок, давая ему доступ к участку кожи между ухом и шеей. Мы оба понимали, то, что сейчас между нами происходит, временно. Что касается возможной угрозы, я чувствовала, что он действительно сможет защитить меня, защитить нас. Не знаю, почему была так в этом уверена, но я была.

— Я тоже скучала по тебе, Ремингтон, — ответила я, прижимаясь к его телу. — Я очень сильно скучала по тебе.

Он замер, все его тело напряглось, как будто он собирался вскочить. Затем он вздохнул и снова прижался своими губами к моим. В этот раз поцелуй не был нежным. Наши зубы сталкивались, это была дуэль языков, наказывающая и прощающая, страстная и отчаянная, словно его губы на моих — это единственное, что может помочь ему выжить. Он качнул бедрами, вжимаясь тазом в меня. Я широко развела ноги, обхватила ими его за талию и сомкнула щиколотки за его спиной. Его язык погрузился в мой рот, возбуждая со свойственной ему дикой страстью.

Почему я должна оставаться вдали от него? Я хочу его так чертовски сильно.

Он отстранился, и, не снижая темпа, схватился за край футболки и стащил ее с себя, отбросив через плечо. Затем поднялся с кровати и расправился со своими джинсами, за которыми последовали его черные боксеры.

Его член выпрыгнул на свободу, я застонала и начала извиваться на кровати. Он был таким, каким я его помнила, когда впервые увидела полностью обнаженным после сеанса позирования.

Я рассматривала его сквозь ресницы.

— Боже, какой ты сексуальный. Хочу облизать каждую частичку твоего крепкого тела.

Он схватил свои джинсы с пола, вытащил из бумажника презерватив и швырнул его на ночной столик у кровати.

— Я так скучал по тебе, прости, если терпение не будет сегодня одним из моих достоинств. Хочу оказаться в тебе как можно скорее.

Я задрожала, его слова зажгли во мне пожар.

— Я тоже сейчас не чувствую себя слишком терпеливой. Хватит разговоров, иди сюда.

Его глаза изумленно распахнулись, и он одобрительно улыбнулся. Мне показалось, что я готова вспыхнуть от желания. Я наблюдала, как он зубами разорвал упаковку и натянул презерватив на свой твердый член, двигая рукой вверх-вниз по нему. Я не могла оторвать от него глаз.

Самое сексуальное, что я когда-либо видела.

— Безумно хочу заняться с тобой любовью, Селена, но не могу. Сейчас я хочу трахнуть тебя жестко и быстро, окружить себя тобой.

— Возьми меня как тебе хочется, Ремингтон. Я тоже хочу тебя, любым способом, каким смогу получить.

Он зарычал, очевидно, довольный моими словами, и затем улыбнулся.

Боже, какой он сексуальный.

Я вцепилась в простыни, чтобы не наброситься на него. Кровать прогнулась, пока он продвигался ко мне, и остановился, только когда оказался на мне. Раздвинув мои бедра, он устроился между ними. Его рука скользнула между нашими телами, он взял в руку свой член, направил его к моему входу и без предупреждения ворвался в меня, заставив мое тело выгнуться дугой.

— Ремингтон!

Он согнул руки, и опустил свое тело на меня. Тяжело дыша, он зарылся лицом в любимое им место на моей шее.

— Я сделал тебе больно? — его голос звучал напряженно.

— Нет! Нет. Ты просто застал меня врасплох, вот и все, — ответила я, стараясь выровнять дыхание. Я думала, мое сердце взорвется оттого, что так бешено бьется. — Боже, мне нравится, как ты заполняешь меня. Так хорошо. А теперь начинай двигаться, или потеряешь баллы, Сен-Жермен.

Он усмехнулся, и этот хриплый смешок звучал очень развратно и божественно одновременно.

— Как пожелаешь, *ma belle*.

Своими словами я разбудила демона. Он приподнялся на руках и начал вбиваться в меня. Внутрь, наружу. Внутрь, наружу. Он рычал. Я стонала. Он мычал. Я кричала. Затем его губы накрыли мои, вдыхая мои вдохи, выдыхая мне в рот. Его язык требовал и успокаивал, заявлял свои права и ласкал. Я отвечала ему взаимностью, позволив себе делать то, что хочу. Я чувствовала себя свободной и безумно желанной. Он оторвался от моего рта, замедлил толчки и протянул одну руку к моей груди, массируя и перекатывая сосок между пальцами. Перешел ко второму соску, повторяя те же движения, а затем прижался своими порочными губами, вбирая его в рот.

Это был в десять раз более напористый Ремингтон, и мне это нравилось. Мне нравится эта страсть, переплетенная с отчаянием.

Внизу живота начало зарождаться напряжение, посылая дрожь удовольствия вниз по спине до самых кончиков пальцев.

Казалось, Ремингтон почувствовал это. Он оторвался от моей груди, уперся руками по обе стороны моей головы и снова начал двигаться. Его размеренные движения стали хаотичными, и я поняла, что он больше не может сдерживаться.

Мысль о нем, теряющем самообладание, и осознание того, что я причина такого его состояния, подтолкнула меня к краю. Я кончила, громко и беспрерывно выкрикивая имя Ремингтона, пока он продолжал вдалбливаться в меня. Он врезался раз, другой и кончил, до конца погрузившись в меня, выкрикивая мое имя. Он наклонился ко мне и нежно поцеловал в губы, зарывшись рукой в мои волосы и легонько потянув их.

Ремингтон скатился с меня, снял презерватив и отправился в ванную, чтобы избавиться от него. Несколько секунд спустя он вернулся, забрался под простыни и прижался ко мне, повторяя мою позу. Одной рукой он обхватил меня за талию и прижал спиной к своей груди. Он сжал мое бедро, вздохнул и скользнул ладонью по животу, останавливаясь на шраме.

Я удовлетворенно улыбнулась.

— Это было потрясающе.

— Феноменально, — он поцеловал меня в плечо, а его большой палец рисовал крошечные круги на моей коже.

Я закрыла глаза, убаюканная его ласками и теплом наших тел. Знаю, ему было

любопытно, судя по тому, как его ладонь поглаживала шрам под тату. Я кашлянула, вжимаясь глубже в уютное кольцо его рук, и собираясь с духом для того, что я собиралась рассказать. Единственными с кем я говорила об этом, были мой терапевт и моя семья. Да, и Грейс. Я рассказала ей, что случилось, когда решила вернуться в модельный бизнес.

Я открыла рот, собираясь заговорить, и закрыла его. В горле пересохло.

Боже, пожалуйста, дай мне сил.

— Эм... около трех лет тому назад я... потеряла ребенка, — я быстро выпалила эти слова и еще крепче прижалась к нему. Рука, поглаживающая мой живот, замерла. Я накрыла его руку своей и забрала немного его силы в себя, позволяя себе вернуться в тот день, который изменил мою жизнь самым невероятным образом. Я никогда в жизни не ощущала себя так одиноко, и мне стало интересно, случалось ли что-то в жизни Ремингтона и Адриана, что изменило ее так же, как изменилась моя.

— Я была на седьмом месяце беременности, когда это случилось. Какое-то время я чувствовала себя нехорошо, и доктор прописал мне постельный режим на шестом месяце. Джеймс в то время постоянно был на работе. В общем, однажды я проголодалась и чувствовала какую-то тревогу, поэтому решила спуститься вниз и перекусить. На полпути к кухне, я почувствовала неожиданную боль в животе и прежде, чем успела что-то понять, упала с лестницы. Когда очнулась, я была в больнице, и уже не была беременна, — я с трудом сглотнула, пытаясь избавиться от комка в горле, и вздрогнула, когда вспомнила, как пришла в себя в больнице и как моя ладонь двинулась туда, где должен был быть мой живот, а наткнулась на пустоту.

Печаль угрожала поглотить меня, поэтому я часто и глубоко задышала. Я сильная. Я научилась справляться с этим за прошедшие годы. Я могу сделать *это*.

Ремингтон крепче обнял меня, притягивая ближе, и переплел свои ноги с моими.

— А где был он? — спросил он так, словно ему с трудом удалось выдавить из себя эти звуки. — Твой... этот Джеймс?

— На работе. Он стремился стать партнером в юридической фирме, в которой работал.

Ряд проклятий сорвался с губ Ремингтона.

— Он оставил тебя одну и подолгу работал, когда тебе было плохо? Что за ублюдок мог поступить так?

Ублюдок, который изменял мне с моей лучшей подругой практически с первого дня нашей свадьбы, вот какой ублюдок. Я уставилась на стену напротив меня, стараясь не расплакаться. Я делала это каждый раз, когда рассказывала, что случилось. Но сейчас...

— Мне жаль, — пробормотал Ремингтон, поворачивая меня и глядя мне в лицо. — Мне очень жаль, Селена, — он провел пальцами по моим щекам, и я поняла, что плачу. Я пролила достаточно слез за прошлые три года, которые, как мне казалось, не оставили ничего во мне. Он прижал меня к своей груди, и я уткнулась головой ему в подбородок, наслаждаясь его силой и теплом.

— Спорим, ты и не думал, что сегодняшняя ночь станет ночью признаний?

Рукой он выводил круги на моей спине.

— Мне было интересно узнать про шрам, но я знал, что ты расскажешь мне, когда будешь готова.

Мы остались в этой же позе. Две души, запертые в пузыре близости. Словно демоны, владеющие нами, узнали друг друга и вместо того, чтобы разжечь пожар, они погасили его, утихомирили и успокоили. Впервые за долгое время я почувствовала, как покой овладевает

мной. Я действительно могла бы привыкнуть к этому.

Ремингтон

Я встал с кровати и сразу же почувствовал, как мне не хватает тепла тела Селены. Боже, она настоящая красавица как снаружи, так и внутри. Но я не мог оставаться в постели дольше. Вчера вечером я пообещал Адриану, что отвезу его сегодня в детский сад. Я пошел в душ и спустя двадцать минут вышел из ванной, и все мои мысли были заняты женщиной, спавшей в постели.

Я подобрал свою одежду с пола, затем повернулся к Селене и одевался, пожирая ее глазами. Не думал, что мне будет приятно наблюдать, как кто-то спит, если это не Адриан. Но вот она передо мной: лежит на животе, скрестив руки над головой, на ее губах блуждает умиротворенная улыбка, а белые простыни прикрывают ее прелестную попку. Мой взгляд прошелся по ее стройным бедрам, спустился ниже, туда, где ее ноги скрещены в лодыжках, и мой член напрягся от желания снова глубоко погрузиться в нее.

— Эй, — голос Селены был одновременно и хрипловатым и сексуальным. Как будет ощущаться этот ротик вокруг моего члена, отсасывая мне?

Я постарался перевести взгляд с тела на ее лицо. Она сексуально улыбалась, а ее карие глаза были потемневшими после сна.

Боже, эта женщина сведет меня в могилу. Или пробудит. Я дожидаться не мог, чтобы нарисовать ее вот такой, как только первый портрет будет закончен.

Я сократил расстояние между нами, забрался на кровать и поцеловал ее. Из ее горла вырвался низкий стон, она перевернулась на спину, ее руки скользнули вокруг моей шеи, притягивая к себе. Я мог бы целовать ее рот весь день и не желал бы уходить.

К тому моменту, когда я оторвался от ее губ, я едва дышал, а мой член крепко прижимался к молнии джинсов.

— Ты сводишь меня с ума. Мне нужно уйти, прежде чем я сорву с себя одежду и буду трахать тебя до потери сознания, Селена.

— Как будто я имею что-то против, — сказала она, лениво поигрывая пальцами с волосками на моем затылке. Мне очень нравится, когда она так делает. Чудесно, что Селена знает, как и где прикоснуться ко мне. — Возвращайся в постель и давай займемся чем-то неприличным.

— Ты знаешь, что я не могу сопротивляться, когда ты соблазняешь меня такими словами, — я поцеловал ее изящную шею, и она склонила голову набок, предоставляя лучший доступ. — Я обещал Адриану отвезти его в садик сегодня. Уверен, что Адель уже готова и ждет, — пробормотал я рядом с ее кожей. Будет ли перебором, если я вытащу ее из этой комнаты и возьму с собой, чтобы она всегда была рядом? Она, наверное, посчитает меня сексуально озабоченным неандертальцем.

Она слегка наморщила лоб, но морщинки быстро разгладились, когда она увидела, что я смотрю на нее. Она кашлянула, избегая моего взгляда.

— Что такое, Селена?

— Эм... Ничего такого, — она попыталась вывернуться из моих объятий. Я притянул ее обратно, зажимая ее ноги своими, и просто смотрел на нее, надеясь подчинить ее взглядом.

— Ты не мог бы перестать смотреть на меня вот так? Это нервирует.

Я рассмеялся.

— Как так?

— Будто ждешь, что я поведаю тебе все свои грязные мысли, — пробормотала она.

Должен признать, что иногда я задаюсь вопросом, куда она уходит, когда на ее лице появляется этот отстраненный взгляд.

Я вздохнул.

— Как я смогу исполнить их, если не буду знать, а?

Она рассмеялась. Ее смех все еще один из самых сладких звуков, которые я когда-либо слышал.

Она прочистила горло, выражение ее лица стало серьезным.

— Как думаешь, Адель испытывает какие-нибудь чувства к тебе? Я имею в виду что-нибудь помимо «ты мой работодатель»?

Это заявление ошеломило меня. Я отстранился и посмотрел на Селену.

— Что?

Она прикусила нижнюю губу.

— Есть что-то в том, как она смотрит на тебя. Возможно, я ошибаюсь.

Серьезно? И почему я ничего не замечал?

— Адель с нами уже четыре года. Ни разу она не выказала ничего, кроме нежности к Адриану и ко мне. Особенно к Адриану.

— Она замужем? У нее есть парень?

— Нет, насколько я знаю. Если подумать, единственное, что я знаю о ней, это что ей двадцать три, и она отлично говорит по-английски без намека на французский акцент, хотя у нее французское имя, — я нахмурился, мне не понравилось то, что я только что сказал.

Адель, казалось, не представляла угрозы для нас, а ее документы при приеме на работу показались мне легальными. Я никогда не задумывался об этом, а она никогда не демонстрировала неуравновешенность в своем поведении. Если бы кто-нибудь попросил меня описать ее, я бы сказал, что она неизменное спокойствие.

Еще одна мысль поразила меня. Могла ли дружелюбность Адель быть уловкой? Могла она быть тем человеком, который присылает письма и цветы?

Дерьмо! Неужели я был ослеплен красивым добрым лицом? Мысленно я сделал пометку попросить Жилия тщательно проверить ее прошлое.

— Ревнуешь? — игриво спросил я Селену, пытаясь скрыть волнение из-за того, что она указала на Адель.

— Да. Немного.

Меня удивила ее честность. Большинство женщин, с которыми я знаком, ни за что не признались бы в подобном чувстве.

— Не ревнуй. Мои глаза и любая другая часть меня нацелены на тебя и только на тебя, — я поцеловал ее в шею, вдыхая ее аромат, и почувствовал удовлетворение. — Какие планы на сегодня? — спросил я, когда мои руки нашли путь к ее груди. Она застонала, и ее тело выгнулось, прижимая ее голую грудь к моей.

— У меня фотосессия в Curves. Нижнее белье.

Зрение затуманилось, когда образ Селены в нижнем белье возник перед глазами.

— Могу я посмотреть?

— Да, — она приподняла бедра и потерлась киской об мой член. — У тебя будет возможность раздеть меня, если ты будешь хорошим мальчиком.

Я рассмеялся, наслаждаясь ее флиртом.

— Что я должен сделать?

— Принеси мне сладкую вату, и я стану твоей рабыней на всю ночь, — она положила свою руку мне на промежность, погладила и облизнула губы.

Блядь.

Мне нужно быть внутри нее. Немедленно.

Я отстранился и расстегнул ремень, мои руки тряслись в предвкушении. Боже, помоги мне! Я чувствую себя как юнец, который вот-вот лишится девственности. Что же в ней такого, что я хочу ее с такой страстью, которой никогда раньше не испытывал? Что всегда готов сделать ей приятное? Для меня это неизведанная территория, особенно учитывая, что в прошлом именно женщины горели желанием угодить мне.

Прежде чем я опустил свое тело на нее, она схватилась за петли на джинсах и притянула меня к себе с уверенностью, которая поразила меня в самое сердце. Ее пальчики расстегнули молнию, и вскоре мой член оказался в ее руке. Второй рукой она скользнула вниз, чтобы обхватить мои яйца.

— Селена, — застонал я, погружая пальцы в дикую гриву ее волос и толкаясь бедрами вперед. С мягкой улыбкой на лице она смотрела на меня из-под ресниц, приближаясь губами к моему члену. Я, словно загипнотизированный, смотрел на нее, ожидая, а мои яйца напряглись и болели. Затем она, поколебавшись, обхватила ртом мою длину. Она сглотнула и нервно улыбнулась. Я провел пальцем по ее губам.

— Ты не обязана это делать.

Она прочистила горло, ее улыбка стала робкой.

— Мм... я никогда раньше не делала этого.

Я ослабил хватку в ее волосах.

— Никогда? Даже с... ним? — одно его имя, произнесенное вслух, и я уже готов лететь в Нью-Йорк и врезать ему. Сильно.

Она покачала головой.

Она хочет, чтобы я был у нее первым? Я подавил желание стукнуть себя в грудь и лишь довольно заворчал, что все равно было замашками пещерного человека. Довольно легко вернуться к привычкам наших предков, когда она заставляет меня чувствовать себя, словно я единственный мужчина для нее.

Я положил свои руки поверх ее, убрал их с себя и лег на спину.

— Иди сюда.

Уверенное выражение снова появилось на ее лице, она придвинулась ближе и перекинула одну ногу через мои бедра, понимая мои намерения, когда я схватил ее за бедра. Я подтянул ее выше к своему рту.

— Нет. Я хочу тебя внутри, Ремингтон.

Мне не нужно было повторное приглашение. Я перевернул ее снова, неохотно покинул кровать и схватил джинсы, валяющиеся на полу. Вытащил последний презерватив из кошелька, натянул его на член, вернулся к Селене и погрузился в нее.

— Блядь, ты ощущаешься божественно. Обхвати меня ногами. Да, вот так. Мне нравится, когда ты так делаешь, — она уперлась пятками в мой зад, и член вошел еще глубже. — Мне не хватало этого ощущения, как твоя киска жадно сжимает мой член. *Боже*, ты сводишь меня с ума, женщина, — я медленно входил и выходил из нее, желая, чтобы это продлилось как можно дольше. С ее губ сорвался стон, и мое желание стало еще сильнее.

— Ты думала обо мне, трахаящем тебя вот так, Селена? Скучала по тому, как мой член наполняет тебя? — она быстро кивнула, зажав зубами нижнюю губу. — Очень хорошо. Я буду трахать тебя так жестко, что ты не уйдешь от меня в следующий раз.

— В конечном счете мне все равно придется уйти, Ремингтон.

Я постарался подавить раздражение, которое вызвали ее слова, и бросил на нее грозный взгляд, чтобы она замолчала. Она посмотрела на меня в ответ, ее лицо светилось вызовом и возбуждением. Мне нравилось это.

— Теперь ты только возбуждаешь меня этим свирепым взглядом. Ты злился, когда я ушла? — спросила она, проскользнув руками между нашими телами, чтобы обхватить мои яйца. Я раздвинул ноги шире, предоставляя ей лучший доступ. Она легонько потянула за яйца, пока держала меня в плену этими свои зачаровывающими глазами.

— Я был очень зол. Сейчас я просто хочу показать тебе, что ты теряешь, и убедиться, что я, черт возьми, единственный о ком ты будешь думать, после того, как я закончу заявлять свои права на то, что принадлежит мне.

Ее рука двинулась дальше и кончиком пальца она нежно прошлась по моему анусу и яйцам, и мой член напрягся еще сильнее.

— Боже! Сделай так еще раз, — прорычал я.

В этот раз ее прикосновения были смелее. Она провела пальцем между нашими телами, смазала его и скользнула обратно, лаская меня, а затем нежно протолкнула пальчик внутрь.

Я тяжело дышал, мое тело было как чертова бомба, готовая в любую секунду взорваться. Я забыл, что был зол, забыл, где я. Уверен, что не смог бы вспомнить, как меня зовут, и если бы я стоял, то уже лежал бы на полу кровавым месивом. Никто никогда не прикасался ко мне так раньше.

— Так ты прощаешь меня? — спросила она.

Я постарался сконцентрироваться на этой женщине, которая уничтожала все оставшееся у меня самообладание.

— Ты уничтожила меня, Селена, — задыхаясь, произнес я. — Я уже не могу стать тем, кем был, потому что ты сделала... это... со... мной.

Не в силах контролировать себя, я схватил ее за руки, и, удерживая одной рукой за запястья, начал быстро и сильно вдавливался в нее. Расцепив ее ноги, обхватывающие мои бедра, я согнул их и прижал к ее груди, затем забросил себе на плечи и наклонился поцеловать Селену, продолжая входить и выходить из нее.

— Это, ох, Господи, Боже, Ремингтон, ты так хорошо ощущаешься во мне. Такой огромный. Сильнее, пожалуйста. Жестче, — выдохнула она.

Боже, она такая же ненасытная, как и я.

— Руки к изголовью, — она сделала, как я велел. Я изменил свое положение между ее бедер. — Я собираюсь трахнуть тебя жестко, Селена. Ты будешь вспоминать об этом в течение всего дня.

Не дав ей возможности ответить, я снова начал вдавливался в нее жестко и быстро, ее спина выгибалась над кроватью, встречая мои толчки. Ее стоны стали громче, а затем она выкрикнула мое имя, всхлипывая и дрожа подо мной. Эти эротичные звуки стали моей погубелью. Я вонзился в нее еще два раза, и дрожь прошла сквозь меня, угрожая разорвать на части. Именно тогда, мне захотелось забраться ей под кожу, чтобы она была рядом всегда. Мое тело обмякло, но я постарался убрать с нее половину своего веса и, тяжело дыша, зарылся лицом в ямку у основания ее шеи — мое любимое место. Она обхватила меня

руками и ногами и вздохнула, ее мягкие изгибы прижались к моему твердому телу.

— Это ощущалось... это было даже лучше, чем наш секс раньше, — сказала она, пытаясь отдышаться.

— Так и было. Что же мне с тобой делать, Селена? — пробормотал я, повторяя те же самые слова, которые она сказала мне некоторое время назад. Я вышел из нее, взял член в руку, чтобы снять презерватив, и замер.

Дерьмо! Чертова резинка порвалась.

— Что случилось? — спросила она, глядя на меня, а затем вниз на мою промежность. Ее глаза округлились. — Неудивительно, что в этот раз ощущения были другими. Гораздо лучше, — быстро добавила она последнее предложение.

Я кивнул, мысленно матерясь, отправился в ванную, чтобы выбросить презерватив, и вернулся в комнату. Я был так увлечен своей потребностью в ней, что не мог остановиться и подумать. Все что я знаю, это то, что погрузится в нее своим членом почти как исцеление для меня. Но что если она забеременеет? Она принимает противозачаточные?

Она, казалось, прочитала мои мысли.

— Я чиста и принимаю таблетки, потому что они помогают мне во время месячных и... — она замолчала и, смутившись, закрыла лицо руками. Эта женщина сплошное противоречие. В какой-то момент она смелая, забавная и робкая, а в следующую секунду милая. Я убрал ее руки от лица и погладил ее покрасневшие щеки костяшками пальцев. Наклонился и поцеловал ее в лоб, оценив ее самоотверженность в данной ситуации.

— Я тоже чист. Я не спал с женщинами очень долгое время, — от моего признания ее глаза округлились. — У меня не было времени. В перерывах между заботой о требовательном пятилетнем мальчике, рисованием, помощью матери с винным заводом и управлением отелем мне было не до отношений.

— А что касательно твоих потребностей, ну ты знаешь... э... — она покраснела еще сильнее, и ее взгляд переместился на мою промежность.

Я рассмеялся. Она была невинна во многих вопросах.

— У меня есть другие средства. У меня очень талантливые руки, *ma belle*, — я подмигнул ей и она рассмеялась. Я притянул ее в свои объятия, глазами исследуя татуированную кожу на животе и проводя пальцами по шраму. Она задрожала, прижимаясь ближе ко мне, и вздохнула.

Мир прекрасен.

Я не позволю этой женщине ускользнуть от меня. Видимо, никогда.

Селена

Вау. Просто офигеть, вау! Секс с Ремингтоном — это совершенно новый уровень приключений. Я побрила ноги и подмышки до идеально гладкого состояния и убедилась, что область бикини тоже чиста. Мне совершенно не нужно, чтобы показался какой-нибудь волосок. Затем скользнула в свои темно-синие джинсы.

Надев пару черных балеток, я схватила свою сумочку с комода и вышла из комнаты, чувствуя себя легко и счастливо, впервые за долгое время.

Когда я спустилась вниз, Ремингтон стоял, облокотившись на стойку администратора, и разговаривал по телефону. Он поднял взгляд, выпрямился в полный рост и с восхищением наблюдал, как я приближаюсь к нему, покачивая бедрами немного сильнее обычного.

Несколько секунд спустя, он засунул телефон в карман джинсов и направился мне навстречу, его взгляд не отрывался от моих губ. Схватив меня за бедра, он подтолкнул меня назад, пока моя спина не коснулась стены, и прижался ко мне своим крепким телом. Я подняла ноги и обхватила его бедра; одновременно из его горла вырвался низкий рык и его губы обрушились на мои. Он целовал меня так, словно это не он провел большую часть ночи и утра, поглощая меня. Отстранившись, он обхватил мое лицо ладонями и стал ласкать мою нижнюю губу большим пальцем.

Боже, я становлюсь такой шлюхой, когда дело доходит до Ремингтона. Кроме того, быть зажатой между стеной и твердым телом мужчины ощущалось невероятно хорошо.

— Ты действительно очень красива, Селена, — пробормотал он. — Что на тебе надето под этими джинсами?

— Ничего.

Его рот приоткрылся, и он резко выдохнул.

— *Ничего?*

Я кивнула.

— Хочешь знать почему?

— Уверен, что твоя причина, возможно, убьет меня, но да, пожалуйста. Скажи мне, — сказал он снисходительно.

— Мне нравится, как грубая джинсовая ткань ласкает меня *там*.

Он застонал, потирая сильными пальцами меня между ног, пока его губы посасывали и лизали мою шею.

Кто-то кашлянул рядом с нами. Я замерла, отталкивая Ремингтона руками, но он был как скала. Неподвижный, твердый и упрямый. Я выглянула из-за его плеча и увидела Эрика, усиленно старающегося смотреть куда угодно, только не на нас.

— Мсье Сен-Жермен, Адриан ищет вас, — сообщил Эрик. Его уши и щеки порозовели, а голова была повернута в противоположную от нас сторону, словно, если бы он посмотрел на нас, то сгорел бы заживо. Что вполне возможно, принимая во внимание, какой жар исходил от Ремингтона. Бедный парень! Он был напуган видом моих сисек некоторое время назад, и тем, что случилось прошлым вечером в ванной, а теперь был вынужден смотреть на нас, когда мы вели себя как пара озабоченных подростков.

— Контролируй себя, Сен-Жермен, — прошептала я ему в ухо, а Эрик тем временем

развернулся и оставил нас в нашем алькове одних.

— Мое тело не знает этого слова, когда я рядом с тобой, — он позволил моему телу соскользнуть по своему твердому телу и в этот момент Адриан показался из-за угла, спеша к нам, и бросился ко мне.

Он посмотрел вверх, широко улыбаясь.

— Я скучал по тебе, Селена.

— Я тоже, тигренок, — я взъерошила его кудрявые волосы и подняла взгляд на Ремингтона, который уставился на меня так, будто готов наброситься.

Я подмигнула ему, поправила ремешок сумочки на плече и вышла из отеля вместе с Адрианом.

Когда я заметила, что Ремингтон не пошел за нами, мы вернулись в отель узнать, что его задержало. Увидев его, я замерла на середине шага. Он стоял рядом со стойкой администратора, спиной к нам, его плечи были напряжены. Мое сердце бешено забилося, когда я перевела взгляд на его руки.

— Эрик, ты не мог бы присмотреть за Адрианом, пожалуйста, — попросила я, когда наши с ним взгляды встретились. Он кивнул, улыбнулся и забрал мальчика в подсобку.

Я подошла к Ремингтону и встала рядом с ним.

— Ремингтон? Что это? — я посмотрела на букет красных ирисов, стебли которых были перевязаны желтой лентой.

Он выдохнул, и его обеспокоенный взгляд встретился с моим.

— Думаешь, их прислал тот... человек?

Он кивнул, поджав губы, и показал мне бумагу, похожую на ту, что получил в тот вечер, когда я ушла от него.

— У тебя есть предположения, кто мог прислать их? Они имеют какое-то значение? Скажи хоть что-нибудь, Ремингтон, — прошептала я, оглядывая холл и возвращаясь взглядом к нему.

— Я подозреваю четырех женщин, которые могли прислать их. Женщин, с которым у меня были отношения в первые два года после Колетт.

Ладно. По крайней мере, мы сдвинулись с мертвой точки. Я постаралась не задохнуться от огромного комка, образовавшегося в горле, и напомнила себе, что он не вел уединенную жизнь до того, как мы встретились.

Я отмахнулась от этого ощущения и сосредоточилась на Ремингтоне.

— Может быть, какая-нибудь из этих женщин не была счастлива, что ваши отношения закончились.

— Я обращался со всеми уважительно. Убеждался, что у нас полное взаимопонимание, — он провел рукой по волосам. — Не понимаю. Зачем кому-то делать это?

Я посмотрела на него и покачала головой. Серьезно? Этот мужчина понятия не имеет, насколько он привлекателен для женщин.

Неожиданно его подбородок напрягся, он выпрямился, развернулся и протянул руку к администратору, стоящему за стойкой.

— Избавьтесь от этого. Где Адриан?

Словно его позвали, мальчик выбежал из подсобки, держа в руке фигурку человечка из конструктора Лего.

Мы направились к выходу из отеля, но я остановилась, когда почувствовала, как зашевелились волосы на затылке от осознания, что кто-то наблюдает за мной. Я

развернулась и посмотрела по сторонам. Я смотрела на людей и, казалось, что все они заняты своими делами. Затем я повернулась посмотреть на входную дверь и краем глаза заметила женщину справа от себя, далеко впереди нас. На ней были темные солнечные очки, она смотрела на нас чересчур долго, а затем развернулась и поспешила выйти из отеля. По крайней мере, мне показалось, что это женщина, но я не сумела хорошо разглядеть фигуру под длинным черным плащом и низко надвинутой шляпой.

— Ремингтон, посмотри сюда... — я нахмурилась, глядя на вход. Там никого не было. Мне показалось?

— Что? Что такое, Селена? — спросил он, переведя взгляд с моего лица на вход, а затем обратно на меня.

— Ничего.

Между бровей у него образовалась глубокая складка, и он посмотрел на меня с явным недоверием.

— Ты уверена?

— Да. Нет. Мне показалось, что я увидела человека, который смотрел на нас вон там, — я махнула в направлении места, где видела того человека несколько секунд назад.

Хмурый взгляд исчез, сменившись нейтральным выражением. Бесстрастным.

— Жди здесь.

Он быстро вышел из отеля и вернулся через несколько минут, его челюсти были плотно сжаты. Он сгреб Адриана в свои объятия и повернулся ко мне.

— Кто бы это ни был, он ушел. Ты в порядке? Ты выглядишь не очень хорошо, — он провел пальцами по моей щеке.

— Я в порядке, просто немного потрясена, — улыбнулась я, надеясь убедить его.

Пятнадцать минут спустя Ремингтон высадил меня напротив здания Curves, дождался пока я зайду внутрь и только потом уехал. Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прояснить мысли, и заставила себя расслабиться. Внутри, в своем элегантном кабинете меня ждала Грейс. Мы обнялись, и она повела меня в студию — большую комнату, оформленную в черно-белых тонах, с лампами, расставленными по всей комнате.

— У нас не было времени встретиться, Селена. Прости меня, что бросила тебя так надолго. Я задержусь в Париже чуть дольше в этот раз. Может, нам встретиться, что скажешь?

— Я недолго была одна, — я хитро ей улыбнулась.

Когда она удивленно выгнула одну бровь, я пробормотала:

— Ремингтон.

— И?.. — подсказала она, ее глаза блестели от возбуждения.

Он захватывающий, отважный и, судя по недавним событиям, с ним опасно находиться рядом.

— Принимай меня таким, какой я есть. Он относится к такому типу мужчин. И, кстати говоря, он заедет чуть позже.

— О, Боже! Похоже, твой план получить удовольствие успешно исполняется, — сказала она, в ее карих глазах горело удивление, когда она остановилась перед гримерной. — Мне, правда, тебя не хватало, Селена. Ты ведь позаботишься о себе? Потому что этот идиот, твой бывший муж, не знает, что потерял.

Я покачала головой.

— Все это уже в прошлом, дорогая. Взгляни на меня. Я здесь, в Париже, вернулась к

работе и, — я провела рукой вдоль тела, — здорова, — я рассказала ей о ребенке, потому что знала, что она, скорее всего, все равно узнает, особенно принимая во внимание татуировку в нижней части живота. Откровенно говоря, мне не хотелось начинать деловые отношения, основанные на лжи. Слава Богу она не жалела меня. За это я была ей очень благодарна.

Она кивнула, обняла меня еще раз и втолкнула в комнату, шлепнув по попе.

— Вперед и будь хорошенькой перед камерами. Комплекты пронумерованы, так что ты будешь знать, что и в каком порядке надевать. Повеселись, дорогуша.

Я рассмеялась, закрывая за собой дверь. Как же чудесно, когда к тебе относятся с такой любовью и уважением. Сеансы терапии, сердечная любовь моей семьи, жаркое поощрение со стороны Эндрю и Грейс, а теперь и уверенные попытки Ремингтона быть в моей жизни? Все эти моменты вместе взятые, уничтожали негатив, скопившийся за время брака с Джеймсом.

Селена

Чувственная соблазнительная французская музыка играла на заднем плане, пока я принимала различные позы на широкой кровати с балдахинном. Прозрачные белые занавески украшали черный каркас, а по кровати были небрежно разбросаны большие белые подушки.

Съемка шла уже около получаса, когда фотограф, высокий худощавый парень с волосами, собранными в хвост, объявил, что мы делаем перерыв. Он посмотрел на меня с раздраженным выражением лица. Я шумно выдохнула, отшвырнула большую подушку, которую прижимала к груди, и соскользнула с кровати. Эта фотосессия была ошибкой. С того момента, когда Ремингтон высадил меня возле Curves, мои мысли были в полном беспорядке и постоянно возвращались к цветам и человеку в плаще. Даже шардоне, которое я потягивала, чтобы расслабиться, не помогало.

Я взбила волосы, затем схватила ленту со стола и завязала их в хвост, пока шла к одной из женщин, ассистирующих на съемке.

— Спасибо, — сказала я с улыбкой, взяла белый шелковый халатик из ее рук и надела его.

Я увидела Ремингтона, стоящего рядом с Грейс, они тихо разговаривали. Его глаза были сосредоточены на мне, пока я босиком неспешно шла к ним.

— Привет, детка, — поздоровалась я с ним, прижимаясь губами к щеке, но он повернул лицо так, чтобы наши губы соприкоснулись. Одной рукой он обхватил меня за талию и притянул к себе. Что мне нравится в Ремингтоне, так это то, что он не стесняется показывать свою симпатию на публике. Впрочем, никто не имел ничего против.

К тому времени как я отстранилась, я чувствовала себя гораздо лучше благодаря вниманию и поцелуям этого мужчины. Я взглянула на Грейс и увидела, что она широко улыбается, одобряя меня, и обмахиваясь рукой.

— Развлекаешься? — спросил Ремингтон, его низкий голос разбудил во мне желание, в то время как его рука чертила круги на моей пояснице, посылая дрожь вниз по позвоночнику.

— Эм... да. Конечно же.

Он прищурился.

— Этой девочке нужно расслабиться. Можешь идти, — сказала Грейс, махнув рукой. — Никогда не видела тебя такой нервной, Селена.

Рука Ремингтона прекратила свои успокаивающие поглаживания.

— Мне просто нужно несколько минут. Не думала, что буду так нервничать, вернувшись в модельный бизнес.

— Прошу простить нас мадам Дреснер, — сказал Ремингтон, одарив Грейс улыбкой.

Грейс похлопала себя по покрасневшим щекам, и я закатила глаза от того, насколько очевидно Ремингтон использовал свое очарование.

— Конечно же, и прошу, зови меня Грейс.

— Ты не исправим, Сен-Жермен, — сказала я, пока он вел меня по коридору, а его рука стальным обручем обхватывала мою талию.

Он улыбнулся, поражая меня более впечатляющей улыбкой, чем та, что он подарил

Грейс.

— Комната, — пробормотал он. Я вопросительно на него посмотрела, гадая, о чем он говорит. — Твоя гримерка.

— Ах, да. Мне нужно немного освежиться...

— У меня на уме кое-что другое, — он сжал мою задницу, давая понять, что имеет в виду.

— Оу! — мое лицо вспыхнуло от этого предложения. — Так что же у тебя на уме? — я кокетливо улыбнулась через плечо, открывая дверь и впуская нас внутрь. Как только мы оказались внутри, он пинком ноги захлопнул ее, развернулся и, подтолкнув меня к двери, прижался своим телом к моему. Он сжал мои бедра, притягивая меня ближе к себе.

— Вот это.

Его губы обрушились на мои, а рука скользнула под белое белье. Его пальцы очертили изгиб моего бедра, подбираясь выше и обхватывая мою задницу. Захваченная врасплох, я ахнула, и его язык скользнул мне в рот. Но, даже закрыв глаза, я была в состоянии видеть и чувствовать только его. Ни капли не сдерживаясь, я охотно вернула ему поцелуй.

Мое тело нуждалось в этом мужчине, а душа отчаянно требовала его присутствия. Невозможно представить какой была моя жизнь до него. В настоящий момент он моя самая сладкая отдушина, и я раба его внимания и прикосновений. Он говорил, что я околдовала его, но он ошибался. Это он очаровал меня своими зелеными глазами, своими вызывающими привыкание прикосновениями и греховным ртом. Когда он прервал поцелуй, я открыла глаза и рассмеялась. Его губы были испачканы красной помадой.

Не обращая внимания на мое веселье, он наклонился к моему уху и, нежно прикусив мочку, спросил:

— О чем ты думаешь?

Я задрожала от ощущений, охвативших меня.

— Эти таинственные цветы и... — я замолчала, неожиданно почувствовав себя глупо из-за того, что собиралась сказать. До сих пор эта мысль не приходила мне в голову, и я не знала, что думать по этому поводу. Я закрыла глаза, выдохнула и покачала головой, чтобы прогнать прочь эти ужасные мысли.

Он отстранился и провел костяшками пальцев по моей щеке.

— И что? Открой глаза, Селена.

Мои глаза встретились с его глазами, заполненными беспокойством и теплом.

— Прошло уже восемь лет с тех пор, как я делала это последний раз, — я махнула рукой, указывая на свое тело.

— Ты имеешь в виду, выглядела, как моя мечта? — спросил он, выгнув одну бровь.

Мое сердце затрепетало как крылышки колибри, что происходило всякий раз, когда он говорил подобное. Я усмехнулась, его слова польстили моему эго и наполнили уверенностью.

Он предупреждающе сжал мои бедра.

— Правду, *ma belle*, мы всегда будем говорить друг другу только правду.

— Я думала, что смирилась с некоторыми недостатками своего тела, но на самом деле оказалось, что нет.

Он нахмурился в замешательстве, осматривая меня с головы до ног, и в его взгляде можно было прочесть одобрение. В одном этом взгляде было столько голода.

— В последние годы, перед тем как Джеймс и я развелись, он частенько говорил

довольно-таки неприятные вещи. В конце концов, я поверила ему. Он уничтожил всю мою защиту и уверенность, которые я выстроила. Мне не следовало ему верить, но я поверила. Каждый грамм негатива, от которых мне удалось избавиться, пока я выросла, вернулся вдвойне. Достаточно, чтобы кто-нибудь что-нибудь сказал несколько раз, и это укореняется в голове.

— Ох, Селена, — пробормотал он, притягивая меня в свои объятия.

— Пожалуйста, не надо меня жалеть. Лучше дай мне пинок под зад и крепко поцелуй. А затем отправь меня туда, чтобы я закончила фотосессию. Мне не следует позволять себе так думать.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Он отстранился и взял мое лицо в свои ладони. Его глаза напряженно смотрели на меня, а затем он поцеловал меня в лоб.

— Хочу, чтобы ты вышла туда и была обольстительной, соблазнительной искусительницей, которую я знаю. Слышишь меня, Селена? Твой бывший муж — придурок. Но позволь мне сказать тебе кое-что. Мне нравится твое тело. Каждый, даже самый маленький его изгиб, и я не могу насытиться им.

Затем он поцеловал меня, стирая своими поцелуями каждую каплю неуверенности, наполняя мою душу частью себя и похищая еще один кусочек моего сердца.

От его поцелуев мой разум затуманился. Тело задрожало, и я вздрогнула, когда почувствовала острую боль на правой ягодице, распространяющуюся по всему телу. Я вскрикнула и бросила взгляд на Ремингтона. Прежде чем я успела открыть рот и отругать его, он опустил на колени. Схватив меня за бедра, он провел рукой по моей коже, успокаивая жжение лаской, затем поцеловал и лизнул это место.

Ремингтон Сен-Жермен великолепно отвлекал внимание и стал моей зависимостью.

Я схватила салфетки для снятия макияжа и стерла помаду с его лица, пока его взгляд не отрывался от моего лица.

А через несколько мгновений пришла гример, чтобы обновить мой макияж. Оставшаяся часть фотосессии прошла хорошо, и я была возбуждена. Ремингтон стоял в нескольких шагах от меня, его голодный взгляд не покидал меня, пока фотограф азартно продолжал фотографировать. Фотографу не нужно было говорить мне, что делать, мое тело все делало само. В какой-то момент я заметила, как Ремингтон незаметно поправил джинсы спереди. Я встретилась с ним взглядом и подмигнула ему, прежде чем стыдливо провести пальчиком по лиловому кружевному лифчику.

Во время следующего короткого перерыва он подошел ко мне и прошептал:

— Надеюсь, ты не против быть привязанной к кровати, потому что это все, о чем я сейчас могу думать. Связать тебя, поглощать твою киску и жестко трахнуть. Сегодня вечером.

Жар разлился внизу живота, но я не могла позволить оставить последнее слово за ним. Мой взгляд прошелся по студии. Никто не обращал на нас внимания, поэтому я решила сделать то, что никогда раньше не осмеливалась делать при людях. Я накрыла ладонью выпуклость на его джинсах и была вознаграждена низким сексуальным рычанием.

— Он будет божественно ощущаться у меня во рту.

Его рука скользнула мне на затылок.

— Черт, женщина. Ты сводишь меня с ума.

Он убрал руку, когда вернулся фотограф, и отошел на свое место у дальней стены. Он

стоял там, скрестив руки на груди и наблюдая. Каждая секунда на кровати, казалось, пробуждала мои чувства, когда я представляла его тело сверху на мне. Мои щеки горели, конечности дрожали, взгляд был чувственным.

— *Magnifique!* (фр. *Блестяще!*), — улыбаясь, повторял фотограф с каждым щелчком камеры. — Очень красивая.

Я чувствовала себя живой и снова вошла в колею. Теперь, видя реакцию Ремингтона на мои позы на кровати и зная, что я являюсь причиной этого собственнического выражения на его лице, соблазнение стало моим супероружием.

Селена

Сразу после фотосессии мы попрощались с Грейс. Она по очереди обняла и расцеловала нас в обе щеки, прежде чем удалиться в свой кабинет, где у нее проходило совещание с одним из дизайнеров. Ремингтон схватил черную кожаную куртку с вешалки на стене у двери, надел ее, а затем помог надеть плащ мне. Как только я скользнула в него, он взял меня за руку. Мы вышли в туманное утро, направились к парковке и остановились напротив блестящего черного мотоцикла. Я взглянула на него, затем вверх на серое небо и посмотрела на Ремингтона.

— Ты не против? — спросил он, разглаживая большим пальцем складочку, образовавшуюся между моих бровей.

Я закусила губу. Что если пойдет дождь? Дороги станут скользкими, и для нас все может закончиться...

— Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. Обещаю.

Я облизнула губы и кивнула. Наслаждение маленькими удовольствиями, которые я обещала себе, когда уезжала из дома. Кроме того, несмотря на беспечность, которую он излучал, он был очень осторожен. Это чувствовалось в каждом движении его сексапильного тела.

Я улыбнулась.

— Знаю.

Он кивнул, видимо, довольный моими словами. Может быть, то, как он заглянул мне в глаза, когда давал обещание, или стопроцентная уверенность, прозвучавшая в его голосе — что бы это ни было, я доверяла ему.

Ремингтон достал еще одну куртку из багажника под сиденьем, я сняла плащ, сложила его, положила в багажное отделение и натянула мотоциклетную куртку. Затем он взял шлем, надел его мне на голову и застегнул застежку под подбородком, глядя мне в глаза.

— У тебя красивые глаза.

Он улыбнулся.

— Спасибо. А ты, моя леди, выглядишь умопомрачительно, — он завязал в узел мои буйные кудри на спине, затем взял второй шлем, надел его и застегнул под подбородком.

— Лесть ничего тебе не даст.

— А я-то думал, что она заведет тебя достаточно, чтобы ты позволила мне вытворять с тобой всякие грязные штучки на этом мотоцикле, — он наигранно вздохнул, перекинул одно крепкое бедро, седлая мотоцикл, и протянул руку мне.

Святая Матерь Божья, до чего горячо!

Я вложила ладонь в его руку, и уселась позади него. Бешеное биение пульса отдавалось в ушах при мысли, как мы занимаемся этим на мотоцикле. Я поерзала, прижимаясь бедрами к его бедрам, обхватывая руками его подтянутую талию.

— Куда мы едем?

— Хочу показать тебе кое-что, — его голос звучал спокойно и собранно, но я почувствовала, как он дрожит, когда его рука легла на то место, где моя рука прижималась к его плоскому животу.

Я улыбнулась и прижалась лицом к его спине. Ремингтон не настолько контролирует себя, каким хочет казаться. По крайней мере, не со мной.

Ремингтон за рулем мотоцикла это нечто возбуждающее. Мышцы под его курткой перекачивались и бедра напряглись, когда мы вильнули и выскочили на улицу. Несколько прядей волос, выбившихся из узла, швырнуло мне в лицо. Я выглянула из-за его спины, и мой взгляд упал на его руки. Его сильные пальцы, сжимающие ручки руля, выглядели так, будто он умеет все. Он объезжал углы, неся по улицам, но сбросил скорость, когда движение стало слишком интенсивным. Кататься с ним — захватывающий процесс.

Ремингтон припарковал мотоцикл на улице Руже де Лиль (*Примеч. Улица названа в честь Клода Жозефа Ружэ де Лиля — французского поэта и композитора, написавшего слова и музыку для революционного гимна «Марсельеза»*), снял меня с мотоцикла, затем расстегнул ремень под подбородком, снял шлем, так же как и свой, и положил оба шлема в багажное отделение.

— Ты поднял меня так, будто я ничего не вешу. Мне это нравится.

Он пожал плечами.

— Ты не так уж много вешишь.

Я закатила глаза, хотя мне польстили его слова.

Он протянул мне руку и повел по улице в сторону парка Тюильри. Удивительно, но я ощущала себя естественно, будто делаю это уже не первый год. Я бросила взгляд на него, гадая, помнит ли он наше первое свидание за ланчем, и встретилась с его понимающим взглядом. Его губы изогнулись в улыбке, демонстрируя ямочки, он поднял мою руку к своим губам, и я поняла, что он думает о том же самом.

Я полностью потерялась в нем, а также рассматривала окружающие виды, вдыхала запах мокрых листьев, поэтому только когда оторвалась от созерцания, поняла, что мы направляемся к музею Оранжери. (*Примеч. Музей Оранжери — картинная галерея в Париже, представляющая работы импрессионистов и постимпрессионистов*).

Мы подошли к пропускному пункту, Ремингтон предъявил два билета и переплел наши пальцы, пока вел меня на верхний этаж.

— Когда ты успел купить билеты?

— Я купил твой, после того, как отвез Адриана в садик.

Но не успела я поблагодарить его, как он уже тащил меня за руку и игриво улыбался мне через плечо. Я не удержалась и улыбнулась ему в ответ. Когда он выглядит вот так, он напоминает Адриана. Мы зашли в большую овальную комнату с девственно белыми полами. Повсюду на стенах, насколько хватало глаз, висели изображения белых лилий. Все вокруг меня исчезло — толпа туристов, бормотание — осталось только ощущение руки Ремингтона в моей руке и «Водяные Лилии» Моне. (*Примеч. «Водяные Лилии» — серия картин Клода Моне, в которую входят приблизительно 250 картин, посвященных саду в имени художника*).

Я глубоко втянула воздух, прижала руку к груди, изучая картины и игру света на зеленых, голубых и белых красках.

— Вау, — прошептала я, затаив дыхание от окружающей меня красоты. Когда я посещала раньше Париж, у меня не было возможности посетить этот музей. Я видела фотографии в журналах и в интернете, но никогда так близко. Никогда не видела их вот так. Почему я никогда не находила время, чтобы посетить это место?

Я обернулась к Ремингтону спросить его про картины, но замерла, увидев выражение на

его лице. Это выражение на его лице я могла описать только как умиротворенное. Впервые я видела это выражение, когда зашла на кухню и увидела, как он общается с Адрианом, когда оставалась ночевать в его доме, и когда мы танцевали в клубе, а затем еще раз, после секса в тот день, когда он рисовал меня. И сегодня тоже, когда он держал меня в своих объятиях на моей кровати.

Он подошел и встал рядом со мной, притянул меня к своей груди, и его руки обхватили меня вокруг талии, прижимая очень близко к нему.

— Добро пожаловать в мою Крепость Одиночества, — прошептал он мне на ухо. Я откинула голову ему на плечо, и не смогла удержаться от смешка, сорвавшегося с моих губ.

— Крепость Одиночества? Как у Супермена?

Он кивнул.

— Когда я был ребенком, и когда бы мама ни привозила меня в Париж, она всегда приводила меня сюда. В первый раз, я сидел на скамейке и не хотел уходить. Мне нравилось, каким мирным было это место. Чистым, как будто ничто не могло просочиться через стены и уничтожить меня. Спустя какое-то время это стало у нас традицией. Она приводила меня сюда и уходила по своим делам, а позже забирала на обед или ужин перед тем, как мы должны были лететь обратно в Прованс. Когда с моим отцом все стало плохо, я пришел сюда. Я сидел здесь и смотрел на картины, представляя, что у меня совсем другая жизнь. После того как Колетт исчезла, большую часть своего времени я проводил здесь, размышляя, как мне жить дальше. Я думал, как буду воспитывать девятимесячного ребенка сам, хотя практически уже делал это последние четыре месяца.

Его голос звучал холодно, когда он произнес ее имя. Я хотела спросить, что случилось с его женой, но не хотела, чтобы он прекратил рассказывать. Я уже какое-то время хотела узнать о ней побольше. То, что он открылся мне, уже громадный шаг вперед. Поэтому я обхватила ладонями его руки и нежно сжала их, чтобы дать понять, что внимательно его слушаю.

— Впервые я встретил Колетт в клубе здесь в Париже, куда пришел вместе с друзьями. Мы очень хорошо ладили с самого начала. Ей был двадцать один год, и ее родители погибли в автокатастрофе за шесть месяцев до нашей встречи. Они вместе возвращались в Париж после летнего отпуска в Марселе. Она была опустошена. Уязвима. Мое желание защитить ее, быть там ради нее, захватило меня. У нее никого не было, кроме тетки, живущей где-то очень далеко, и меня. Она никогда не навещала дедушку с бабушкой. Отказывалась говорить мне причину, так что я перестал ее спрашивать. А через год мы поженились.

— Колетт была археологом и частенько путешествовала, пока не забеременела Адрианом. После рождения нашего сына она уехала туда же, где приостановила свою работу, будто его и не существовало. Я полагал, что ей стало скучно, и она спешила возобновить работу, — он тяжело вздохнул. — Ничто не могло удержать ее. Ни наш ребенок, ни, очевидно, я. Она путешествовала, но всегда возвращалась к нам. Однажды она вернулась домой очень энергичной и рассказала мне, что ее компания начинает археологические раскопки в Чили и ее берут в состав команды по раскопкам.

Ремингтон замолчал, как будто собирался с мыслями.

— Она оставила тебя и девятимесячного ребенка, — это был вопрос, но также и утверждение. Я все еще пыталась обдумать тот факт, что мать способна оставить своего ребенка, уехать на долгий срок, и ей было наплевать на все.

— Да. В этот раз она не вернулась. Самолет, в котором она возвращалась в Париж, упал на взлете и все, кто были на борту, погибли. Я помню, как похоронил ее кости, точнее то, что удалось найти. Я был потерян после случившегося. Понятия не имел, где начинается моя боль и где заканчивается потеря. Я был полностью опустошен. Встречался с женщинами, которые были похожи на нее или в них было что-то, что напоминало мне о ней, чтобы справиться с потерей. Были это их улыбки, волосы или глаза, все что угодно, лишь бы вернуть ее тем или иным способом. Моя мать заботилась об Адриане и обо мне какое-то время, — он глубоко вдохнул, собираясь с духом для следующих слов, и покачал головой. — Однажды я проснулся и, наконец, меня поразило, как низко я пал, пытаюсь справиться с этим. Мне не понравилось, каким человеком я стал, и понял, что мой мальчик нуждается во мне. Я завязал со всем этим и постарался стать лучшим отцом и сыном, каким можно быть.

— О, Господи, мне так жаль, Ремингтон, — я повернулась и быстро обняла его, не заботясь о том, что в комнате полно незнакомцев. Я видела только его, чувствовала его боль. — Как тебе удалось? — спросила я. — Как ты в итоге собрал воедино разбитые куски и продолжил жить дальше?

— Адриан, — просто ответил он, взял меня за руку, и мы бродили бок о бок, когда две группы людей покинули зал. — К тому же я пообещал себе еще до рождения сына, что не буду таким отцом, каким был мой.

Я размышляла, как любовь может быть такой глубокой, настолько сильной, что изуродовала мужчину, на первый взгляд такого сильного, как Ремингтон. Она, должно быть, очень особенная женщина раз сумела завоевать его душу. Я крепче сжала его руку, пряча вспышку зависти, разрывающую мое сердце, и закрыла глаза, желая, чтобы это ужасное чувство ушло.

Божже, Селена. Мужчина, возможно, до сих пор страдает.

Должно быть, именно это было причиной, почему он выглядел таким рассерженным и уязвленным, когда я спросила его о жене во время нашего первого свидания. Затем я вспомнила письмо, упоминающее тот факт, что я похожа на его жену. Будет ли бестактно, если я спрошу его об этом?

— Однажды днем возле загородного дома ко мне подошла женщина и представилась как мадам Жирар. Ее муж работал с Колетт и был в той же команде, которую отправили в Чили. Имя звучало знакомо, и затем я вспомнил, что Колетт упоминала его довольно-таки часто.

По какой-то причине, я почувствовала, как внутри меня зародилось какое-то болезненное предчувствие. Я не дышала, пока ждала, что он скажет дальше.

— Его жена рассказала мне, что у Колетт был роман с месье Жираром около двух лет. Она наняла детектива, чтобы подтвердить свои подозрения.

— О, Ремингтон.

— После этого я понял, что существует вероятность того, что Адриан может и не быть моим биологическим сыном. Но мне все равно. Он *мой* сын, — он с жаром постучал себя кулаком по левой стороне груди. — Я решил, что не буду делать никакие тесты. Я просто знаю. В венах этого мальчика течет моя кровь.

Конечно же, его. Черты лица Адриана и Ремингтона так похожи, что нужно быть слепым, чтобы не увидеть, что они кровные родственники.

Мы продолжили бродить по комнате, мой разум был в смятении оттого, что я только что узнала. Теперь я понимаю его злость и боль, когда мы только встретились, но

напрашивается вопрос...

— Как она выглядела? — спросила я. Я все еще не могла выкинуть это проклятое письмо из головы.

Ремингтон замер на середине шага, вынуждая остановиться и меня. Он изучал меня, а затем с трудом выдохнул.

— Она была брюнеткой с карими глазами. Единственное, чем вы похожи, это носы. Знаешь, слегка вздернутый кончик и ваши скулы. Во всем остальном вы разные, как день и ночь. Ты, — сказал он, крепче сжимая меня. — Ты моя гавань в шторм.

Казалось, гнев в моих венах утих.

— Я спрашивала тебя, напоминаю ли ее, перед тем как ушла из твоего дома, но ты не захотел сказать правду.

Он поморщился.

— Я боялся, что если открою тебе правду, ты уйдешь. Но это не имело значения, потому что ты все равно ушла, — в его голосе не было осуждения.

И я разрывалась между желанием отпустить свой гнев на волю и держать его на привязи. Как поступить, когда тебе говорят правду в лицо? *Боже, я обожаю честность этого человека.* Я почувствовала, что он заслуживает равноценной доли правды. Чего-то, чего нам обоим не хватало в наших браках.

— Ты ведь понимаешь, почему я ушла?

Он кивнул, нагнулся и поцеловал меня в лоб.

— Понимаю.

Я выдохнула и рассмеялась. Сегодня случаются очень неожиданные и сумасшедшие вещи.

— Ты понимаешь, что в некотором роде мы оба травмированные люди?

— Возможно, но благодаря тебе я становлюсь сильнее. Звучит ненормально, правда?

— Нет, — прошептала я, обдумав его слова. — В этом кроется чудесный смысл. Станный, но чудесный.

Потому что так и есть.

Селена

К тому времени, когда мы направились к выходу, небо затянуло тучами и моросил мелкий дождик, будто подчеркивая трагедию, которую Ремингтон рассказал мне в овальном зале. На душе у меня скребли кошки. В его жизни должно быть немного счастья.

— У тебя есть братья или сестры? — спросила я Ремингтона.

— Два сводных брата. Надеюсь, у тебя будет шанс познакомиться с *Люком* и *Домом*.

Я быстро взглянула на него, услышав эту информацию, и постаралась не улыбнуться.

— Люк и Дом?

— Люсьен и Доминик. Когда мне было пятнадцать, моя мать вышла замуж за Бернарда, отца Люка и Дома. Он был мне отцом во всех смыслах этого слова.

— Был?

— Он умер два года назад, — я услышала сожаление в его голосе. Должно быть, у него с отчимом были хорошие отношения.

Я вложила свою руку в его, переплела наши пальцы и сжала их, предлагая ему утешение.

— Еще есть Калев, мой родной брат по матери. Мы вместе учились в школе-пансионате в Хартфордшире.

Он замолчал, и уголки его губ опустились вниз. Я поборола желание спросить его, о чем он думает. Что угодно, что объяснило бы его отношения с Калевом. Seriously, этот мужчина пережил многое в таком юном возрасте, и хотя мне очень сильно хотелось узнать больше о его прошлом, сейчас не время.

Я сделала мысленную пометку спросить его об этом позже. Сегодняшних признаний достаточно, чтобы утомить даже самого сильного мужчину.

Я встала на цыпочки, ухватила за воротник его куртки и потянула вниз, пытаясь привлечь его внимание. Он обернулся посмотреть на меня и в его красивых глазах отразились миллионы вопросов. Моя рука скользнула ему на затылок и, чувствуя себя смелой, я поцеловала его, вбирая в себя губами его удивленный вздох. Когда он догадался, что я делаю, его руки обхватили мое лицо, и он вернул поцелуй.

— За что? — спросил он, когда мы прервали поцелуй.

Пальцами я отбросила его взъерошенные волосы со лба и сказала:

— Даже Суперменов иногда нужно целовать просто так.

Хмурое выражение исчезло с его лица, сменившись улыбкой, и клянусь, тучи разошлись, и выглянуло солнце. С другой стороны, может быть, только я нежилась в лучах этой сексуальной улыбки.

— Любишь прогулки под дождем? — спросил он меня, посмотрев на мои волосы, а затем обратно на мое лицо. — То есть, если ты не против промокнуть. Хотя должен сказать, что ты мне нравишься мокренькая, — последние слова он прошептал мне в ухо, и я чуть не сгорела прямо там.

Я кивнула, предвкушение струилось по моим венам, как наркотик распространяется по организму. Не помню, когда последний раз гуляла под дождем.

Он забрал у меня сумку и повесил ремешок себе на плечо. Я взяла его за руку и, смеясь, потянула вперед под моросящий дождь. Мне хотелось бежать, держа его руку в своей, и

ощущать, как сердце грохочет в груди, пока вокруг нас падают прохладные капли дождя. У него длинные ноги, но он не спешил, подстроившись под мои шаги.

Мы остановились возле фонтана, чтобы перевести дыхание, и рассмеялись. Когда мелкий дождик перерос в ливень, я обхватила его за шею и прижалась губами к его рту. В этот раз он был готов.

В конце концов, мы добрались до мотоцикла, как раз когда перестало лить как из ведра. Пока мы ехали к его дому, Ремингтон был осторожен на поворотах. Моя грудь прижималась к его спине, и тепло его тела просачивалось в меня.

— Я сейчас такая мокрая для тебя, — прошептала я ему на ухо. Его спина завибрировала от рычания. — Помнишь то запретное, что ты делал в мастерской? То, что должно быть запрещено во всех странах? Я хочу этого, Ремингтон.

— Ты убиваешь меня, Селена. Ты ведь понимаешь, что это означает, правда? — спросил он, останавливаясь на перекрестке, когда загорелся красный свет.

Я поцеловала его спину, прежде чем прошептать:

— Скажи мне.

Он бросил взгляд на светофор, а затем через плечо на меня.

— Когда мы доберемся домой, я сорву с тебя всю одежду, а затем буду целовать, сосать, кусать и облизывать все части твоего тела. Дождаться не могу, когда попробую тебя на вкус. *Боже*. Не могу насытиться тобой, — он ухватился за мою руку, лежащую на его талии, и притянул ее к своей промежности. — Чувствуешь это? Это для тебя, *ma belle*. Ты готова к этому, Селена?

— Да! — я почти кричала, так как мое сердце бешено стучало, а дыхание стало прерывистым под стать его дыханию.

— *Отлично, ma chérie (фр. дорогая)*, — от возбуждения его акцент стал заметнее. Он выпустил мою руку и сжал мою коленку. Я почти спрыгнула с мотоцикла от этого прикосновения. Он рассмеялся низким и хриплым голосом, и мы сорвались с места, когда зажегся зеленый свет.

Он заехал на подъездную дорожку, небрежно припарковал мотоцикл, перед тем как спрыгнуть с него, и снял меня с моего сиденья. После того как мы быстро сняли наши куртки и шлемы, он сгреб меня на руки и направился к двери.

— Боже, я люблю твои руки. Такие сильные, — сказала я, прижимаясь крепче к его груди. Никто никогда не пытался носить меня вот так, так что я собиралась наслаждаться тем, что меня балуют, пока я здесь.

Он рассмеялся, прижался губами к моему лбу и остановился перед дверью.

— Ключи у меня в штанах. Правый боковой карман.

Я слегка переместилась, и сделала, как он велел. Боже, какие у этого мужчины крепкие бедра. И, ох, мой Бог! Это что его...

— Нашла там что-нибудь, что тебе понравилось? — ухмыльнулся он мне.

— Да, нашла, — я распахнула дверь и как только мы вошли внутрь, он захлопнул ее, опустил меня вдоль своего тела на пол и прижал к двери.

— Ну вот, — он резко прижался бедрами ко мне, толкаясь именно туда, где я хотела его. — Значит, у меня есть лицензия делать с тобой очень грязные штучки.

И прежде чем я успела ответить, его рот обрушился на мой, целуя страстно и отчаянно, будто он не мог насытиться мной, будто мысль, что его губы не будут на моих губах, сводила его с ума. И мне нравилось это. Захватив в кулак его волосы, я сильно потянула. Из его груди

вырвался стон, его язык коснулся моих губ и ворвался в мой рот, так же резко, как и его бедра. Он отстранился, тяжело дыша, пока его дрожащие пальцы возились с молнией на моих джинсах, и в какой-то момент я подумала, что он сорвет их с меня, как и обещал. Ремингтон удовлетворенно зарычал, когда, наконец, расстегнул молнию, и я подняла свои дрожащие ноги, чтобы он стащил с меня джинсы. Он отшвырнул их куда-то себе за спину, и его глаза заблестели от желания, когда он понял, что я говорила ему правду. На мне не было нижнего белья. Он засунул руки под мой фиолетовый кружевной лифчик и сорвал его с меня.

— Святой Боже! Так горячо, хотя это был мой любимый лифчик. Боже, Ремингтон, — выкрикнула я его имя, когда он сорвал с меня блузку. Его губы целовали, сосали, кусали, и снова крепко целовали меня, как он и обещал.

Затем я вспомнила, что у него есть сын, и он может ходить по дому.

— Ох, Боже, Ремингтон. Где Адриан?

— Его не будет дома еще около часа, — он опустил передо мной на колени, ухватился за одну ногу и закинул ее себе на плечо. Просунул голову между бедер и прижался ртом к моей киске. Сексуальные звуки, вырывающиеся из его горла, дрожью отдавались в моем теле, отчего я становилась только мокрее. Он отстранился, и его руки скользнули к моей груди.

— Мне нравится то, как твоя грудь идеально умещается в моих ладонях. Хмм, чудесно, — он перекачивал мои соски между пальцев, а затем, его руки опустились по моему телу к бедрам. — Прикоснись к своей груди, *ma belle*.

Я смотрела на него, чувствуя себя возбужденно и неловко. Я никогда раньше не делала этого. Я не буду выглядеть глупо? Кто касается сам себя?

— Сделай это, — мягко скомандовал он, его взгляд из-под тяжелых век опустился на мою грудь. Ремингтон облизнул губы, и его кадык дернулся, когда он сглотнул. Его сильные руки плавно скользнули вниз по моим бокам, касания были ободряющими, боготворящими, и я почувствовала себя богиней.

— Хочу видеть, как ты трогаешь себя.

Я сделала, как он велел, наслаждаясь его пылким взглядом, который повышал мою уверенность. Я изогнулась от своего прикосновения.

Ох, *Святые Небеса!* Это было... интересно. Я бросила на него взгляд из-под ресниц и соблазнительно улыбнулась. Или я надеялась, что моя улыбка была кокетливой. Казалось, он готов наброситься на меня в любую секунду и выполнить задачу сам.

— Да, вот так. Не останавливайся, — он снова прижался ртом к моей киске и пальцами раздвинул складочки, открывая меня для своего языка. Его щетина терлась о внутреннюю сторону моего бедра, только сильнее возбуждая меня.

Я вскрикнула, когда его язык коснулся меня, поглаживая и нежно посасывая клитор. Глубоко в его горле зародился стон, этот звук поднялся по моему телу и я кончила. Оргазм потряс меня до глубины души. Без предупреждения, он вскочил на ноги и обрушил свой рот на мои губы, целуя страстно, властно, заявляя свои права. Иисусе, я чувствовала свой вкус на его языке.

Он обнял меня и держал, пока утихал мой оргазм.

— Ты в порядке? — спросил он хрипло. Я кивнула у его груди, не в состоянии поднять голову. Он подхватил меня на руки, направился к дивану и бросил меня на него. Все признаки джентльмена исчезли.

— Не шевелись. Я сейчас вернусь.

Как будто я могла.

— Куда ты идешь? — спросила я, взглядом проводив его шикарную задницу, удаляющуюся по ступенькам вверх, а затем схватила подушку, положила ее себе на лицо и захихикала.

Я в Раю.

Несколько мгновений спустя у меня вырвали из рук подушку. Ремингтон возвышался надо мной, его взгляд был темным и голодным.

— Дай мне свои руки.

Черт! Ремингтон снова в своем напористом режиме.

— Зачем?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, его челюсть напряглась, и он выгнул одну бровь. Очевидно, Ремингтон решил взглядом заставить меня подчиниться.

Я притворно вздохнула, и вытянула руки, но внутри меня яростно бурлило предвкушение.

Он засунул одну руку в задний карман джинсов, а второй рукой развернул меня, и секундой позже, мои запястья оказались закованными в наручники за спиной.

Я пошевелила запястьями, и быстро перевела взгляд на него. Видимо, он заметил замешательство на моем лице, потому что обхватил рукой за подбородок и сказал:

— Хочу, чтобы ты отдала мне всю себя.

— Разве я этого еще не сделала?

Он покачал головой.

— Ты прячешься от меня. Покажи мне все свои страхи. Я не хочу, чтобы ты поддавалась моему контролю. Хочу, чтобы ты доверяла мне и была уверена, что я никогда не причиню тебе боль.

Я поерзала на диване, возбудившись еще сильнее, чем раньше. Он пристально наблюдал, ожидая моей реакции. После нашего разговора ранее, он знал, как я отношусь к передаче контроля. Черт, от мысли находиться в распоряжении его силы и страсти у меня крышу сносило от желания. Но позволить ему взглянуть на мои страхи? Это слишком личное. С другой стороны, идея освободиться от этого груза, даже если только на одну ночь, звучит довольно привлекательно.

— Знаешь, доверие должно быть обоюдным, — сказала я, изучая его лицо в поисках отклика на мои слова. — Ты сделаешь это? Доверишь мне свои страхи?

Он прищурился, глядя на меня, чувствуя вызов в моих словах. Но, в конце концов, кивнул.

— Я напомню тебе о твоём обещании.

Выражение его лица стало замкнутым. Видимо, он не ожидал, что я скажу ему что-то подобное. Но, черт побери. Если существует способ разрушить его защитную стену ради второго шанса в жизни, я сделаю это, не задумываясь ни на секунду. Но тогда он может не быть таким сильным и замечательным человеком, который сейчас стоит передо мной. После того, что он рассказал мне сегодня, у меня появилось ощущение, что понадобится немало усилий, чтобы уговорить его отказаться от своей сдержанности.

Он обещал мне три месяца секса. Я хочу это и все то, что он может предложить мне.

Вот так. Я глубоко вдохнула и кивнула, передавая ему часть контроля над собой и часть своих страхов.

Его плечи слегка расслабились.

— Спасибо, что доверяешь мне, *ma belle*.

Он отошел, чтобы изучить результат своих действий, и на его лице отразился несдерживаемый голод. Он быстро стащил с себя джинсы, его движения стали неуклюжими. Ремингтон, очевидно, быстро терял над собой контроль.

Затем он сел на диван рядом со мной, положил руки мне на бедра и притянул меня к себе.

— Раздвинь ноги и сядь мне на колени.

Он разместил меня так, чтобы я оказалась прямо напротив его члена. Взглянул на меня, спрашивая, может ли войти в меня без защиты. Я обожаю то, как он останавливается на несколько мгновений, чтобы проверить, нормально ли я отношусь к тому, что он делает. Удивительно, но я не колебалась. К тому же он уже побывал внутри меня без защиты сегодня с утра, когда презерватив порвался. Я задрожала от мысли заняться с ним сексом кожа к коже без всяких преград. Я хочу его всего. Моя улыбка послужила ответом на его вопрос.

Выглядев довольным, он сжал мои бедра, и я начала опускаться ему на колени.

Мне нравится такой Ремингтон. Ему ни слова не нужно говорить, мое тело само следует его прикосновениям и приказам. Я посмотрела вниз на его толстый твердый член и сделала, как он хотел. Он опустил мое тело вниз, не прерывая нашего зрительного контакта. Я задержала дыхание, когда приняла его в себя.

Ох, охренть! Уверена, что умираю. Мои ноги задрожали, а все тело напряглось от желания. Я долго не продержусь. Как человек способен испытать оргазм дважды за какие-то тридцать минут?

— Ох, блядь, Селена! — воскликнул он, зарываясь лицом в ямку у моей шеи. — Кажется, я умер и попал в Рай. Ты ощущаешь невероятно.

Я самодовольно ухмыльнулась ему в грудь, наслаждаясь тем, как его руки боготворят меня. Спустя несколько мгновений он отклонился назад и начал поднимать и опускать меня на всю длину своего члена. Поскольку мои руки были скованы за спиной, я вряд ли могла что-либо контролировать, кроме как подниматься и опускаться. Но, черт побери, я не допущу, чтобы все веселье выпало на его долю. Я стала повторять его волнообразные движения, наклонилась вперед и поцеловала его шею. Щетина царапнула меня по лицу и подбородку, когда я прокладывала дорожку поцелуев к его уху. Я прикусила и стала посасывать мочку его уха. Он застонал, заворчал и выругался, заставляя меня закусить свою губу, стонать и хныкать, требуя большего.

— Не сдерживайся, Селена. Кончи сейчас. Я не продержусь долго, — сказал Ремингтон, когда его бедра подо мной напряглись и он, казалось, стал еще тверже внутри меня. Его руки и губы поклонялись моему телу, посасывали, ласкали, разминали, покусывали, хватали, сжимали и лизали, и я ничего не могла поделать с этим, кроме как извиваться на его коленях, кричать и наслаждаться всем этим.

Я наклонилась вперед, снова прижалась губами к его шее и нежно пососала кожу.

— Не хочу, чтобы ты сдерживался. Кончи со мной, Ремингтон, — прошептала я хрипло.

В этом не было ничего нежного или чувствительного, просто акт, удовлетворяющий отчаянную нужду. Неприкрытый голод двух тел, двух душ, нуждающихся друг в друге, чтобы стать единым целым. Взрывное, почти отчаянное, напористое слияние. Он брал, то, что ему было нужно от меня, и я делала то же самое. Это был даже не секс, скорее что-то среднее между сексом и траханьем.

И он кончил одновременно со мной, выкрикивая мое имя. Обхватив меня руками так, что моя грудь расплющилась о его твердую грудь, он крепко прижал меня к себе, пока наши сердца бешено стучали в груди напротив друг друга.

Я сделала вдох, втягивая в себя запах секса и одеколona Ремингтона, и выдохнула, отпуская все свои огорчения и страхи, которые держали меня в своем плену целый день. Мне в какой-то степени нравилось быть закованной в наручники, особенно если это было дело рук Ремингтона. Единственный недостаток заключался в том, что я не могла прикасаться к нему так, как мне хотелось. Но зная, что он угождает мне руками и ртом, не требуя того же в ответ, а просто позволяя наслаждаться тем, что он делает, я получила такой заряд бодрости, который никогда раньше не испытывала.

— Ты уничтожила меня, — сказал он. — Вряд ли я смогу встать.

— Полагаю, нам просто нужно вскарабкаться наверх, — заявила я не очень уверенно. Плечи Ремингтона затряслись, но он не издал ни звука.

— Тогда я пойду первым, иначе не смогу смотреть на твою задницу и не думать о том, чтобы трахнуть тебя.

Я рассмеялась, и в следующую секунду Ремингтон наклонился, схватил свои джинсы, и вытащил маленький ключик из кармана. После того как расстегнул наручники, он швырнул их на пол и нежно обнимал меня, пока мы поднимались наверх и по пути в ванную. Его объятия были крепкими и давали ощущение того, что с ним я всегда буду в безопасности.

Ремингтон

Я откинулся на спинку стула и быстро прочитал отчет, который Жиль вручил мне несколько минут назад, но все мои мысли были о воссоединении с Селеной вчера, о том как я выполнил обещание, после того как Адриан уже был в постели — привязал ее к кровати и трахал до тех пор, пока мы оба не могли прямо сидеть.

Я моргнул и сосредоточился на бумагах. Я прочитал их уже три раза, но, кажется, в голове ничего не задерживается. Очевидно, у мозга другие планы.

Жиль поерзал на стуле и посмотрел на меня, приподняв брови. Знаю, что он заметил, какой я рассеянный. Не в моей натуре быть таким невнимательным.

Я не собирался давать ему возможность задавать мне вопросы.

Глубоко вздохнув, я заставил себя сосредоточиться на делах и перечитал документы в четвертый раз.

— Это все? — спросил я, бросив отчет на стол, и сконцентрировался на Жиле. — Жиль, у тебя и твоей команды было достаточно времени, чтобы разобраться с этим. Это все, что вам удалось найти? Мой сын и женщина... — я прервал себя на полуслове, сообразив, что собирался сказать.

Женщина, которую я люблю.

Дерьмо.

Я потер подбородок, вспомнив слова, которые она, шутя, бросила мне. Она предупреждала меня, что я влюблюсь в нее. Но неужели я действительно влюбился? Или я хватаюсь за тот факт, что благодаря Селене чувствую уверенность в своих силах, а боль в сердце становится вполне сносной? Не так уж плохо, что Адриан, очевидно, обожает ее. Мальчик практически оплакивал ее отсутствие, когда она ушла.

В настоящий момент я могу слышать их смех из-за закрытой двери библиотеки. Я подавил улыбку и снова обратил все свое внимание на Жиле. Как бывший член GIGN он обладает обширными познаниями в области разведки, помимо прочих своих качеств. (*Примеч. GIGN — группа вмешательства Национальной жандармерии Франции — элитное антитеррористическое подразделение Французской жандармерии*). Он становится чертовым сукиным сыном, если серьезно берется за дело.

— Ты проверил местонахождение женщин, список которых я дал тебе?

Он кивнул.

— Первые две женщины из списка последние два месяца провели за пределами страны.

— Но это ведь не исключает их из списка подозреваемых? — я нетерпеливо барабанил пальцем по гладкой темной дубовой поверхности стола.

— Нет, не исключает.

Я встал со стула, потирая заднюю часть шеи, и повернулся к окну, чтобы взглянуть на черную парижскую ночь.

— Мне нужно принять меры, чтобы мы могли поехать в Прованс на несколько дней. Мне кажется, что там будет легче обеспечить безопасность всем. Я хочу, чтобы ты, или кто-нибудь из твоей команды и Эрик сопровождали нас. Ты готов?

Мысль об Эрике где-то поблизости возле Селены доводила до белого каления. Мне

совершенно не нравилось то, как он смотрел на нее, но за его простой улыбкой и веселыми глазами скрывался беспощадный человек. Он из числа тех, кого я хотел бы видеть рядом, когда дело дрянь. Жиль знает об этой черте Эрика и собирается пригласить его присоединиться к своей охранной компании.

— Всем? А она знает об этих мерах? — уточнил он.

Я оглянулся через плечо.

— Еще нет, — но я не собираюсь оставлять ее без защиты.

— Ты что-то сказал? — спросил Жиль, его голос был полон веселья.

Я закатил глаза.

— Просто прими меры, и мы разберемся с остальным.

Он ухмыльнулся, качая головой.

— Я помню, что ты попросил меня прекратить проверять прошлое Селены. Ты уверен?

— Да, — отрезал я стальным тоном. — Я сказал тебе, что не заинтересован, Жиль, — как я могу объяснить, что непонятно каким образом, но я доверяю Селене? Она охотно ушла из моего дома, чтобы обеспечить безопасность мне и моему сыну. Из того, что я о ней знаю, она не из тех людей, кто со зла причиняет людям боль. У нее добрая душа. Даже после всего того, что приключилось с ней, у нее оказалось достаточно сил, чтобы продолжать жить.

Что я буду делать, когда три месяца закончатся? А что будет с Адрианом?

Я провел рукой по лицу, в голове крутились различные варианты. Я могу попросить ее остаться. Или слишком рано для этого? Все, что знаю, я не представляю себе, как отпущу ее без борьбы. Я только надеюсь, что она испытывает ко мне нечто большее, чем просто симпатию. И, совершенно точно, она обожает Адриана.

Жиль наблюдал за мной несколько секунд, затем кивнул и встал со своего места.

— Я пока ничего не нашел на Адель, так как ты попросил об этом только вчера. Считаешь, что она может быть той, кто посылает письма?

— Я просто хочу быть уверенным, что это не она.

Он кивнул.

— Буду держать тебя в курсе.

Мы вышли из моего кабинета и вернулись в гостиную. После того как Жиль пробормотал «спокойной ночи» Селене и Адриану, он коротко кивнул мне и вышел за дверь.

Я не намерен возвращаться к своему решению проверить Селену. Хочу просто наслаждаться временем с ней. Кроме того, чем больше я узнаю ее, тем больше доверяю своим инстинктам насчет нее. Но все же поражаюсь некоторым поступкам, которые совершаю, когда я рядом с ней. Неужели это выше моего понимания? Вчера был прекрасный день. Я не собирался рассказывать ей про своего отца или Колетт. Но есть в ней что-то такое — то, как она смотрела на меня своими большими карими глазами, в которых светилась нежность — что сломало мой контроль и вынудило обнажить перед ней душу. Впрочем, я не жалею, что рассказал ей все. Я так много держу в себе; я почувствовал свободу, когда, наконец-то, поговорил с кем-то, кто не осуждал меня. И не жалел меня.

Я вошел в гостиную и остановился, глядя на открывшуюся передо мной сцену. Адриан и Селена сидели рядом друг с другом в столовой и боролись на пальцах. Лицо Селены сморщилось, пока она делала вид, что проигрывает, а затем она упала на пол, и мой сын радостно закричал. Затем он повернулся и увидел меня.

— Папа, я выиграл, выиграл! — закричал Адриан и помахал мне вилкой, а затем указал ею на Селену. — Она приготовила макароны с сыром.

— У нее есть имя, Адриан, — я взъерошил его волосы, мое сердце переполнилось чувствами и не в силах остановиться, я наклонился вперед и поцеловал Селену в лоб, а затем помог ей встать. Она улыбнулась мне, а я подмигнул ей, очарованный.

— Селена, — Адриан смущенно улыбнулся, подчищая тарелку от прилипших остатков макарон с сыром, которые Селена приготовила на ужин.

— Привет, — она направилась на кухню, и я последовал за ней, как влюбленный школьник. — Голоден?

— Я на полном серьезе, не стану отвечать сейчас на этот вопрос.

Она улыбнулась, закусил губу, и я понял, что она вспомнила, как мы отметили наше воссоединение.

— Да, я умираю с голоду, — взглядом я следил за каждым ее движением по кухне, пока она готовила горячий шоколад, добавляла два маршмеллоу и несла его Адриану. То как я страстно желаю ее, выглядит довольно жалко.

— Какое у тебя расписание на ближайшие несколько дней? — наконец, спросил я, когда она вернулась на кухню.

— Я свободна, пока Грейс не подпишет контракт с дизайнерским домом в Германии. Почему ты спрашиваешь?

— Хочу спросить, не захочешь ли ты составить нам с Адрианом компанию в Провансе на несколько дней.

Она закусил губу и отвернулась, чтобы положить целую гору еды на тарелку.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему нет?

— Не думаешь, что это будет чересчур? — спросила она, оглянувшись на меня через плечо, и я нахмурился. — Твоя мама?

— А что с ней?

Она выдохнула, будто ее разозлило, что я не понимаю ее точку зрения. Честно говоря, так и есть.

— Не думаешь, что она поймет, что между нами что-то есть? Что-то большее?

Ах вот оно что.

— Ну, моя мать сейчас в Лондоне, встречается с поставщиками вина и не вернется до начала октября.

Ее плечи слегка расслабились и она улыбнулась.

— Хорошо. Тогда я с удовольствием поеду. Пока не уверена, что уже готова встретиться с твоей матерью.

Я тоже пока не готов к тому, что они встретятся. Моя мать настаивает, чтобы я снова женился, говоря, что Адриану нужна мать. Да, моему сыну нужна мать в его жизни. Я не отказываюсь от любви даже после того, что случилось с Колетт, но это не означает, что я свяжусь с любой женщиной, лишь бы жениться. Все мое время и место.

Она склонила голову набок и, прищурив глаза, изучала меня.

— Что-то еще происходит. Не хочешь поговорить об этом?

Я слишком открылся ей, и теперь она читает меня, как открытую книгу.

— Я хочу позаботиться о твоей безопасности, пока мы выясняем, кто стоит за этими угрозами. В замке гораздо безопаснее.

— Ты владеешь замком?

Я улыбнулся с облегчением оттого, что она пока не поняла, что на самом деле меня

беспокоит.

— На самом деле, он принадлежит моей матери. Этот замок принадлежит нашей семье уже долгое время.

— Вы ребята имеете какое-то отношение к монархии или что-то вроде того? — спросила она шутливым тоном.

— Мой пра-пра-прадед был маркизом, — объяснил я, вспомнив, как мать, заставила меня выучить назубок семейную историю.

— Ну что ж... — сказала она, видимо, потеряв дар речи.

— Это что-то меняет между нами?

— Ты все тот же мужчина, что и минуту назад, так что нет. Это ничего не меняет.

Как раз в этот момент Адриан вскочил со своего места, и, зевая, понес свою тарелку и кружку в мойку. Селена искупала его чуть раньше, пока я был в кабинете с Жилем.

— Пора идти в постельку.

После того как он поцеловал Селену и пожелал ей спокойной ночи, Адриан поскакал впереди меня, быстро взбегая по ступеням. Я оглянулся через плечо и поймал Селену за разглядыванием моей задницы.

— Ненасытная распутница, — одними губами произнес я.

Не то чтобы я винил ее. Я тоже чувствовал себя ненасытным.

Селена

На следующий день мы поехали в частный ангар возле аэропорта Шарль-де-Голль. Ремингтон просветил меня насчет своих двух братьев. Согласно его словам Люсьен заядлый любитель гонять на гоночных машинах, а Доминик сходит с ума по лошадиным скачкам. Казалось, что они парочка чокнутых, и я с нетерпением ждала встречи с ними. Адель также полетела с нами. Ранее днем Ремингтон рассказал мне, что Жиль собирается проверить ее, чтобы убедиться, что она не представляет угрозы. Так что, если она выкинет какой-то номер, Жиль и Эрик поймают ее с поличным. Лично мне не казалось, что она представляет опасность. Я чувствовала себя ответственной за это. Наверное, мне не стоило заставлять Ремингтона сомневаться в Адель. Понаблюдав за Адель после того, как мы с Ремингтоном снова сошлись, я пришла к выводу, что Адель испытывает к Ремингтону уважение и обычную влюбленность, ничего более. От того, как ее глаза начинают светиться, когда он или его сын входят в комнату, я счастлива за Ремингтона, так как есть еще один человек, который любит его. Его так легко любить.

Я прекратила дышать.

Дерьмо! Любить? Я что сказала любить? Я имела в виду легко увлечься им.

Я бросила бороться со своими чувствами и осмотрелась.

Несколько небольших самолетов стояли то тут, то там. Мы зашли на борт белого самолета с голубыми полосами по бокам. Очевидно, Ремингтон предпочитает путешествовать с комфортом. Впечатляюще.

— Тебе удобно? — спросил он, как только усадил Адриана напротив нас.

Я кивнула.

— Ты почти как Прекрасный Принц. Я чувствую себя избалованной, Ремингтон.

Он фыркнул.

— Прекрасный Принц? Я уже говорил тебе, что не отношусь к этому типу. Уверен, что даже мои самые скромные мысли до чертиков напугали бы этого твоего принца. Но мне нравится баловать тебя, Принцесса, — он послал мне страстный взгляд.

— Ты не мог бы думать о чем-то помимо секса, когда смотришь на меня?

Он наигранно вздохнул.

— Я, правда, очень старался, но потерпел неудачу. Похоже, когда я смотрю на тебя или в голове проскальзывает любая, даже самая незначительная мысль о тебе, мне напрочь отшибает разум, — он пожал плечами. — Ты муза моих мыслей.

— Вау, не утаивай ничего от меня, Сен-Жермен.

— Я пообещал тебе правду. Всегда, — он улыбался, пока пристегивал ремень.

Несколько минут спустя мы уже были на пути в Прованс.

Как только самолет достиг места назначения, напряжение, сковывающее мои кости, растворилось. Когда мы вышли из самолета, я огляделась, а Адриан метнулся в сторону высокого мужчины с темными волнистыми волосами, который стоял в нескольких метрах от нас.

Ладонь Ремингтона легла на мою поясницу, когда мы отошли от самолета. Мне нравилось то ощущение, которое вызывало прикосновение его руки к моему телу,

собственническое и заботливое.

Мы остановились напротив высокого мужчины. *Эти глаза и волевой подбородок!* Воздух здесь в Провансе, должно быть, творит чудеса с мужским населением.

Он оказался очень симпатичным, с щетиной однодневной или двухдневной давности, прямым носом, полными губами, которые были плотно сжаты, словно он глубоко задумался о чем-то. Он хмурился, и, казалось, пребывал в замешательстве, пока его карие глаза изучали меня. Ремингтон ткнул его под ребра, прерывая его изучающий взгляд.

Боже, как неловко.

Они обнялись, а затем повернулись ко мне.

— Люсьен, это Селена, — представил меня Ремингтон. В его голосе звучала гордость и, пожалуй, обожание. Мне понравилось.

Ах, заядлый гонщик. Мило.

Я видела, как в его глазах отразилась тысяча невысказанных вопросов. Он метнул тяжелый взгляд на Ремингтона, а затем обратно на меня.

Я нервно переступила с ноги на ногу, зная, что он видит то, что увидел Ремингтон, когда мы встретились впервые.

Лицо Люсьена прояснилось, губы растянулись в легкой улыбке, и он быстро притянул меня к себе, обнимая, поцеловал в обе щеки, а затем еще раз в левую щеку.

— Значит, Селена. Неудивительно, что Малыш только о тебе и думал, когда приезжал сюда недавно на несколько дней. Ты чрезвычайно очаровательна. И кстати, зови меня Люк, — в некоторых словах можно было слышать акцент, но, тем не менее, его английский был идеален. Слишком идеален.

Малыш? Я фыркнула.

— Прекрати льстить ей, Люсьен, — Ремингтон обернулся ко мне. — Этот кусок идиота — мой брат — таким способом демонстрирует свою любовь.

Внимание Люсьена по-прежнему было сосредоточено на мне. Ремингтон сжал губы, и вспышка раздражения мелькнула в его глазах.

— Как поживает Шарлотта? Ну, знаешь, твоя девушка? — спросил Ремингтон, прерывая Люка, пока тот вел меня к джипу, припаркованному в нескольких метрах впереди. Адриан тем временем вприпрыжку помчался к машине и забрался на заднее сиденье. Адель, Жиль и Эрик, должны были ехать на другой машине, поэтому они направились к «Пежо», также припаркованному неподалеку.

Люк рассмеялся и хлопнул Ремингтона по спине.

— Она в порядке, в самом деле.

— Не забывай об этом.

Люк закатил глаза и уселся на водительское сиденье. Я рассмеялась. Так необычно видеть Ремингтона с этой стороны. Словно в тот момент, когда самолет приземлился, он превратился в другого человека, более спокойного и беспечного, пусть и очень властного — особенность, которую я заметила, когда мы снова решили быть вместе.

Люсьен вел машину, как маньяк. Очень уверенный в себе маньяк. Половину поездки я провела, вцепившись пальцами в кожаные сиденья, а мой желудок завязался в узел. Спасибо Господи, что машин почти не было. Адриан взвизгивал, смеялся и хлопал в ладоши, пока я руками старалась удержаться от столкновения с передними сиденьями. Даже езда на мотоцикле с Ремингтоном не напугала меня так сильно.

— В машине мой ребенок и Селена, Люсьен. Не самое подходящее время

демонстрировать свое мастерство.

— *Боже*, а ты такой кайфолом, Ремингтон.

— Это называется ответственность, идиот.

Я усмехнулась себе под нос из-за их дружеской перепалки.

Минут десять мы ехали в тишине на сравнительно невысокой скорости, и я наслаждалась видами из окна машины. Адриан, наконец, начал клевать носом и, прильнув ко мне, тихо посапывал. Ощущение его крошечного теплого тельца рядом со мной отогнало прочь боль, затаившуюся в уголках и трещинках моего сердца и выжидающую, когда она сможет поднять свою уродливую голову.

— Экскурсия по сбору урожая в Любероне, — прочитала я на рекламном щите, когда машина проезжала мимо. — Сейчас сезон?

— *Да*. Хочешь как-нибудь попробовать? — спросил Люк, и Ремингтон выругался сквозь зубы. Люк рассмеялся.

— Ну же, Ремингтон, расслабься. Нет необходимости смотреть на меня волком. Я просто предложил.

Я не могла видеть лицо Ремингтона, но по игривому выражению лица Люка догадалась, что он подкалывает Ремингтона, и, возможно, специально дразнит своего брата, чтобы вызвать реакцию.

— Мы с Ремингтоном еще не обсуждали наши планы, — я наклонилась вперед, скользнула рукой по плечу Ремингтона и погладила его волевым подбородок пальцами. Он улыбнулся, демонстрируя свои ямочки, и дорогой Боже, между бедер стало жарко.

После того как мы остановились на перекрестке, Люк свернул налево, на дорогу, по обеим сторонам которой находились виноградники. Затаив дыхание, я наслаждалась открывшимся видом, видневшимися вдали склонами холмов и деревушками, располагающимися на их вершине, и мои губы растянулись в улыбке. Рука, прикоснувшаяся к моей коленке, отвлекла меня от окна. Ремингтон развернулся на своем переднем сиденье и встретился со мной взглядом, затем посмотрел вниз на своего сына и обратно на меня. Его взгляд был теплым, и на секунду мне показалось, что я увидела в нем нечто большее. Что-то, от чего мой пульс затрепетал, как крошечные крылышки бабочки. Затем он отвернулся, чтобы посмотреть вперед, забирая это выражение своих глаз с собой, и в животе у меня что-то приятно сжалось. Не могу перестать реагировать на него. Мое сердце по-прежнему стремится к нему, даже несмотря на то, что мы сидим так близко друг к другу. Может быть, мне стоит научить свое сердце сдерживаться, думать перед прыжком, потому что этот прыжок может завести меня туда, откуда я никогда не смогу слезть. Но сердце упрямое, жадное, эгоистичное и оно хочет то, что хочет, расцветает от того, что его кормят его любимой едой, поэтому я накормила свое, просто глядя на профиль Ремингтона.

Десять минут спустя показался огромный дом, ну ладно, не дом, замок, который становился все больше по мере того, как мы приближались к вершине холма. Несколько минут спустя мы остановились на подъездной аллее, выложенной булыжником, и я просто не успевала впитывать в себя все, что видела.

Просто невероятно! ВАУ!

— Добро пожаловать в Шато Сен-Жермен, Селена, — в голосе Ремингтона звучало удовлетворение, когда он говорил эти слова. — Твой рот, *ma belle*, — прошептал Ремингтон, как только Люк вышел из машины. — Или мне придется перебраться к тебе на заднее сиденье и сделать с этим что-нибудь.

Я подарила ему страстный взгляд и прикрыла рот. Он усмехнулся, поднялся со своего места, обошел машину и взял Адриана на руки. Мальчик, моргнув, приоткрыл глаза. Осмотрев окрестности, он заерзал, вывернулся из рук отца и понесся по направлению к главному входу. Я улыбнулась, наслаждаясь тем, какой сгусток энергии представляет собой Адриан.

Когда я вышла из машины, меня сразу же окутал слабый аромат лаванды. Дразня меня. Соблазняя. Здесь по-прежнему все еще тепло. Я рассматривала огромное каменное строение эпохи Ренессанса, выкрашенное в очень светлый желтый цвет. Комнаты выходят окнами и на восток, и на запад. Бесконечные ряды виноградных лоз, сейчас переливающиеся золотистыми, коричневыми и бронзовыми цветами осени, растянулись по склону холма с одной стороны от замка, а с другой стороны склон покрывали кусты лаванды.

Это было просто красиво.

— Насколько он старый?

— Западное крыло — самая старая часть — относится к тринадцатому веку, а восточное крыло приблизительно к восемнадцатому.

К тому моменту, когда я закончила изучать вид, Ремингтон обернул руки вокруг моей талии и подбородком уперся мне в плечо. Все уже ушли в дом, а наш багаж таинственным образом исчез.

— Жиль и Эрик унесли чемоданы внутрь, — сообщил Ремингтон, когда заметил, как я нахмурилась.

Я кивнула.

— Как тебе удастся поддерживать это место в таком хорошем состоянии?

Он переплел наши пальцы, и повел меня ко входу.

— Мы нанимаем людей, которые заглядывают сюда минимум три раза в неделю. Это место уже развалилось бы, если бы у нас не было людей, которые бы заботились о нем. Моя мать много путешествует, хотя она знает о виноделии гораздо больше, чем я, а Люсьен почти все свое время проводит на гоночных трассах или тренируется. Что касается Доминика, он или путешествует или торчит на скачках. Они крайне редко бывают в Провансе. У нас есть управляющий, возглавляющий всех работников на виноградниках и следящий за всем.

Интерьер дома оказался таким же захватывающим дух, как и внешний вид. Стены светло-терракотового цвета украшены несколькими живописными портретами. В большой гостиной у одной из стен располагается камин. Подушки нежного голубого, желтого и красного оттенка разбросаны на кожаных черных диванах, единственных предметах мебели, не имеющих отношения к историческому духу этого места. Тем не менее они прекрасно вписались в обстановку. На одной из стен висит очень реалистичный портрет Адриана, когда он был еще совсем крохой, на руках у женщины — полагаю, матери Ремингтона. Их сходство видно невооруженным глазом.

— Здесь красиво.

Он улыбнулся, очевидно, довольный моей оценкой.

— Я рад, что тебе нравится. Наши комнаты в западном крыле. А комнаты Адель, Эрика и Жилия в восточном, — сообщил он, ведя меня по лестнице, которая плавно изгибалась и вела на следующий этаж. В коридоре было десять дверей, которые вели в комнаты. — Эта наша, — он указал на дверь слева от нас. — А Адриан будет рядом с нами.

Наша. Он дважды использовал это слово. Мое сердце пропустило удар, и от этих его слов внутри все задрожало от блаженства. Мне нравится интимность, которую порождает

это слово.

Когда мы вошли в комнату, кто-то вскрикнул, а затем послышался смех ребенка. Я подлетела к окну и снова мои легкие оказались не в состоянии достаточно быстро поглощать воздух. Два маленьких кирпичных домика — полагаю, один из них сарай — стояли справа, а несколько ступеней вели к открытым зеленым лужайкам, на которых деревья были посажены таким образом, чтобы обеспечить тень в знойные летние дни. Сейчас же их золотая и оранжевая листва идеально дополняла похожий на декорацию пейзаж. В нескольких метрах возле патио располагался фонтан, звуки струящейся воды гипнотизировали, расслабляли. Мой взгляд переместился на бассейн, который я упустила, пока разглядывала вид, и я улыбнулась. Эрик и Адриан были в бассейне и плескались друг на друга водой. Адель переоделась в закрытый черный купальник и сидела спиной ко мне, опустив ноги в воду. Неужели мы с Ремингтоном так долго оставались снаружи? Или Эрик, Адриан и Адель так сильно хотели искупаться? Совершенно точно, несмотря на то, что в жизни Адриана нет матери, он окружен любящими его людьми.

Адриан один из самых счастливых малышей, которых я встречала. Не припоминаю ни одного раза, когда бы я видела его печальным или что-то подобное.

— Мне нравится это место, — сказала я, повернулась и увидела, что Ремингтон стоит возле кровати и пристально смотрит на меня.

— А мне нравится смотреть на тебя. Такой прекрасный вид, когда ты стоишь там, — он раскрыл мне объятия, и я с радостью и охотно шагнула в них.

— Спасибо, что пригласил меня.

— Добро пожаловать, — ответил он. — Рад, что ты согласилась приехать.

Ремингтон

Распаковав сумки, я оставил Селену в нашей комнате и отправился на поиски Люка. Я заметил, как он рассматривал ее, когда встречал нас возле ангара. Должно быть, он заметил то же, что и я, когда впервые увидел ее в отеле «Л'Арк». Едва заметное сходство, которое бросается в глаза, пока не присмотришься к ней поближе и не поймешь, что она и Колетт на самом деле вовсе не похожи.

Я нашел Люка развалившимся на стуле в гостиной, он читал один из своих журналов, посвященных гонкам. Он поднял взгляд на меня, как только я сел на один из стульев рядом.

После того как мы обсудили новости, касающиеся нашей жизни, я откинулся на спинку стула и вытянул ноги. Я понимал, что мы ходим вокруг да около этой темы и это заставляло меня нервничать и быть нетерпеливым. Мне хотелось признаться.

— Ну и как тебе Селена? — спросил я его, внимательно за ним наблюдая.

— Очень красивая. Соблазнительная фигура. Мужик, у нее очень аппетитные формы.

— Заткнись, засранец, — зарычал я на него. Он улыбнулся и я понял, что он подкалывал меня. Он всегда так поступал, даже когда мы были детьми.

Его лицо приняло серьезное выражение.

— Она слегка напомнила мне Колетт. Но присмотревшись, я понял, что она не похожа на нее. Не могу объяснить это.

Я с облегчением выдохнул.

— Они похожи, — я пожал плечами. — Я тоже интересовался этим. Существует теория, что у каждого в мире где-то есть человек, с которым мы похожи. Возможно, это как раз ее случай.

Он изучал меня, прищутив глаза.

— Ты по этой причине встречаешься с ней?

Я потер шею, чувствуя, как там начинает скапливаться напряжение.

— Нет. Она нечто большее. Она понимает меня и не жалеет. Не знаю, как объяснить так, чтобы не показаться при этом по уши влюбленным идиотом.

Он склонил голову набок.

— Попробуй.

— Я чувствую с ней связь, которой не испытывал ни с одной женщиной уже много лет.

— Связь. Ты подразумеваешь секс?

— Частично, да. Но другая часть... — я пожал плечами, не договорив.

— Тебе, мой дорогой брат, чертовски не хватает либо секса, либо внимания, — заявил он, и мне захотелось стереть эту самодовольную улыбку с его лица.

— Ничего подобного, умник.

Он хмыкнул.

— А что Адриан? Ты старался, чтобы он не пересекался с женщинами, с которыми ты раньше встречался.

Я провел рукой по волосам. Его вопрос повторил мои мысли. Понятия не имею, как ответить на него, как и на любой другой вопрос, касающийся Селены.

— Он любит ее. Впервые в жизни, я не знаю, что делать.

— Ты придумываешь. Ты всегда находишь выход. Это одно из качеств, которые я обожаю в тебе.

— Ты обожаешь меня? — спросил я, выгибая бровь.

Он наклонился вперед, взял бокал вина со стола, передал его мне и сказал:

— Не загордись.

Я рассмеялся, чувствуя, как напряжение покидает меня. Это то, чего мне не хватало в жизни — проводить время со своими братьями, как раньше, когда мы были детьми. Жизнь превратилась в сплошной безумный вихрь повседневных дел.

Спустя полчаса вниз спустилась Селена, на ней было открытое желтое платье, обтягивающее ее во всех положенных местах, но не демонстрирующее слишком много. Я украдкой осмотрел ее фигуру, каждый изгиб которой я изучил руками или ртом. Руки чесались прикоснуться к ней, хотя я словно прикованный остался сидеть на своем месте, просто наслаждаясь ею. Я вспомнил, что говорил Люк, обернулся и увидел, как он бесстыдно рассматривает ее. Я начал сверлить его взглядом.

— Это что за грохот? — спросил он, его глаза округлились, видимо, от удивления. — Ты что, рычал на меня?

Я рычал? Не припоминаю, чтобы издал хоть звук. Это лишний раз доказывает, как сильно Селена влияет на меня, раз я начинаю делать что-то машинально.

Люк поднял руки в воздух, словно успокаивая меня.

— Полегче, Тарзан. Джейн вся твоя.

Прищурив глаза, я посмотрел на него, и ему хватило благородства опустить взгляд обратно на журнал.

Я вскочил на ноги и зашагал туда, где стояла улыбающаяся мне Селена.

— Захватывает дух, — пробормотал я и поцеловал ее в лоб, вдыхая аромат одного из ее лосьонов, которые, я видел, она втирала в кожу этим утром. Цитрус и присущий Селене аромат.

Обхватив Селену рукой за талию, я повел ее через патио вниз по ступенькам, которые вели на открытую местность. Просто видеть восторг и удивление на ее лице, когда она рассматривает окрестности или наблюдает, как Адриан играет с Эриком в бассейне, а смех Адель нарушает звенящую тишину садов, и я уже чувствую себя счастливым и гордым из-за своего решения привезти ее сюда.

Позже мы переодевались к ужину, и я старался перебороть желание прижать ее к кровати и делать с ней все, что захочу.

На мой взгляд, ужин прошел замечательно. Мы все вместе ужинали в патио: Люсьен, Жиль, Адриан, Селена, Эрик, Доминик, который приехал час назад, и Адель. Из скрытых в патио динамиков лилась нежная музыка. Я осмотрел всех сидящих за столом, жалея, что среди них нет моей матери. Здесь собрались самые важные в моей жизни люди, и я бы солгал, если бы сказал, что не готов на все ради них. Я повернулся посмотреть на Селену. Мне нравится, что она здесь со мной, в месте, где я вырос. Дождаться не могу, когда покажу ей здесь все. Мой взгляд неосознанно остановился на ее груди, и, глядя на то, как платье обтягивает ее полную грудь, мой член зашевелился. Рукой, лежащей на ее колене, я пробрался под короткое желтое платье, которое было на ней, и сжал ее бедро.

Я наклонился к ее уху.

— Я уже упоминал, как сильно мне нравится это платье? Такое удобное.

— Открыть тебе секрет? — я с готовностью кивнул, наслаждаясь шаловливым

выражением ее глаз. Она приблизила губы к моему уху. — Я не надела нижнее белье.

Черт побери! Мне следовало трахнуть ее раньше. Я скользнул ладонью вверх по ее бедру и дыхание Селены сбилось.

Хорошо. По крайней мере, теперь мы оба распалены и на взводе.

Я вернул руку на ее колено и сконцентрировал свое внимание на Доминике.

— Ну как твой бизнес на скачках? — спросил я Доминика, делая глоток розового вина, изготовленного из винограда, растущего на наших виноградниках. Великолепно.

— Постоянно ржет, я полагаю, — он рассмеялся собственной шутке.

Я сделал пометку, сказать ему, чтобы он придумал какие-нибудь новые штуки. Этой он пользовался последние лет пять или что-то около того.

— Тебе нравится во Франции, Селена? — поинтересовался Доминик.

— Пока что все замечательно. Я посетила несколько достопримечательностей. Я уже бывала в Париже раньше, но даже не понимала, как много пропустила, пока снова не оказалась здесь. Я никогда раньше не бывала в Провансе. Просто дух захватывает. Я так рада, что мне представилась возможность приехать сюда, — она послала мне взгляд полный обожания.

Мне понравилось, что она сказала об этом тепло и уверенно. Я улыбнулся как идиот.

— Хочешь увидеть что-нибудь особенное пока ты в Провансе? — снова задал вопрос Дом, лениво улыбаясь. Очевидно, он думал показать ей своих лошадей. Я негромко хмыкнул, и он наградил меня испепеляющим взглядом, после чего повернулся и полностью сосредоточил все внимание на Селене.

Люсьен оживился, как охотничья собака, которая неожиданно учуяла необычный запах.

— Собственно говоря, я хотел показать ей Монте-Карло, — я волком посмотрел на него и он закатил глаза.

Я понимаю, что он ничего не имел в виду, кроме как показать ей свои «игрушки», как он любит называть свои машины. У него есть гараж, похожий на тот, что в Париже, где он держит спортивные машины, и часто его навещает, когда бывает в городе. Он дал мне запасной ключ, чтобы я мог прокатиться, если у меня возникнет желание. Я испытывал возбуждение, наблюдая за лицом Селены, когда во время свидания мы мчались по улицам Парижа после ужина.

Но, черт возьми, Люк пробуждает худшее во мне. Я ощетиливаюсь всякий раз, когда какой-нибудь мужчина смотрит на нее дольше нескольких секунд, не говоря уже о том, что разговаривает с ней. Мое нежелание делиться ею с миром соперничает с собственническим инстинктом. Хочу, чтобы она играла с моими игрушками, а не с игрушками другого мужчины, хотя и в совершенно другом контексте. Никогда не умел делиться раньше, не получается это у меня и сейчас. Но мне стоит научиться контролировать себя, иначе все закончится тем, что я прикую ее наручниками к своей талии, чтобы она всегда была рядом.

Люк в лучшем случае беспечен, и было бы верхом безумия отпустить с ним Селену. Я люблю брата, но иногда он сводит меня с ума. Даже сосчитать не могу, сколько раз я сидел в больничной палате, молясь, чтобы он выжил после очередной аварии, в которой чуть не погиб. Но он всегда приходил в норму, становился даже более энергичным, чем когда-либо.

Я молча покачал головой и повернулся к Адриану.

— Пойдем. Пора ложиться спать, Адриан. Скажи всем «спокойной ночи».

После того как он заснул, я снова спустился вниз и притянул Селену к себе на колени, наслаждаясь ощущением ее тела, тесно прижатого к моему. Она надела туфли на шпильках,

похожие на те, что были на ней во время нашего свидания в ресторане в тот день, когда она сделала мне предложение, перевернувшее всю мою жизнь.

— Жиль и его люди нашли того, кто присылал эти письма? — тихо спросила она. — И чтобы ты знал, я не думаю, что это Адель.

Подсознательно я понимаю, что это не она. Но это не мешает мне оставаться подозрительным касательно всей ситуации в целом.

— Нет. Похоже, что человек, который присылает их, очень хорошо знает, как замечать следы.

Она крепче обняла меня.

— Не думаешь, что проще было бы подключить полицию?

— Я бы предпочел решить это, не привлекая их, не то чтобы я имею что-то против полиции. Просто единственное, что этот человек делает — присылает письма и цветы. Жиль более опытен и может решить подобную проблему. Я знаю его уже очень долгое время и полностью ему доверяю.

Я снова порылся в памяти, гадая, кто из женщин мог бы оказаться достаточно жестокой, чтобы присылать сообщения. Я посмотрел на Адель, болтающую с Эриком, и затем наткнулся на взгляд Жилия. Он покачал головой, и я с облегчением выдохнул от его подтверждения. Ничего странного не случилось пока что. Мне очень нравится Адель. Она всегда готова помочь мне и Адриану. Как мне поступить, если окажется, что это она таинственный преследователь? Как я объясню все Адриану?

— Пойдем-ка наверх, — прошептала Селена, ее голос звучал устало, но ей довольно эффективно удалось прервать мои размышления.

Мы пожелали всем «спокойной ночи» и отправились наверх. К тому времени как мы разделись, Селена зевнула три раза подряд и забралась под простыни, протягивая руки ко мне. Как только я улегся рядом с ней и обхватил ее руками, она прижалась ко мне, уткнувшись лицом в грудь, и удовлетворенно вздохнула.

После того как она уснула, я еще долго лежал и не спал, думая о нашем разговоре во время ужина. Если Жиль не найдет того, кто присылает письма до конца недели, я обращусь в полицию. Мы больше не получали цветов или писем. Я начинаю нервничать, и мне это не нравится.

Я поцеловал волосы Селены. Несмотря на то, что очень сильно хочу ее, ей нужен отдых. Более того, Селена в моих объятьях дополняет меня, позволяя мечтать и чувствовать то, о чем я не позволял себе думать уже очень долгое время. И как всегда мной овладела потребность убедиться, что она настоящая, поэтому я положил руку туда, где в ее груди размеренно билось сердце. Я крепче сжал свои объятья, наслаждаясь ощущениями ее шикарного тела, мягко и тепло прижимающегося ко мне, закрыл глаза и провалился в сон.

Селена

Перед тем как уехать на следующий день, Люк подкараулил меня, когда я спускалась по лестнице.

— Могу я поговорить с тобой, Селена? — попросил он. Вся его вчерашняя игривость исчезла, сменившись серьезным выражением лица.

Я кивнула, и он повел меня к задней двери, которая вела в патио и в сад. Доминик сидел на одном из шезлонгов, откинув голову на поручень, словно наслаждался лучами солнца. Он открыл свои карие глаза, такие похожие на глаза Люка, и тепло улыбнулся мне, когда мы присоединились к нему.

Что происходит?

— Мы хотим поговорить с тобой, — Люк уселся справа от меня, наклонился вперед и уперся локтями в колени.

— Разговор пойдет на тему «Каковы твои намерения касательно нашего брата»? — улыбнулась я, стараясь скрыть свою нервозность из-за того, что нахожусь между людьми, со столь серьезными выражениями на лицах.

Они обменялись взглядами, а затем снова посмотрели на меня.

Не время для шуток, Селена.

— Именно, — ответил Дом, прерывая мои мучения, и я слегка расслабилась. Я справлюсь с этим. — Ремингтон, кажется, довольно сильно увлекся тобой. Мы раньше никогда не замечали, чтобы он так сильно заинтересовался какой-нибудь женщиной. По крайней мере, не так, как тобой. За исключением матери Адриана.

Я кивнула, мной овладело желание широко улыбнуться. Я начала понимать, каково это быть в центре внимания Ремингтона в качестве его любовницы.

— Мне он тоже очень нравится.

Они снова обменялись взглядами, и в этот раз, я почувствовала, как душа уходит в пятки.

— Что не так? Мне не следовало так говорить?

Люк прочистил горло.

— Ремингтон не знает, что такое «нравится». От мимолетного интереса он сразу же переходит к любви. Полюбив, он полностью отдает всего себя. А отдав себя, не отпускает с легкостью. Раньше он не проявлял к женщинам ничего, кроме интереса.

Я снова кивнула, позволяя себе принять эти слова.

— И вы думаете... вы считаете, что он любит меня?

— Да, — ответил Люк. Я бросила беглый взгляд на Дома. Он не болтлив. У меня сложилось ощущение, что он предпочитает сидеть в стороне и молча изучать людей. Я сосредоточила внимание на Люке.

— Ремингтон убьет нас, если узнает, что мы рассказали тебе это. Но мы обязаны были поговорить с тобой, перед тем как уехать. Колетт практически уничтожила его, и мы не хотим, чтобы это случилось еще раз. Он с ума сходит по тебе, — Люк замолчал, словно давая мне время, осознать его слова.

— Он беспокоится, когда тебя нет рядом. Я замечаю в его взгляде способность убить,

когда он думает, что какой-то другой мужчина пытается завладеть твоим вниманием на слишком долгое время. Вскоре он не сможет сдерживать свои чувства. Но мы хотим, чтобы ты знала. Пожалуйста, просто... — Люк посмотрел мне прямо в глаза, и на его лице промелькнула целая гамма эмоций. Он сделал глубокий вдох и закончил свою мысль:

— Надеюсь, ты будешь с ним осторожна, когда будешь уезжать.

Я откинулась на спинку кресла и прижала руку к груди. Я слышала смех Ремингтона, пока он и Адриан трудились над домиком на дереве для Адриана. Вчера он пообещал ему, что они займутся этим сегодня.

Он любит меня?

Я старалась не позволить этим трем коротким словам свести меня с ума. Не слишком ли рано для нашего трехмесячного соглашения начать испытывать такие чувства?

— Но мы же знаем друг друга всего несколько недель.

Дом поерзал в своем кресле.

— Ремингтон просто... — он остановился на полуслове, словно подыскивая правильные слова, но в итоге закончил, — Ремингтон. Несколько недель это или несколько дней, не имеет значения.

Они оба правы насчет этого. Ремингтон именно такой. Он живет по своим собственным правилам, а не по чьим-то еще, что довольно пугающе, если позволить себе задуматься над этим слишком долго. Пугающе из-за того, что я наслаждаюсь, находясь в центре его внимания, и хочу играть по его правилам, позволяя вопросам типа «что если?» слишком часто возникать в моих мыслях. Готова ли я сделать шаг в этом направлении?

Я покачала головой, отбрасывая эти мысли прочь.

— Спасибо, что поделились, — сказала я, заставляя себя сосредоточиться на двух мужчинах. Я видела их преданность и любовь к брату так же ясно, как если бы они прокричали эти слова вслух.

Попрощавшись со всеми, Люк и Дом уехали. Я пошла наверх и сделала вид, что работак над дизайном моделей нижнего белья. Я понимала, что Ремингтон заметит изменения в моем поведении, потому что не слишком хорошо умею скрывать чувства. Мне нужно какое-то время побыть одной, чтобы оценить полученную информацию и свои собственные ощущения.

Следующие несколько дней я оттачивала искусство оставаться спокойной. Все свое время Ремингтон уделял работе в кабинете и строительству домика на дереве вместе с Адрианом. Конечно же, мы ездили гулять по Провансу. Вчера в половине седьмого утра мы отправились кататься на воздушном шаре. Рассвет оказался изумительным, а пейзаж в золотистых и оранжевых красках осени просто захватывал дух.

По вечерам мы ласкали друг друга в патио, после того как все уходили спать, а позже тоже отправлялись в постель. Иногда он не торопился, долго ласкал меня и занимался со мной любовью так, словно впереди у него уйма времени. А иногда был очень нетерпеливым и даже отчаянным, и тогда он грубо вдавливался в меня, трахая так, будто не может насытиться. Ремингтон может быть одинаково требовательным и щедрым, и мне это в нем очень нравится.

Сегодня мы ленились и провели весь день возле бассейна. Я нарисовала несколько эскизов нижнего белья и набросала несколько стратегий маркетинга. Я была довольна тем, как все обернулось.

Сразу же после обеда мы устроились в патио и потягивали вино. Адриан, как обычно,

словно сгусток энергии носился по освещенным дорожкам, а затем падал на колени либо к отцу, либо ко мне.

Днем я позвонила родителям и сообщила, что у меня все хорошо. Только Марли я рассказала о Ремингтоне. Я не стала рассказывать родителям, потому что тут не о чем рассказывать. Это ведь временно, а я уверена, они бы начали волноваться за меня. Они и так уже достаточно наволновались, чтобы это продолжалось еще. Я заставила себя выбросить все мысли об отъезде из Франции и решила просто наслаждаться моментом.

Адриан запрыгнул мне на колени, уселся, подтянув коленки, и затем полностью сосредоточил свое внимание на мне. Боже, глаза мальчика, так похожие на глаза его отца, обезоружили меня.

Я убрала локоны с его лба одной рукой и улыбнулась ему.

— Что такое, милый?

Он поджал губы, поерзал у меня на коленях и спросил:

— Можно я буду называть тебя мамой?

Я чуть не поперхнулась вином. В горле образовался ком, и я крепко сжала бокал в руке. Краем глаза заметила, что Ремингтон замер. Я не могла посмотреть на него, потому что не хотела, чтобы он заметил, как отчаяние разрывает мое сердце.

Адриан моргнул, глядя на меня, его огромные глаза были полны беззащитной надежды.

— Ты не принесешь мне штопор из кухни, Адриан? — голос Ремингтона прервал панику, которая начала овладевать мной.

Адриан спрыгнул с моих колен и побежал на кухню.

— Селена. Мне очень жаль, что так получилось. Было глупо с моей стороны отрицать, что такое может когда-нибудь случиться, — сказал Ремингтон и его уши покраснели. — Адриан любит тебя, но я и предположить не мог, что он скажет тебе что-то подобное. Я поговорю с ним, когда он вернется.

Я сглотнула и покачала головой.

— Не нужно извиняться. У него хороший вкус, — сказала я, стараясь ослабить бурлящее вокруг нас напряжение, но прежде чем успела сказать что-то еще, вернулся Адриан со штопором, отдал его отцу, повернулся и посмотрел на меня. Боже, взгляд его глаз полностью уничтожил всю защитную стену, которой я окружила свое сердце.

Адриан и Ремингтон одновременно и моя сила, и моя слабость. Адриан заполняет дыру в моем сердце, потому что он любит от всего сердца. Ремингтон дает то, чего я была лишена все эти годы. Он помогает мне осознать мою сексуальность и каждый его взгляд дает понять, что я что-то значу. Когда, наконец-то, прекратились резкие перепады его настроения от пламенного обожания до полной холодности, я поняла, что он любит открыто и сильно. Тем не менее, во Франции я ненадолго. И если мы привяжемся друг к другу, в итоге это уничтожит нас. Меня. После Джеймса я обещала себе, что никогда больше не позволю себе быть ранимой снова. Но, тем не менее, я ранима.

Но в этот раз кто-то еще нуждается во мне. Ремингтон зависит от меня не только из-за секса. У нас обоих столько всего случилось в жизни. Мы понимаем друг друга.

И тут меня озарило. Флирт — то, чем можно заниматься, не вовлекая чувства. Но я-то неосознанно глубоко увязла в этих отношениях, и если когда-нибудь что-то случится с Адрианом или Ремингтоном... Я крепко зажмурилась, не желая думать об этом, а когда снова открыла глаза, большие зеленые глаза Адриана смотрели на меня в ожидании ответа. Почему Ремингтон молчит?

Я бросила на него взгляд, и увидела настороженное выражение на его лице.

— Иди сюда, Адриан, — Ремингтон протянул сыну руку, выражение его лица было душераздирающе нежным. Адриан взглянул на отца, затем повернулся ко мне. Я сдержала улыбку, пока смотрела, как взаимодействуют сын и отец. Лицо Ремингтона приняло такое выражение, словно он очень занят сейчас. Оно стало более ожесточенным, он раздраженно поджал губы и дернулся встать.

— Ты больше не хочешь называть меня Селеной? — быстро спросила я, пока Ремингтон не забрал мальчика. Краем глаза я заметила, как он поерзал на сиденье.

Мальчик покачал головой.

— У меня нет мамы, а у всех ребят в нашем классе есть, — он прищурился и склонил голову набок, словно что-то обдумывал. — Ну, а ты что скажешь, папа?

Наконец, Ремингтон встал, притянул сына к себе и усадил себе на колени.

— Селена с нами ненадолго. Она скоро должна будет вернуться домой, понимаешь? — но его лицо выражало совсем иные чувства. Почему он в таком замешательстве?

— Я знаю, папа. Почему она не может остаться с нами навсегда? Ты любишь ее, а она тебя, разве нет? Я видел, как ты целовал ее. Целуются только те, кто любят друг друга.

Ремингтон посмотрел на меня взглядом, к которому я уже начала привыкать. Взглядом, от которого пересыхали губы и горло, и который выражал очень многое, хотя он не произносил при этом ни слова. Он отвел взгляд в сторону и тяжело вздохнул. Казалось, он в противоречии с самим собой, что очень не похоже на мужчину, с которым я познакомилась.

— Прошу простить меня, я скоро вернусь, — я встала и отправилась в ванную, покачав головой, когда заметила, как Ремингтон дернулся в кресле, словно порывался последовать за мной.

В ванной я заперла дверь, прижалась к ней спиной и начала делать глубокие вдохи и выдохи, стараясь успокоить бешено бьющееся сердце.

Черт. Что мне следует ответить Адриану? Мальчик держит мое сердце в своих крошечных ручках. Существует ли способ, что это пройдет, когда я вернусь в Штаты?

Мне следует поговорить с Ремингтоном, прежде чем давать Адриану какие-либо обещания.

Я поплескала холодной водой себе в лицо, промокнула полотенцем и вернулась в патио. Ремингтон и Адриан затеяли борьбу на пальцах, и создавалось впечатление, что мальчик выигрывает — отец поддавался ему. В груди стало тепло. *Чертово глупое сердце.*

Адриан выкрикнул мое имя, сидя на коленях отца, и сказал, что он выиграл. Я улыбнулась, увидев, как забавно выглядит лицо его отца, делающего вид, что он проиграл.

Если Ремингтон предполагал, что игра отвлечет Адриана, это не сработало, потому что уже через минуту он посмотрел на меня глазами, полными обожания и спросил:

— Можно, Селена? Можно мне называть тебя мамой? — защитная стена полностью разрушилась.

— Да, милый. Можешь называть меня мамой, — эти слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела остановить себя, полностью отрицая решение, которое приняла в ванной.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо!! Я открыла рот, чтобы исправить ситуацию, но Адриан уже соскочил с колен отца и мчался ко мне. Я поймала его и обняла.

Ремингтон уставился на меня, казалось, его обуревал гнев, шок, неверие, и что-то, что мне показалось слабой искрой надежды.

— Пора спать, Адриан, — в его голосе прозвучали твердые нотки, и он встал со стула.

Что я наделала?

Адриан поцеловал меня в щеку.

— *Я люблю тебя, Селена,* — прошептал он, отстраняясь и обхватывая мое лицо своими маленькими ладошками.

Глаза начало жечь и, клянусь, мое сердце сделало в груди кульбит. Я никогда не ожидала, что когда-нибудь услышу от него эти слова. Где-то в подсознании я понимала, что это точка, после которой возврата для меня уже не будет.

Для него тоже.

— *Я тоже люблю тебя, Адриан,* — он снова поцеловал меня в щеку и побежал наверх. Я быстро потерла глаза пальцами, как раз тогда, когда Ремингтон повернулся посмотреть на меня, зарывшись рукой в волосы и оттягивая их назад.

— Ты не имела права говорить ему этого, Селена. Почему ты не подождала и не поговорила сначала об этом со мной? — он начал ходить туда-сюда, уперев руки в бока. — Я стараюсь оберегать его от ситуаций, подобных этой, но я встретил тебя и не мог удержаться и не видеться с тобой, — казалось, он зол больше на себя, чем на меня.

— Мне жаль, — прошептала я, чувствуя как слезы жгут глаза. Я заморгала, пытаюсь остановить их. Не собираюсь плакать сейчас. — Знаю, что не должна была разрешать ему называть меня так. Но почему ты ничего не сказал, Ремингтон? Ты просто сидел там, бросив меня выкручиваться саму. Это очень эгоистично с твоей стороны. Ты не помог мне уладить эту ситуацию.

Снова запустив пальцы в волосы, он смотрел на меня несколько секунд и выглядел при этом так, словно хотел сказать что-то. Его глаза наполнились сожалением и смущением, а затем он развернулся и вышел из комнаты. Ситуация слишком быстро усложнилась.

Черт! Неужели я все испортила? Мысль, что Адриан может однажды попросить что-то подобное, никогда не приходила мне в голову. Должна была, но я была слишком занята, наслаждаясь каждой секундой с ними. Его вопрос заставил меня потерять контроль. Все о чем я могла думать — это выражение его лица, в котором было столько надежды и желания получить положительный ответ, и постоянная тоска о том, как все могло бы быть, которая поселилась в моих воспоминаниях. Глаза застилала слезы, и я провела рукой по щекам, чтобы стереть их.

Боже, дай мне сил справиться с этим.

Я зашла в дом, собираясь дожидаться Ремингтона в гостиной.

Он спустился вниз полчаса спустя и отправился на кухню, его походка была полна ярости и элегантности, но я все равно возбудилась. Что со мной не так?

Я выпрямилась, наблюдая, как он налил вино в два бокала, хотя мы не допили вино в патио, затем направился в гостиную и протянул один мне. Свой бокал он поставил на стол, сел напротив меня и продолжил молча размышлять, глядя на меня все это время.

Своим выражением лица она напоминал мне кошку, которая наблюдает за мышкой, бегущей по кругу, пока не набросится на нее в конце концов. Мое терпение лопнуло и вся безнадежность, которую я ощущала пару секунд назад, исчезла.

Я сильнее, чем та женщина, что вышла замуж за Джеймса. Ремингтону и мне нужно быть честными и поговорить обо всем.

— Хочешь поговорить об этом или как?

Он сложил руки в форме буквы «А» и прижал их ко рту.

В груди вспыхнул гнев и кровь закипела. Я не позволяла себе чувствовать гнев уже

довольно долго, поэтому ощутила некую бодрость, когда плотину прорвало.

— Ты преследовал меня, Ремингтон. Я ушла, но ты последовал за мной в отель и вернул меня. И что, ты думал, должно было случиться? Пожалуйста, пойми, я не сваливаю всю вину на тебя, но, черт возьми, Ремингтон. Ты преследовал меня, — *и вернул меня к жизни.*

Он продолжал молча смотреть на меня — глаза прищурены, волосы взлохмачены от того, что он часто зарывался в них пальцами. Я и забыла, каким сексуальным может быть задумчивый Ремингтон.

Я вскочила со своего места и заметалась по комнате, никуда конкретно не направляясь. Я была недовольна собой, Ремингтоном и глупой угрозой, которая нависла над нашими головами. Затем заслоны, сдерживавшие порывы моей души прорвало. Старые обиды, страхи и ярость, которые я заперла почти два года назад, вырвались на волю, и я резко остановилась и развернулась к нему.

— Собираешься сказать что-нибудь?

Он сидел, вытянув ноги, и наблюдал за мной с непроницаемым выражением лица, пока я произносила свою маленькую тираду. Желание добиться какой-то реакции от него было непреодолимым. Я посмотрела на бокал с вином, затем себе под ноги. Наверное, гораздо безопаснее будет бросить в него туфлю, а не бокал с вином.

— Боже мой, Ремингтон. Ты так раздражаешь! — никакой реакции. — О, да иди ты нахер! — крикнула я ему, развернулась и устремилась к лестнице. Я не произносила вслух эти слова уже долгое время, и теперь ощущала себя довольно свободной. — Иди-ка ты очень-очень далеко нахер, — бормотала я себе под нос, но достаточно громко, чтобы мои слова пролетели по тихой комнате и достигли его ушей. Но весь эффект был испорчен, когда я провела рукой по лицу и почувствовала слезы, стекающие обжигающими дорожками по моим щекам.

Я добежала до лестничной площадки, срезала путь до его комнаты и замерла, глядя на остальные комнаты по коридору. Если он не собирается говорить со мной, я не буду спать в его кровати. Надеюсь, к утру он остынет. Я поспешила в его комнату, схватила зубную щетку, ночную рубашку, шорты и вышла.

— И куда ты, по-твоему, собралась?

Я остановилась и обернулась.

— Так теперь ты хочешь поговорить? Оставь меня. Я устала.

Его взгляд опустился на вещи в моих руках, в два широких шага он сократил дистанцию между нами и забрал их у меня из рук. Одновременно с этим, второй свободной рукой он обхватил меня за талию, притянул ближе к себе и его губы оказались на моих, меньше чем за секунду.

— Оставить тебя в покое это не то, что мне подвластно, Селена. Ты еще не поняла этого? — пробормотал он мне в губы.

Я толкнула его в грудь руками, но он не пошевелился. Напротив, он снова прижался к моему рту, покусывая нижнюю губу и заставляя меня открыть рот, пока он медленно дразня сжимал мое бедро, от чего по моей спине прошла волна дрожи. Его язык, неторопливо лаская, ворвался в мой рот.

Я почувствовала сладковатый вкус вина. Моя ночная рубашка и шорты упали на пол, пальцами он обхватил меня за шею сзади, удерживая на месте. Поцелуй изменился, теперь он целовал меня яростно, словно наказывая за то, что я сделала. Всего несколько минут назад наполнявшая меня злость превратилась в желание, и я зарылась пальцами в его

волосы, потянув за них и удерживая его возле себя.

— Я идиот, — хрипло сказал он, прижимаясь своим лбом к моему.

— Д-да, ты идиот, — выдохнула я. — Ты обидел меня.

— Мне жаль.

— Тебе должно быть жаль. Почему ты не отпустил меня, когда я ушла тогда из твоего дома? Если ты не хотел, чтобы Адриан привязывался ко мне, тебе не следовало позволять мне оставаться в вашей жизни.

— Мне очень жаль, — сказал он полным сожаления голосом. — Я никогда раньше не оказывался в ситуации, подобной этой. Я не справился с этим, Селена. Я обещал себе, что никогда не обижу тебя, но сегодня вечером обидел. Скажи мне, как я могу искупить вину, — несколько секунд он молчал. — Ты сказала мне идти нахер, — в его голосе звучало удивление.

— И имела это в виду.

— Это слово в твоих устах звучит очень сексуально.

Я закатила глаза и вывернулась из его объятий.

— Ты разозлился на меня за то, что я сказала Адриану, — это было утверждение, не вопрос.

— Сначала да. Потом я понял, что злюсь больше на себя, чем на тебя.

Я вспомнила, что он говорил раньше, и гнев снова вспыхнул во мне.

— Так ты жалеешь, что впустил меня в вашу жизнь?

— Нет. Нисколько, — он закусил нижнюю губу, и посмотрел на меня сквозь ресницы. — Собираешься сказать мне валить нахер? — уголок его рта изогнулся, он протянул руку, хватая меня за предплечье и притягивая обратно в свои объятия.

— Я собираюсь спать, — я, наконец, высвободилась и, схватив свои вещи с пола, направилась к одной из гостевых спален.

— Не уходи от меня, Селена, — очень близко раздался его голос. Когда я оглянулась через плечо, все что я могла видеть, это его лицо, пока он медленно приближался ко мне. Он схватил меня за руку, развернул, и я ахнуть не успела, как снова оказалась в его объятиях, и он вел нас в его спальню.

— Можешь себе представить, что я ощущаю, видя, как ты уходишь от меня, Селена? — его дыхание согрело мою щеку. — Боль. Кажется, будто мою грудную клетку вскрыли и вырвали из нее сердце. Мне не нравится это ощущение.

Мое сердце дрогнуло от этих слов. Этот уверенный, гордый мужчина был ранен так глубоко, но все равно остался достаточно сильным, чтобы откровенно описать свои чувства. Джеймс почти уничтожил мою самооценку. А Ремингтон, кажется, полон решимости восстановить ее, и подобные откровения так много значат для меня. Тем не менее, в некотором роде, я все еще была зла на себя и также на то, как мы разобрались с ситуацией. Да, это было эгоистично с нашей стороны, и, наверное, раз мы продолжаем этот танец, мы проигнорировали тот факт, что это может оказать влияние на юное сердечко Адриана.

Ремингтон считает, что я способна вырвать его сердце из груди, но это он и его сын держат мое сердце в своих руках. Я полностью в их власти. Вспомнив разговор с Люком и Домом несколько дней назад, я открыла рот и ответила ему честно:

— Я никогда не уйду от тебя.

Он кивнул, и демоны в его глазах исчезли.

— И нет, я не жалею, что встретила тебя. Нисколько.

Ремингтон

Я НИКОГДА не уйду от тебя.

Слова, сказанные Селеной, крутились в голове, пока я укладывал ее на кровать. Мне сразу же стало не хватать ощущения ее тела в моих руках, я с трудом сдерживался, отчаянно желая сорвать ее одежду и погрузиться в нее. Делая глубокие вдохи, я помог ей раздеться, а затем трясущимися руками разделся сам. Мне отчаянно необходимо ощущать ее обнаженное тело рядом с моим. Это успокаивает меня.

Я так разозлился из-за того, что она сказала Адриану, но спустившись позже вниз, понял, что злился не на нее. Я злился на себя. Я не могу контролировать время, и оно утекает слишком быстро, как песок сквозь пальцы. Через два с небольшим месяца она покинет Францию, покинет Адриана и меня. У моей любви к ней есть корни, и с каждой секундой они все глубже уходят в землю.

Я чуть не нарушил обещание, которое дал, когда решил вернуть ее, после того, как она уехала из моего загородного дома: наслаждаться отпущенным мне временем с Селеной и не тратить его на мелочи. Хотя теперь я вижу, что промахнулся. Видеть, как Селена злится, это нечто потрясающее. Я уставился на нее, как чертов дурак, не в состоянии произнести ни слова. Ее глаза горели от неприкрытой ярости, а грудь вздымалась от с трудом дающихся вздохов.

Она взглянула на меня, в ее глазах сверкало упрямство.

— Давай решать проблемы по мере их поступления. Мы справимся со всем, когда придет время. Ты не против, что Адриан будет называть тебя так?

Она закусил уголок нижней губы, ее глаза изучали мои. По ее лицу всегда очень легко понять, о чем она думает, но сейчас я не в состоянии сделать это.

— А ты? Он же твой сын, Ремингтон. Ты должен решить это.

Наши взгляды встретились, понимая друг друга без слов. Она выглядела такой уверенной, и я заподозрил, что ей это необходимо. Я видел, как ее манера вести себя менялась, когда она была с Адрианом. Выглядело это так, словно все остальное вокруг меркло. Я был несправедлив к своему сыну. Ему нужно это — женщина, которая будет отчаянно любить его, и которую он будет любить — кто-то, кого он сможет называть мамой. Любому ребенку нужен кто-то наподобие Селены, милый и легко отдающий свою любовь, но это вовсе не означает, что я могу позволить ей взвалить на себя такую ответственность. Я долго изучал ее лицо, пытаясь найти знак, который подскажет мне, что она не уверена в своем решении, но увидел только неукротимость, появившуюся в результате решения, которое она уже приняла.

В конце концов, я кивнул и притянул ее в кольцо своих рук, прижимаясь к ее спине и повторяя ее позу. Я просто держал ее. Затем кое-что пришло мне в голову. Несмотря на то, что моя потребность оказаться внутри нее сейчас так же сильна, как и в первый раз, когда я увидел ее, просто обнимая ее, я ощущаю другой вид спокойствия. Не могу объяснить это.

Не хочу давать этому определение.

Селена

Я проснулась, ощущая тревогу, безнадежность и пустоту. Мне было трудно дышать, и, казалось, комната давит на меня. Сердце болело, и я чувствовала себя так, будто за ночь из него вытекла вся кровь, хотя я и провела большую часть ночи, свернувшись в объятиях Ремингтона.

Пот заструился по вискам и всему телу, делая влажной мою ночную рубашку, и я задрожала.

Ох, Боже, только не сейчас. Не может быть, чтобы у меня случился приступ панической атаки, когда Ремингтон лежит рядом со мной. Последний приступ был полгода назад и до жути напугал всю мою семью. Я тогда жила с родителями и сестрой и внезапно начала задыхаться.

Я оглянулась через плечо на Ремингтона, его освещал лунный свет, струящийся из окна. Он спал, слегка приоткрыв рот. Я медленно убрала его руки со своей талии. Они слегка сжались, но затем снова расслабились. Волна тошноты поднялась к горлу, и я помчалась в ванную. Вцепилась руками в раковину и меня начало выворачивать наизнанку, но из меня ничего не вышло. Я снова попыталась, слезы жгли глаза. В итоге колени подкосились, и я рухнула на пол. Боже, я умираю. Нужно выйти из замка. Мне нужен воздух. С губ сорвались громкие всхлипывания. Даже не знаю, почему заплакала, но слезы текли и текли. Я вспомнила ночь, когда случился последний приступ много месяцев назад, тогда мама обнимала меня и укачивала. Она сказала мне, что слезы — это способ очистить сердце от сердечной боли и страданий. Тем не менее, в этот раз ощущения были хуже, чем той ночью, и я не знаю, выдержит ли мое сердце.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Я задрожала, меня бросало то в жар, то в холод, и я стонала. Подтянула колени к груди и старалась делать глубокие вдохи, как меня учила терапевт.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Дыхание замедлилось, но я по-прежнему дрожала и мне было холодно. Я нуждалась в тепле, но вряд ли смогла бы добраться до души.

Посчитает ли Ремингтон меня слабачкой, если я разбужу его?

Почему-то мне стало все равно. Он уже видел меня слабой и уязвимой в тот момент, когда я рассказывала ему, как потеряла ребенка. Он понимает, каково это быть в ужасе, парализованной от страха.

— Р-Ремингтон, — позвала я, стуча зубами. Я снова выкрикнула его имя, но мой голос был слишком тихим. Меня снова затошнило и я повернулась набок, так как у меня не было сил, чтобы встать.

— Селена? *Боже мой*, что случилось?

— Т-так холодно, — простонала я. — Мне так жаль, что я разбудила тебя...

— Ш-ш-ш, — он присел рядом со мной, обнял и прижал к своему горячему телу. — Сделай глубокий вдох.

— Сделала.

— Еще раз. Медленно.

Я сделала, как он сказал, наполняя легкие воздухом и выдыхая его. Он поглаживал меня рукой по спине и по рукам, и я начала согреваться рядом с его телом, мои мышцы расслаблялись с каждым вдохом.

— Подожди здесь. Я пойду включу душ.

Я кивнула, но как только он отошел, мне сразу же стало не хватать его тепла. Спустя минуту он вернулся и протянул ко мне руки. Я встала и Ремингтон, приподняв меня, шагнул в душ. Поставил меня на ноги, сел и притянул к себе на колени.

— Лучше?

— Да, спасибо, — несколько минут горячая вода стекала по нашим спинам, а затем я прошептала, — прости за это.

— Не стоит извиняться за то, что не можешь контролировать. Что произошло?

Я рассказала, что случилось, затем потеряла глаза и вяло ему улыбнулась.

— Это та разновидность сумасшествия, с которой тебе придется иметь дело, если ты останешься со мной. Я не в порядке, Ремингтон. Иногда я до такой степени не в порядке, что не могу понять, где лево, а где право.

Он наклонил голову и встретился со мной взглядом.

— Не вижу ничего сумасшедшего. Напротив, я вижу сильную женщину. Жизнь неоднократно преподносила тебе тяжелые испытания, но ты все равно выстояла.

Я усмехнулась, и этот звук напоминал нечто среднее между рыданием и смехом.

— Постоянно спрашиваю себя, почему я не встретила тебя раньше.

— Потому что, как и все в жизни, так было задумано. Жизнь не объясняет нам ничего. Она просто дает и берет. Жизнь — сучка.

Он еще долго держал меня в объятьях, уговаривая глубоко дышать, а сам бормотал нежные слова, подбадривая меня и отвлекая.

Мы вышли из душа и вытерлись. Завернув нас в полотенца, Ремингтон уложил меня на кровать, ушел на кухню и вернулся, держа кружку, наполненную какой-то жидкостью, от которой поднимался пар.

— Выпей это. Не спеши.

Я приняла у него кружку, прижала ее к губам и подула, прежде чем сделать глоток. Ромашковый чай. Он одобритительно кивнул мне, чтобы я сделала еще глоток. Когда я сделала еще несколько глотков, он забрал у меня кружку и поставил ее на ночной столик. Подошел к шкафу и вернулся, неся две футболки и пару трусов-боксеров.

Я оделась и посмотрела на него.

— Как ты догадался про чай?

Он пожал плечами.

— Моя мать заваривала его для меня раньше. Она говорила, что он лечит тоску, — он нежно улыбнулся. Я кивнула и улыбнулась ему, укрываясь простыней. — Никогда не думай, что ты слабая, Селена. И пожалуйста, запомни, что ты можешь разбудить меня в любой момент, хорошо? — прошептал он мне на ухо, когда улегся рядом со мной и прижался грудью к моей спине.

Я кивнула и прижалась к нему, впитывая тепло его тела. Ремингтон в одинаковой степени очаровывает, балует, бросает мне вызов, утешает и занимается со мной любовью. Черт, я снова плачу. Довольно ошеломляюще, если думать об этом слишком много, поэтому я отказываюсь заикливаться на этом.

— Спасибо тебе за все, — прошептала я в темноте. Он отбросил волосы с моего плеча и

поцеловал прохладную кожу, крепче обнимая меня за талию.

Я лежала там, в его объятьях, дышала и обдумывала свой приступ. Мой терапевт предупреждала меня, что хотя приступов стало меньше с годами, они все равно могут случаться и причиной им может послужить что-то столькое простое, как улыбка ребенка или беременная женщина. Скорее всего, вопрос Адриана спровоцировал приступ.

Мне нужно успокоиться, чтобы избежать повторения подобных инцидентов. Закрыв глаза, я позволила крепкому теплему телу Ремингтона увести меня в сны о нем.

Селена

Я проснулась от ощущения губ Ремингтона на своем теле. Его сильные жадные руки мяли мою грудь, а пальцы дразнили соски.

— Доброе утро, *ma belle*.

Я потянулась и застонала, когда он вобрал один сосок в рот.

— Так... Мне нравится просыпаться вот так.

— Остайся, — прошептал он хриплым, полным желания голосом. — Остайся со мной, и я буду баловать тебя так всегда.

Я распахнула глаза и почувствовала, как его руки замерли. У меня закружилась голова, его слова вызвали в моем воображении сотни образов возможного будущего, доставляя удовлетворение той части моего сердца, которая желает его. Такого мужчину, как Ремингтон.

Он зарылся лицом в ямку у основания моей шеи, его теплое дыхание овеяло мою кожу.

— Мне жаль. Я не должен был говорить это.

Разочарование растеклось по венам и осело внизу живота.

Я покачала головой.

— Все в порядке.

Он отстранился и посмотрел на меня, закусив нижнюю губу.

— Скажи мне правду, — я покачала головой, не в настроении играть в эти игры, но он обхватил мое лицо ладонями. — Что бы ты сделала, если бы я попросил тебя остаться на более долгий срок?

— Я бы ответила тебе, что не могу.

— Не можешь? Или боишься?

— Мы знаем друг друга не так давно, а в Нью-Йорке у меня семья, — он продолжал смотреть на меня. — Ремингтон, ты не знаешь меня. Ты незнаком с девушкой, которая живет в этом теле. Помнишь, что случилось вчера ночью?

— Помню.

— И?

— И что?

Я спихнула его с себя и села, наблюдая, как он растянулся на кровати, обнаженный и, о, Господи, такой красивый.

— Что ты имеешь в виду под этим «и что»? Ремингтон, это жуткое дерьмо. Я не могу сказать, когда нечто подобное случится в следующий раз. Такой приступ уже был несколько месяцев назад. Когда я, наконец-то, более-менее пришла в себя, шел дождь, а я лежала на земле в каком-то поле непонятно где. Ремингтон, я проснулась, вышла из дома и убежала от ощущения, что меня словно засасывает в какую-то дыру.

Он спокойно смотрел на меня, заложив одну руку под голову.

— Ты закончила?

Он прищурил свои великолепные всезнающие глаза, и я почувствовала, что его взгляд будто сосредоточился на моих страхах. Не поймите меня неправильно, я уверена в себе и очень старалась оказаться там, где я есть на сегодняшний день.

Но подобные моменты застают меня врасплох, напоминая, что за внешним фасадом скрывается женщина, которая все еще пытается обрести опору под ногами. То, что Ремингтон так легко принял меня, особенно после того, как стал свидетелем одного из моих самых больших страхов, захватило меня врасплох.

Я выскользнула из кровати, отправилась в ванную, и, сняв одежду, заскочила в душ. Мне нужно немного пространства вдали от его отвлекающего взгляда, чтобы собраться с мыслями.

Почему я не рада тому, как все обернулось? Ремингтону не все равно, и он не показался мне шокированным после того, что увидел прошлой ночью. И тогда правда больно ударила меня. Я резко втянула воздух и прижалась лбом к стене душевой, пытаясь понять, какое влияние на меня оказывает то, что я чувствую. Я чувствовала себя счастливой, но в то же время была напугана тем, что решилась на такой шаг и полностью открылась перед этим мужчиной.

Я услышала, как дверь в душевую кабинку открылась, а затем закрылась позади меня. Прохладный воздух коснулся кожи, а затем к спине прижалось крепкое тело. Рукой Ремингтон обхватил меня за талию, отбросил волосы набок и поцеловал меня в плечо, прикусив кожу, от чего внизу живота стало жарко.

— У всех нас есть свои демоны, и периодически мы вынуждены танцевать в обнимку с ними. То, что у тебя есть неприятные воспоминания, не означает, что ты сломлена, — пробормотал он мне в кожу, в перерывах между словами целуя меня. — Это ничего не меняет в плане того, кто ты есть. Даже если ты сломлена, я воспользуюсь шансом и склею все части воедино, чтобы ты стала единым целым. Потому что ты заслуживаешь этого. Жизнь — это гигантский шар из сердечной боли, расставаний, хороших и плохих воспоминаний, примирений и влюбленностей. Она запутанная, но в то же время забавная.

Боже, что он творит со мной? Он говорит именно то, что нужно, и в подходящий момент. Он обезоруживает меня.

Ремингтон растопырил пальцы руки, лежащей на моем животе, и притянул меня к себе.

— Если ты хоть на секунду подумала, что я обеспокоен тем, что случилось прошлой ночью, то это не так. Я обожаю твою силу и волю двигаться вперед, даже после всего, что случилось с тобой.

Я больше не могла выносить этого, повернулась в его руках и жадно поцеловала его. Он толкнул меня к стене душевой, со страстью возвращая поцелуй и бормоча под нос нежности. Я впитывала слова, поцелуй и дыхание, которое он вливал в меня.

— Ноги, — пробормотал он мне в губы. — Обхвати меня ногами.

Я обхватила его ногами, и он просунул руку между нашими телами, поглаживая меня, перед тем как направить член к моей киске. Он наклонился вперед так, чтобы горячая вода стекала ему на спину. Я не могла отвести от него глаз, даже если бы захотела.

Он крепко поцеловал меня, затем резко вошел и я застонала. С его губ сорвался поток слов на французском, и он ударил кулаком по стене.

— Боже, ты ощущаешься божественно. Чего ты хочешь, Селена?

Я поерзала и застонала, остро нуждаясь в движениях. Обхватив его за шею, притянула к себе и начала покусывать его восхитительную кожу. Он задрожал, снова застонал и отстранился, чтобы снова ворваться в меня.

— Да. Вот так. Ремингтон! — воскликнула я, уткнувшись ему в плечо, пока он продолжал лишать меня возможности говорить и мыслить.

— Ты не идеальна, Селена. Я бы не сходил с ума по тебе, если бы ты была идеальна. Слышишь меня? — он вдалбливался в меня членом, чтобы доказать свою точку зрения.

— Да! О, мой Бог, Ремингтон, да! — я откинула голову назад, и его губы нашли мою шею, жадно целуя и покусывая. — Пожалуйста, трахни меня жестче! Боже, я обожаю, когда ты делаешь вот так.

Обхватив мои бедра и сжав их, он замедлил толчки.

Я застонала, в душевой были слышны только звуки нашего неровного дыхания.

— Почему ты остановился? Я чертовски нуждаюсь в тебе, Ремингтон.

— Ты слышала, что я сказал? — он мучительно медленно снова вошел в меня.

Я моргнула, глядя на него, и покрутила попкой. Мой охваченный желанием мозг был не в состоянии понять, что Ремингтон от меня хочет.

Он глухо застонал, выскользнул из меня и, потянувшись рукой, выключил воду. Затем открыл дверь душевой, и, поддерживая меня за задницу, чтобы я не соскользнула вниз по его телу, аккуратно ступил на каменный пол и направился к мраморному трюмо. Опустил меня вниз, и как только мои ноги коснулись пола, прорычал:

— Повернись.

Я подчинилась, кожу покалывало от близости его напряженного тела рядом с моей спиной. Боже, он выглядит сексуальным и недостижимым.

— Расскажи мне, что ты хочешь сделать со мной, — я бросила на него взгляд через плечо и встретилась с мрачным, таинственным взглядом.

— Сначала мне нужно кое-что прояснить, даже если это будет означать, что мне придется жестко трахнуть тебя, чтобы донести свою точку зрения.

— Какую точку зрения?

— Ты не идеальна.

— К черту, Ремингтон, мы не можем обсудить это позже? — он воспользовался своим «доминирующим» взглядом. Когда я не ответила ему сразу же, он положил одну руку мне на плечо, другой вцепился в бедро и ворвался в меня одним резким движением. Задыхаясь от ощущений, я выкрикнула его имя.

— Ты не идеальна, — снова повторил он. — И все в тебе сводит меня с ума, — он вышел и снова глубоко вошел в меня. — *Это понятно?*

— Абсолютно, — сквозь зубы сказала я. Я близка к оргазму, но не смогу получить его, если он будет вот так меня мучить. — Я хочу кончить, Ремингтон. Я больше не могу терпеть.

Он прижался губами к моему уху, сжимая руками задницу, затем протянул руку и начал ласкать пальцем клитор.

— Обожаю, когда ты такая влажная для меня, Селена. Держись крепче, и приготовься выкрикивать мое имя, потому что я собираюсь трахнуть твою сладкую киску. Я овладею ею, *ta belle. Вот так*, — он обхватил меня одной рукой. Я задрожала от его слов, и между ног все запылало. — Руки на трюмо.

Я сделала, как он велел, желая, чтобы он овладел каждой частичкой меня. Впрочем, он итак владеет мной. Он провел рукой по моей пояснице и затем мягко надавил. Свободной рукой схватил меня за подбородок и потянул его вверх.

— Посмотри, какая ты красивая, Селена, — наши взгляды встретились в зеркале. — Смотри в зеркало.

Он убрал руку, вышел из меня и снова вошел, не отрывая от меня взгляда. Его челюсти крепко сжаты, словно ему больно, но в глазах отражаются совершенно другие чувства. В них

столько эмоций, что мне страшно признать их, поэтому я сосредоточилась на том, какие чувства он вызывает во мне. Это изысканная пытка. Я попыталась отстраниться, но он сжал мои бедра, и в его глазах промелькнуло предупреждение.

— Держись крепче, Селена.

Я крепко вцепилась в поверхность трюмо, когда он начал яростно вдабливаться в меня. Его рот приоткрылся от наслаждения. Звуки, срывающиеся с его губ, подстегивали меня. Просто увидев это выражение на его лице — смесь дикого голода и нежности — мои колени ослабли. Он обхватил меня рукой за талию и продолжил вдабливаться в меня. Я была близка к оргазму.

— Даже не вздумай закрывать эти красивые глаза,— он прорычал эти слова, которые оказались моей гибелью. Я задрожала, меня накрыло волной оргазма, и Ремингтон кончил сразу после меня. Не в силах устоять на ногах, я наклонилась вперед, а он прижался ко мне, поцеловал в висок, в шею и проложил дорожку поцелуев по спине.

О. Мой. Бог. Как мощно. Ремингтон умеет превратить каждый секс во всепоглощающее событие.

И вот так будет всегда, если я останусь? Могу ли я иметь все это в моем будущем?

Ремингтон

Как и каждое утро, мой день начался в половине шестого утра с пробежки вместе с Селеной. Она редко просыпала, а мне совершенно не нравилось позволять ей бегать одной.

Последние несколько дней я внимательно за ней наблюдаю, проверяя, нет ли симптомов панической атаки. Я все еще вздрагиваю всякий раз, когда вспоминаю, как зашел в ванную и нашел ее свернувшейся в клубок на полу, в каком ужасе пребывал, пока не понял, что происходит на самом деле. Каждый раз, когда Адриан называет ее «мама», мой взгляд невольно застывает на ней в ожидании. Она улыбается, но как только он отворачивается, ее глаза становятся пустыми, и мысленно она отправляется в место, известное только ей. Я подхожу к ней, обнимаю, и она цепляется за меня, словно от моей силы зависит, удержится ли она на плаву.

Она говорит:

— Он милашка, — и в ее голосе звучит благоговение, и я отвечаю ей, как и всегда:

— Да. С излишней долей проказливости, — и тогда она смеется.

Мы вернулись в замок после пробежки, вместе приняли душ и позавтракали на террасе. Сегодня Селена, Адель, Адриан и Эрик собрались на утреннюю экскурсию. Я решил остаться и поработать с документами для предстоящего аукциона искусств, запланированного на конец октября. Еще я планирую позвонить Жилю. Он улетел в Париж четыре дня назад. Жиль звонил мне вчера и сообщил, что кто-то вломился в его офис. Кем бы ни был взломщик, он оставил письмо, похожее на те, что получал недавно я, в котором просил остановить расследование. Даже представить себе не могу кого-то столь изобретательного, кому хватило ума вломиться в офис охранной компании и не какой-то, а компании Жилия.

В десять часов, после встречи с мсье Лореном, виноделом имения, я устроил перерыв, чтобы проводить Селену и всю компанию.

— Мы едем в Сен-Дидье. Адриан снова хочет посетить садовую железную дорогу, — сообщила Селена, спускаясь вниз по лестнице. *(Примеч. Садовая железная дорога — разновидность железнодорожного макета, размещаемая преимущественно вне помещений, например, на приусадебном участке. В качестве окружения железной дороги используются настоящие растения, искусственные водоемы с настоящей водой).*

В это же время, Адриан выбежал из гостиной и помчался ко мне. Я подхватил его на руки и обнял.

— Селе... мама везет меня показать паровозики. Пожалуйста, поехали с нами, папа?

— Мне нужно немного поработать. Как насчет того, чтобы мы с тобой поплескались в бассейне, когда ты вернешься?

Он кивнул и обхватил меня руками за шею.

— Люблю тебя, пап!

— Я тоже тебя люблю, Адриан.

Он выскользнул из моих рук и помчался к Адель.

— Эй, Адель, ты хорошо проводишь время? — спросил я ее, заметив, что она остановилась за дверью.

— Да, — она как обычно спокойно мне улыбнулась и вышла из-за двери. Я тщательно изучал ее лицо. Если она и испытывает ко мне нечто большее, чем работник к работодателю, то у нее талант очень хорошо это скрывать.

— Адриан обожает ее, — сказала Селена, оборачивая руку вокруг моей талии, пока я провожал ее к машине. — И полагаю, ее знаки внимания теперь достаются другому.

Я рассмеялся.

— Означает ли это, что она больше не строит мне влюбленные глазки? — спросил я, поддразнивая ее. Улыбаясь, она шлепнула меня по груди.

— Влюбленные глазки тебе строю я и никто другой, — она задрала подбородок и упрямо посмотрела на меня.

Я удивленно выгнул бровь. Я чувствую раздражение, исходящее от нее, когда женщины смотрят на меня. Она взяла себе за правило сплестать наши пальцы или кратко целовать меня в губы, таким образом помечая меня. Но ни разу не сказала ни слова. Я рад слышать эти слова сейчас.

— У нас это взаимно, — пробормотал я, наблюдая за Эриком. Казалось, он совершенно невозмутим, что бы ни происходило. — Ты позвонила родным домой?

Она кивнула.

— Мама снова легла в больницу и через несколько дней у нее начнется инсулиновая терапия. А ты? Разговаривал с мамой?

— Она подписала контракт с поставщиком вина в Лондоне и вернется домой через несколько дней, — Селена нахмурилась, услышав эту информацию. Я мысленно отметил, что нужно поговорить об этом позднее и поцеловал ее, борясь с желанием, перекинуть ее через плечо и унести наверх. Видимо, в последнее время мои мысли работают только в одном направлении.

Мы остановились возле машины, и я отступил, наблюдая, как они рассаживаются. Затем отошел и помахал им, когда машина тронулась с места. Я бросил взгляд на темнеющее небо. Нам нужно поговорить о поездке Селены в Берлин.

Грейс позвонила пару дней назад и сообщила, что соглашение готово и Селене нужно быть в Берлине к четвергу следующей недели. По крайней мере, у нас есть еще шесть дней до ее отъезда. Хотя я очень сильно хочу, чтобы она была рядом со мной, я не могу заставить ее остаться. Эрик отправится вместе с ней и будет рядом всю поездку. И да, его интерес к ней несколько утих.

Я уверенно заявляю на нее права, просто прикасаясь и целуя ее, и мне удастся не стучать себя по груди или рычать, когда он смотрит на Селену дольше, чем необходимо. Мне все еще нужен преданный человек, и я не вижу причин для неловкости. Я улыбнулся от этой мысли, развернулся и отправился обратно к себе в кабинет.

Селена

Мы ехали уже полчаса, когда начался дождь и тяжелые капли застучали по крыше машины. Адриан уснул, крепко прижавшись ко мне, и не замечал, что происходит вокруг. Адель и Эрик продолжали украдкой бросать друг на друга пламенные взгляды. Я заметила этот напряженный обмен взглядами несколько дней назад. Тогда я не была уверена, но то, как они ведут себя в машине, подтвердило мои подозрения, что на самом деле их влечет друг к другу.

Рада за них.

Звонок телефона прервал непрекращающиеся переглядывания Эрика и Адель в зеркале. Я с облегчением вздохнула, потому что они дошли до той стадии, когда мне хотелось заорать им, чтобы они остановились где-нибудь и затрахали друг друга до смерти. Адель не очень разговорчива, но, тем не менее, довольно болезненно и неуютно наблюдать за ними.

Адель опустила голову, вытаскила телефон из кармана брюк, и ее гладкий лоб прорезала морщинка, пока она смотрела на экран. Она приняла звонок, разговаривала очень тихим голосом и постоянно смотрела себе на колени. К моменту, когда она закончила разговор, ее лицо стало блее мела и ее всю трясло.

Эрик бросил на меня вопросительный взгляд, все признаки флирта исчезли. Я покачала головой и сосредоточилась на Адель.

— Адель? — она подняла голову, ее голубые глаза были полны слез. — Что не так? Что случилось?

Она покачала головой и прижала руку к губам.

— Я должна поговорить с Ремингтоном. Пожалуйста... Господи... Эрик?

Имени Эрика, произнесенного надломленным шепотом, оказалось достаточно, чтобы он резко развернул машину на пустой сельской дороге и помчался в обратном направлении.

Как только машина остановилась перед замком, Адель выпрыгнула из нее и побежала к двери. Я взяла Адриана на руки и последовала за Адель вместе с Эриком, который держал зонтик над нашими головами. Уложив Адриана на ближайший диван в гостиной, я поспешила в кабинет.

Адель мерила шагами кабинет, заламывая руки, а Ремингтон сидел в своем вращающемся кресле, наморщив лоб в недоумении.

— Что происходит? — задал он вопрос, перевел взгляд с Адель на Эрика и на меня, а затем снова посмотрел на Адель.

Когда она не ответила, Ремингтон встал, прошел к встроенному шкафу и плеснул в бокал какого-то спиртного из графина. Вернулся обратно и вложил бокал ей в руки.

— Выпей, — мягко приказал он.

Она выполнила приказ, затем часто заморгала и ее глаза еще сильнее увлажнились. Черт, видимо, он налил ей что-то очень крепкое. Но, похоже, это дало ей необходимый толчок. Она выпрямила спину, но когда уже собиралась заговорить, на столе Ремингтона зазвонил телефон.

Я прикоснулась к руке Адель, привлекая ее внимание.

— Иди, сядь вот сюда, — я поставила для нее стул возле стола Ремингтона, пока он

разбирался со своим звонком.

— Что, черт возьми, ты хочешь? — Ремингтон в буквальном смысле прорычал эти слова в трубку.

Мне сразу же стало жаль того, с кем он разговаривал.

Он стоял спиной к нам, поэтому я не видела его лицо. Он провел напряженными пальцами по волосам, и его рука замерла на затылке.

— Кaleb? — его голос звучал шокировано. — Что случилось?

Адель поерзала на стуле. Несколько волосков выбились из ее идеальной прически и она тербила край своей блузки.

Когда Ремингтон закончил разговаривать, он повесил трубку, но не повернулся к нам. Я обошла его и встала перед ним.

— Милый, что случилось? — спросила я и встретилась с его шокированным взглядом.

— Я должен лететь в Лондон.

Лондон? С его матерью все в порядке? Или с братом? По телефону Ремингтон назвал имя брата, о котором рассказывал в музее некоторое время назад.

— Когда?

— Калеба забрали в больницу этим утром. Врачи все еще берут анализы, но они предполагают, что его почки не работают, как следует.

— Ты полетишь в Лондон, чтобы навестить его? — спросила Адель, вложив так много надежды в это простое предложение.

Он бросил взгляд на Адель и кивнул.

— Господи, спасибо, — прошептала она себе под нос. — Ты нужен ему.

Ты нужен ему? Откуда она знает? И почему она так заинтересована в этой ситуации?

Поскольку Ремингтон погрузился в размышления, полагаю, он не услышал то, что она сказала. Но несколько секунд спустя он нахмурился, затем повернулся к ней и в его глазах светились тысячи вопросов.

— Ты знакома с ним? Ты знаешь Калеба?

Адель кивнула, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони.

— Кaleb... он мой брат.

Ремингтон

Биение пульса глухо отдавалось в ушах, зрение стало размытым.

— Что ты только что сказала? — неужели шок, вызванный тем, что я услышал по телефону голос отца, повредил мне слух? Конечно же, ведь впервые за последние двадцать лет он догадался позвонить мне. И самое ужасное, что это была вовсе не его идея. Кaleb попросил позвонить мне. Возможно, даже заставил его сделать это.

Я попытался обуздать гнев, вызванный мыслями об отце, и сосредоточился на неотложных вопросах.

— Ты нас не оставишь, Эрик?

Он кивнул, бросил обеспокоенный взгляд на Адель, затем развернулся и вышел.

— Кaleb — мой брат, — сказала она тихим голосом.

Я покинул объятия Селены и направился к Адель.

Она смотрела на меня покрасневшими глазами, словно просила понять ее.

— Я твоя сводная сестра, Ремингтон.

Сила этих слов ударила меня прямо в грудь.

Это что, какая-то шутка?

— Твоя мать назвала тебя в честь нашего отца, Ремингтон.

— Единственное, что мне досталось от него в наследство, — со злостью выпалил я. — Не припоминаю, чтобы Кaleb упоминал о тебе. Он единственный ребенок, насколько я знаю.

Она покачала головой.

— Он мой старший брат. Кaleb старше на десять лет. Он рассказывал мне, что вы оба посещали частную школу в Хартфордшире.

Продолжая смотреть на нее, я мысленно вернулся к тем двум лучшим годам моей жизни, когда мама вернулась обратно во Францию из Лондона. Все, что мне было нужно — это мой лучший друг Кaleb и моя мать.

— Кaleb также рассказывал мне, как отец относился к тебе. Те два года в школе были лучшими в его жизни и ему жаль, что все обернулось именно так, после того как ты и твоя мать уехали во Францию.

Я начал расхаживать по всему кабинету, во мне боролись замешательство и боль.

— Почему ты не рассказала мне правду? Тебя хотя бы Адель зовут? Ты же жила под моей крышей. Ты подружилась с моим сыном и со мной, изображая человека, которым на деле не являешься. Ты знаешь, как я отношусь ко лжи, но ты лгала мне все эти четыре года. Черт возьми, Адель. Зачем ты сделала это?

— Я боялась твоей реакции, когда ты узнаешь, кто я. Знаю, ты ненавидишь нашего отца и единственный человек с кем ты поддерживаешь связь — наш брат. Понимаешь, Кaleb рассказал мне все, и мне захотелось узнать тебя. Поэтому я решила взять все в свои руки. После окончания школы раздобыла документы, доказывающие, что раньше я работала няней. Получила рекомендации от некоторых родителей, с детьми которых сидела, когда была подростком. Меня зовут Адель, но я изменила фамилию с Ньюпорт на Дюфор, — она встала передо мной, очень смелый шаг. Я прекратил хождение и уставился на нее.

— Ремингтон, мне очень жаль, что я лгала тебе, но я делала это по необходимости. Понимаю, это не самая лучшая причина, но, тем не менее, надеюсь, что ты поймешь, почему я сделала это.

Руки чесались от желания ударить по чему-нибудь, и в то же время мне хотелось обнять и утешить ее. Затем рядом оказалась Селена, накрыла мою подергивающуюся руку своей маленькой мягкой ладошкой. Какая-то часть напряжения покинула мое тело, но большая его часть по-прежнему бурлила где-то в районе желудка.

У меня есть сестра, и она живет в моем доме.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

Я больше не мог оставаться в этой комнате. Мне нужно выйти и обдумать всю эту новую информацию, прежде чем я скажу что-то, о чем позже пожалею. Я отвернулся от нее.

— Мы поговорим об этом позже.

Я собирался уйти, мне хотелось пройтись, чтобы очиститься от того, что чувствую.

— Я уезжаю сегодня вечером.

Дерьмо!

Я глубоко вздохнул, закрыл глаза, и прикосновение Селены к моей спине немного успокоило меня. Я чувствовал себя преданным, потерянным и использованным. Я могу вышвырнуть Адель через парадные двери, но не стану ли от этого хуже, чем мой отец? Всю свою юность, и даже повзрослев, я старался, чтобы мое детство не повлияло на то, кем я стал. И мне это удалось.

— Эрик отвезет тебя в аэропорт, — я направился к выходу из комнаты, наши с Селеной руки были все еще переплетены, но затем я остановился у двери. — Увидимся в Лондоне, Адель.

Она улыбнулась, по ее щекам заструились слезы, и она поспешила подойти ко мне.

— Спасибо, Ремингтон. Ты хороший человек. Я люблю тебя, старший брат, — она поднялась на цыпочки и без предупреждения поцеловала меня в щеки, затем выбежала и побежала вверх по лестнице в свою комнату.

Селена встала прямо передо мной, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

— Мне нужно идти.

— Куда? — спросила она, ее глаза взволнованно и широко распахнулись.

— Не знаю. Не могу оставаться здесь сейчас. Мне нужен свежий воздух.

Она вцепилась мне в плечи и крепко держала меня до тех пор, пока я не почувствовал, что она словно пытается не дать мне рассыпаться на части. Затем она отстранилась, в ее глазах стояли слезы. Но я не мог остаться. Не хотел, чтобы она видела меня в таком состоянии, да и Адриан бы разволновался.

— Где Адриан? — поинтересовался я, оглядываясь по сторонам.

— Спит на диване в гостиной.

— Хорошо, позаботься о нем. Не хочу, чтобы он волновался. Я просто хочу проветриться, хорошо?

Она посмотрела на меня, приподнялась на цыпочки и поцеловала в щеку.

— У тебя есть столько времени, сколько потребуется, Ремингтон. Мы будем здесь, когда ты вернешься.

И с этими словами, мои губы обрушились на ее рот и я крепко поцеловал ее. Она сказала именно то, что мне было необходимо услышать, но все равно нужно было выбраться

отсюда. Я развернулся и вышел из комнаты.

Селена

Переодевшись в шорты и футболку, Ремингтон умчался на пробежку и к двум часам пополудни все еще не вернулся. Я не предлагала составить ему компанию, потому что понимала, что ему нужно побыть одному и переварить все, что случилось сегодня.

Адриан постоянно спрашивал, куда подевался папа, и я устала лгать ему, что его отец уехал в город, а также волноваться, гадая, все ли с ним в порядке. Час назад Эрик отвез Адель в аэропорт и, вернувшись, забрал Адриана на виноградники, посмотреть, как убирают урожай. Жиль в Париже, решает проблемы, связанные с охранным агентством.

Я уже собиралась попросить Эрика, чтобы он повез нас на поиски Ремингтона — я не очень хорошо вожу — когда увидела, как Ремингтон медленной трусцой бежит по дороге. Ноги отказались слушаться меня и сдвинуться со ступенек, где я стояла, поэтому я смотрела и ждала. Он устало взобрался по лестнице, обхватил мое лицо ладонями и поцеловал в губы, затем проскользнул мимо, оставив меня во взвинченном состоянии после этого яростного поцелуя.

Не останавливаясь, он прошел к задней части дома, срезав путь до сарая, зашел внутрь и вышел несколько минут спустя, держа в руках топор, с которым направился к куче бревен, ожидающих, пока их наколют.

Устанавливая бревна, он заносил руку вверх и опускал вниз, раскалывая полено за поленом, пока рядом с ним не образовалась целая гора дровяшек. Он такой чертовски сексуальный, когда занимается физической работой. Затем я вспомнила, что ему больно, и отбросила свои похотливые мысли.

Закончив, он отнес топор на место и вышел из сарая. Ремингтон стоял спиной к замку, его сосредоточенный взгляд был направлен на виноградники, словно он силится запомнить, как они выглядят, чтобы потом нарисовать. С трудом подавляемый гнев пульсировал в его руках и спине, когда он прижал руки к бокам.

Разве он не устал после пробежки и колки дров?

— Я два часа бегал без остановки, но все равно чувствую злость внутри. Как такое возможно?

Я подошла ближе и обхватила его руками со спины.

— Слишком много всего произошло сразу, чтобы принять все это.

Он глубоко вздохнул и покачал головой, будто пытаясь прояснить мысли.

— Когда я был ребенком, мать бросила свою жизнь здесь и переехала в Лондон. Отец почти не признавал меня, нас, пока мы жили здесь, в Провансе. Думаю, она надеялась, что, если я буду жить ближе к нему, ситуация улучшится. Но она забыла, что у моего отца была жена и его жизнь в Англии сильно отличалась от нашей. Мать и отец встретились здесь, в Провансе. Он соблазнил ее и лгал ей, скрывая, что женат. Он приехал сюда по делам в юридическое агентство, в котором она работала неполный рабочий день помощником юриста, пока училась управлять виноградным хозяйством у своего отца. Когда мы жили в Лондоне, она отправила меня в ту же школу, где учился Калев, потому что хотела, чтобы у меня было все то, что отец давал своему другому сыну. Она была непреклонна.

— Мы с отцом встречались только в школе, в ресторане или у него в кабинете. Моя

мать, в своем великодушии, постоянно устраивала «день отца». Чего она не знала, так это того, что этот мужчина называл меня ублюдком всякий раз, когда ему предоставлялась возможность, — он снова глубоко вздохнул. — Не знаю, когда жена бросила его. Он обвинял мою мать и меня за то, что мы разрушили его брак. Он стегал меня ремнем, оставляя следы там, где никто не мог их увидеть. Я не мог рассказать матери. Она тяжело работала, и я не мог позволить себе разбить ей сердце. К тому же Калев, мой лучший друг, принял меня без осуждений. Я был рад, когда мне пришлось вернуться в школу, потому что это означало, что какое-то время я не буду видеть отца. Однажды он слегка переборщил, когда стегал меня, и ремень распорол мне предплечье. Мать увидела порез, когда вошла в комнату, пока я переодевался в пижаму.

— Никогда не видел ее такой злой, какой она была в тот день. На следующей неделе мы уехали из Лондона, оставив там единственного друга, который когда-либо у меня был. Я писал Калебу письма, но ни разу не получил ответа от него. В итоге я сдался.

Наконец-то он развернулся и посмотрел на меня.

— Сегодня слишком много всего произошло, и я не могу принять все то, что только что узнал.

Глаза щипало от слез, а сердце заболело от услышанной истории. Я зажмурилась, пытаюсь сдержать слезы, иначе он решит, что расстроил меня. На самом деле, мне хотелось плакать за него. Я поцеловала его грудь, прижимаясь лицом к влажной футболке.

Ублюдок. Теперь я понимаю его непоколебимую привязанность к сыну. *Боже, отец Ремингтона такой мудака.*

Я прочистила горло, чтобы избавиться от застрявшего там комка.

— Только из-за того, что он называл тебя ублюдком, ты не становишься таковым, Ремингтон. Слова не определяют, кто ты есть. Ты выбрал свой путь и живешь своей жизнью. Я так горжусь тобой.

Он притянул меня к себе и крепко обнял. Я погрузилась в его объятия, улыбнулась и вдохнула запах его потного тела, радуясь, что он в безопасности.

Отстранившись, я обхватила его лицо ладонями. Его обеспокоенный взгляд встретился с моим, но за этим взглядом я видела сильного мужчину, с которым познакомилась.

— Ты человек, Ремингтон. Никто не ожидает, что ты справишься абсолютно со всем, — сказала я и его челюсть напряглась. Не знаю, что из того, что я сказала, он понял; он такой гордый мужчина.

Убедившись, что Адриан чем-то увлечен, я повела Ремингтона в нашу спальню, заперла дверь и направила его к кровати. Положив руки ему на бедра, я подняла голову и увидела, что его взгляд сосредоточен на моем лице. Стянула с него шорты, не отводя взгляда от его глаз, и почувствовала, как он задрожал, когда мои пальцы коснулись его горячей потной кожи.

— Что ты делаешь, *ma belle*? — спросил он хриплым голосом.

— Хочу кое-что прояснить, — повторила я его слова, сказанные мне недавно. Когда он был полностью обнажен, я сняла свою одежду, швырнув ее на пол, и обернулась к нему. Его твердый член уже гордо поднимался в боевой готовности. Положив руку ему на грудь, я толкнула его назад, и он упал на кровать. Затем забралась к нему на колени, оседлала его и постаралась сдержать улыбку. *Ура новой Селене-соблазнительнице.*

— Положи руки мне на бедра, — облизнув губы, он сделал, как я приказала, и поднял на меня темный и полный желаний взгляд.

— Ты человек. Тебе можно испытывать боль. Даже плакать. Твой отец эгоистичный сукин сын, но ты, милый, ты исключительный мужчина, скрывающий под суровой внешностью большое сердце. Ты человек, Ремингтон.

Я приподнялась на коленях, направила его член к своей киске и затем посмотрела ему в глаза. Я наблюдала за ним, пока медленно опускалась на него, вбирая его в себя.

— Поделись со мной своими страхами, Ремингтон. Доверься мне ипусти меня. Я здесь, милый. Я здесь, чтобы подстраховать тебя.

Сказав это, я начала подниматься и опускаться, его сильные руки поднимали меня и опускали, помогая и направляя. Наши взгляды не отрывались друг от друга. Я почувствовала момент, когда он потерял контроль, потому что он убрал руки с моих бедер, сел и обхватил меня за плечи. Я обхватила ногами его талию, и он притянул меня к себе, зарывшись лицом мне в волосы. Его толчки стали более настойчивыми, а стоны более низкими.

Мы кончили одновременно, и это был взрыв, хотя и довольно спокойный, что было у нас впервые. Я держала Ремингтона, пока мы успокаивались, и чувствовала, что его тело трясет так, словно он сейчас развалится на куски. Я обняла его крепче, поглаживая рукой по спине. Он приглушенно всхлипывал мне в плечо, и казалось, что его сердце вырвали из груди. Он когда-нибудь делился с кем-то своей болью? Когда он в последний раз плакал, по-настоящему плакал?

Несмотря на то, что болезненные всхлипы проникали в меня, я рада, что он открылся мне и позволил увидеть себя с этой стороны. Я обожаю его за это еще больше.

Селена

Ремингтон уехал на два дня, но, хотя он и звонил всякий раз, как у него появлялась возможность, мы все равно скучали по нему. Состояние Калеба оставляло желать лучшего. Почки не реагировали на лечение, и доктора пытались найти другое решение. Поэтому Адель и Ремингтон сдали донорский тест на совместимость, и Ремингтон подошел в качестве донора.

Комнаты в замке хранили воспоминания о том, как он входит и выходит из них. Адриан тоже скучал по отцу, но Эрику без проблем удавалось отвлечь его. Меня поразило то, что Ремингтон доверяет мне настолько, что не побоялся оставить со мной своего ребенка. Мысленно я часто представляла Ремингтона ребенком, застрявшим в лифте, или видела, как его избивает отец.

За тридцать три года своей жизни он пережил так много, что мой жизненный опыт кажется насмешкой. Ремингтона так легко любить, а находясь рядом с ним, я понимаю, как меня выматывали попытки заставить Джеймса отвечать взаимностью на мою любовь, особенно в последние годы перед разводом.

Свернувшись калачиком в шезлонге в патио, я открыла блокнот и закрыла глаза, отбрасывая эти мысли прочь и воскрешая в памяти фотосессии. Что-нибудь сексуальное, например, будуарная сессия. Почему они такие чувственные?

Мысленно я пробежалась по воспоминаниям, и когда открыла глаза, начала рисовать, заполняя страницу за страницей различными набросками, пытаюсь отразить как можно больше деталей. Позже я вернусь к ним и прорисую все детально.

Некоторые из них были ужасны, а некоторые, как я себе представляю, должны захватывать дух. Я была так увлечена своим занятием, что не сразу почувяла посторонний запах в воздухе... запах горящего дерева.

Я резко оторвала взгляд от блокнота, посмотрела по сторонам и почувствовала, как кровь отлила от лица. Дым поднимался над полями, начинающимися за пышным садом. Я вскочила с кресла, оглядываясь вокруг. Большинство рабочих, ухаживающих за полями, уже ушли домой.

И где, черт возьми, Адриан?

Сердце забило в груди как сумасшедшее, когда я побежала по дорожкам, выкрикивая его имя. Несколько секунд спустя я услышала, как кто-то зовет меня. Развернулась и увидела, что ко мне бежит Эрик.

— Я увидел дым из своей комнаты, — сообщил он, взглядом быстро и тщательно осматривая огороженную территорию. — Когда ты видела его в последний раз?

Я указала на дорожку неподалеку от того места, где я сидела.

— Он был там, — *как я могла упустить его из виду?* — Давай разделимся и поищем его, — Эрик кивнул и мы разошлись, направившись в разные стороны.

Неожиданно в саду начала играть классическая музыка, громкая и пугающая. Я резко развернулась в поисках источника звука, но ничего не увидела. Сердце глухо билось с каждым аккордом, пот струился по вискам и спине.

Я знаю эту мелодию! Это «Танец Феи Драже» Чайковского. Из всех опер, «Щелкунчик»

— моя любимая. Мне всегда нравился этот отрывок, но сейчас он звучит зловеще. Дым, кружащийся в воздухе, не улучшает ситуацию.

Адриан. Я очнулась от транса и рванула к домику на дереве, с трудом взобралась по деревянным ступенькам, но его там не оказалось. Отчаяние и дурнота скрутили живот, когда я бежала по дорожке, ведущей к стене, где пламя пожирало все на своем пути, будь то виноградная лоза или трава.

— Боже, пожалуйста. Пусть он будет в безопасности, — без устали бормотала я. Я сощурилась, когда вниз по щекам потекли слезы, вызванные дымом и ужасом. Он должен быть в безопасности. Уверенность подгоняла меня бежать вперед, я увернулась, когда огонь заревел, и в воздух взметнулись искры пламени.

Когда я завернула за угол, направляясь к маленькому пруду в восточной части сада, я услышала слабый вскрик. Я пробиралась сквозь дым, прижав рубашку к носу. Адриан пытался забраться глубже во что-то, что напоминало пещеру или альков.

— Благодарю тебя, Господи, — пробормотала я себе под нос, побежала к нему и низко нагнулась, чтобы не удариться головой о камни. Он свернулся калачиком, прижав ножки к груди. Его глаза округлились от страха. Лицо покрывала сажа, на щеках виднелись дорожки слез, а сам он весь дрожал от ужаса. Я пригнулась ниже, притянула его маленькое тельце к себе и мы выбрались оттуда.

Взяв на руки, я крепко прижала его к себе и, подавив рыдание, поцеловала в макушку.

— Теперь все хорошо, дорогой, — успокаивающе сказала я. — Ты в порядке?

Он кивнул, его нижняя губка задрожала. Музыка оборвалась так же резко, как и началась.

Святое дерьмо! Какого черта означала эта музыка?

К тому времени, когда мы вернулись домой, пожарные только подъезжали. Они быстро говорили по-французски и несколько секунд спустя поспешили через сад в поля. Наверное, Эрик вызвал их по мобильному.

Эрик выбежал из дверей. Как только он увидел мальчика, волнение и панику на его лице сменило облечение.

— Он в порядке? — спросил он, его взгляд прошелся по лицу и телу Адриана. Адриан захныкал и повернулся, чтобы спрятать личико у меня на груди.

— Похоже, что да, но нужно, чтобы его осмотрел врач, и проверил так ли это.

— Доктор уже ждет внутри. Пожарная бригада приехала, и сейчас они пытаются сделать все, чтобы огонь не распространился дальше, — он повернулся, чтобы провести нас в дом тем же путем, каким вышел, но замер, его взгляд сосредоточился на чем-то над моим плечом и он нахмурился.

— Что случилось? — спросила я, проследив за его взглядом. Мое сердце бешено застучало, когда я увидела букет красных ирисов, лежащий на одном из шезлонгов возле бассейна.

Эрик обошел вокруг нас и направился к бассейну. Затем вернулся обратно, держа в руках цветы. Письма не было, но мы понимали, кто прислал их. Оглянувшись вокруг напоследок, Эрик обхватил меня рукой за плечо и повел нас к дому.

Я постаралась отбросить мысли об этих цветах, чтобы сосредоточиться на Адриане, но это казалось невозможным. Черт. Что если тот, кто послал их, наблюдал за нами, пока мы беспорядочно носились в неразберихе, который он или она создал? Она работает в одиночку? Возможно, кто-то из работников замка замешан в этом. Все то время, что я здесь,

я видела только одного человека внутри замка, мсье Лорена, винодела.

Но Ремингтон сказал, что семья Лоренов работает в поместье уже много лет. Зачем ему рисковать добрым именем своей семьи и разрушать их репутацию? Адриан снова захныкал, прерывая мои раздумья. Я посмотрела по сторонам и заметила мужчину со стетоскопом, свисающим с шеи. Мы с Эриком поспешили к нему, Эрик по-прежнему сжимал ужасные цветы в своих руках.

Как только доктор закончил осмотр, заверив нас, что Адриан в порядке и не успел наглотаться дыма, я понесла его наверх. Наполовину наполнила ванну водой, затем раздела мальчика и посадила его туда. Он отмокал в ванной до тех пор, пока его мышцы не расслабились.

— Пожалуйста, не оставляй меня, — попросил он на французском, его глаза стали огромными и их затопила паника, когда я отошла, чтобы взять полотенце.

— Я не оставлю тебя, малыш. Я здесь. Просто хотела взять это, — жестом я указала на полотенце. Он заговорил впервые, с того момента, как я нашла его съезжившимся в алькове.

— Хочу папу, — прошептал он, когда я завернула его в полотенце и вынесла из ванной. Как раз тогда в комнату вошел Эрик, неся тарелку с сэндвичами, стакан молока и апельсиновый сок. Все это он поставил на столик у окна и сообщил мне, что ему не удалось дозвониться до Ремингтона.

Полная катастрофа. Адриан заплакал. Все что я могла — укачивать его на руках. Он был безутешен. В итоге он уснул у меня на руках. *Боже, еще ни разу в жизни я не чувствовала себя такой вымотанной.* Беспомощной, напуганной и уставшей.

Уложив мальчика в кровать, я оставила Эрика присматривать за ним, а сама схватила шорты и футболку в нашей спальне и вернулась принять душ в комнате Адриана. Я вышла через пять минут. Как только Эрик ушел улаживать вопросы с полицией, я улеглась рядом с Адрианом. Я слишком волновалась и нервничала, чтобы съесть хоть что-нибудь.

Как теперь мы сможем спать спокойно в этом доме, зная, что кто-то может попасть внутрь или по-прежнему ошиваться поблизости?

Когда полиция уехала, Эрик запер двери и спустя час пришел наверх, чтобы сообщить мне, что ему так и не удалось дозвониться до Ремингтона, но он будет пытаться. Также Эрик сказал мне, что сообщил Жилю о произошедшем, и тот завтра прилетит в Прованс первым рейсом. Попросив Эрика сообщить мне, если Ремингтон позвонит, я положила свой телефон рядом с подушкой, чтобы слышать входящий звонок.

В этот раз Эрик выглядел уверенным, но мрачным. У него не было оружия, но как говорил Ремингтон, он очень хорош в рукопашном бое. С этой мыслью я попыталась набрать Ремингтона снова, но звонок переключился на голосовую почту. После нескольких попыток меня одолела усталость.

Ремингтон

Я провел рукой по лицу, мысленно вернувшись в Прованс. Я не разговаривал с Селеной или Эриком последние несколько часов. Мобильная связь в больнице просто дерьмо.

Я так скучаю по ней и по Адриану. Дождаться не могу, когда смогу поговорить с ними после того, как выйду из больницы. Я приехал пораньше на встречу с лечащим врачом Калеба, чтобы обсудить его состояние, альтернативные варианты и возможность операции, и потому, что мне хотелось провести немного времени с Калебом.

К несчастью, то же самое сделал и Ремингтон Ньюпорт, мой отец. Адель не оказалось поблизости, чтобы сыграть роль буфера между нами, что она делала во время последних нескольких визитов.

Я встряхнул рукой, чтобы проверить время, затем обернулся и посмотрел на мужчину, сидящего напротив меня. Он никто для меня, всего лишь мой биологический отец, незнакомец. На его лице появилось больше морщин, по сравнению с последним разом, почти год назад, когда я видел в газете его фотографию, на которой он улыбался в камеру на благотворительном балу в Лондоне.

Его темные волосы поседели. Глаза, в которых всегда сверкала сила и уверенность, потускнели от огорчения, когда он смотрел на своего сына, лежащего на кровати между нами. Когда он поднял голову и посмотрел на меня, в его глазах вспыхнула, как мне показалось, надежда.

В данный момент, я единственная надежда Калеба, и мой отец понимает это. Доктора проверили Адель на совместимость. К сожалению, ее кровь несовместима с кровью Калеба. Это тот случай, когда власть отца не может вылечить его сына или контролировать неизбежное. Да, он может подкупить кого-то и убедить отдать почку, но время — деньги. Почка Калеба отказывают очень быстро, и ему нужен диализ, чтобы поддерживать их.

Я мог бы кичиться тем, что отец не может воспользоваться своей властью или контролировать ситуацию, как ему это присуще. Но мне, наоборот, жаль его. Я так сильно хотел ненавидеть его за то, что он уничтожил мое детство, когда я нуждался в нем больше всего, но не смог. Меня окружала любовь, пока я рос.

Бабушка, которая умерла, когда мне исполнилось двадцать лет, мои кузины, дяди и моя мать позаботились о том, чтобы меня любили вдвойне сильнее, тем самым компенсируя ублюдка отца. Любовь, которая окружала меня, развеяла ненависть к отцу, осталось только безразличие.

В комнате раздавалось пиканье аппарата, к которому подключен Калеб, отображающего его жизненные показатели. Только этот звук и шипение, исходящее от кровати, когда брат выдыхал. У меня снова не получилось поговорить с Калебом.

Единственный раз у меня это получилось два дня назад, когда я только приехал, но он был слишком слаб, просто приподнял руку и похлопал меня по голове, как делал раньше, когда мы учились в школе. Когда я увидел его, мое сердце разбилось. Он не напоминал здорового мальчишку, с копной темно-русых волос, мальчишку, чей смех был таким же заразительным, как и его дружба. Моего брата.

— Нам нужно поговорить об этом, сын, — сказал отец, прерывая мои мысли. Я ощущал

неловкость, называя его Ремингтон. Мне не хотелось ассоциировать свое имя с таким человеком, как он, но это было сложно, особенно учитывая, что меня называли в честь него.

Во мне вспыхнул гнев и, сжав челюсти, я вцепился пальцами в подлокотники кресла. Он имеет в виду тот разговор, который состоялся между нами, когда он понял, что я единственная надежда его сына. Каждый раз, когда у него появляется возможность встретиться со мной лицом к лицу, он всегда начинает один и тот же разговор.

Я не в настроении быть подкупленным деньгами, обещаниями должности в его компании или в совете директоров, или о чем еще он там болтает. Я считаю своего отца полнейшим придурком, но его заявление, что он заплатит мне за то, что я отдам почку его сыну — моей плоти и крови — стало верхом высокомерия и бессердечности.

Я холодно на него посмотрел, затем бросил взгляд на Калеба, прежде чем снова повернуться к отцу лицом.

— Мы можем поговорить снаружи? — я встал и направился к выходу из палаты, не потрудившись проверить, последует ли он за мной. Настало время поставить на место мудака раз и навсегда. Как только он вышел в коридор, я набросился на него.

— Похоже, ты не изменился, *отец*. Деньги для тебя все. Что ж, слушай меня внимательно, потому что я говорю это в последний раз. Иди нахер, ты и твои деньги. Я делаю это, потому что здесь лежит мой брат. Я не твой сын. Никогда не был тебе сыном и никогда не буду. Усвой это. Что до меня, то ты существуешь только на задворках моей памяти, — меня трясло от ярости, и я понял, что не простил его. Не совсем. Я просто подавлял свои чувства к нему. Руки тряслись, а дыхание было затрудненным, пока я старался взять себя в руки и не пнуть мудака по его высокомерной заднице. — Держись от меня подальше, если знаешь, что для тебя лучше.

Кто-то прочистил горло.

— Мсье Сен-Жермен?

Я сделал несколько глубоких вдохов, изменил выражение лица насколько мог и обернулся. Доктор прочистил горло и начал вертеть в руках коричневую папку.

— Простите, что заставил вас ждать. Мы можем пройти в мой кабинет, если вы готовы... — доктор не договорил, его взгляд метнулся за мое плечо к отцу, а затем снова вернулся ко мне.

Я кивнул и пошел за ним, но остановился, когда услышал звук подошв, шаркающих по ламинату, который следовал за нами. Я метнул в отца взгляд через плечо, молча говоря ему, чтобы он даже не думал приближаться ко мне, и он замер на месте, а я продолжил свой путь к кабинету доктора. Калеб — сын Ремингтона, но в данный момент мне все равно. Это моя почка. Кроме того, уверен, что если отец будет находиться в радиусе десяти метров от меня, все закончится тем, что ему придется задержаться в больнице надолго.

Доктор оказался достаточно умен, чтобы сделать вид, что не заметил в коридоре ничего необычного.

Мудрый человек.

Когда я покинул больницу, было семь часов вечера, и Калеб по-прежнему спал. Мне удалось поговорить с ним в течение пяти минут, прежде чем истощение взяло свое, и он уснул.

Как только вышел из больницы, я поднял воротник своего пальто, пытаюсь защититься от холодной октябрьской погоды. Затем включил телефон и нахмурился, увидев

пропущенные звонки от Селены и Эрика. Они звонили где-то около двух часов назад. Что могло случиться? Различные сценарии пронеслись в моей голове, один хуже другого, и в ушах зашумела кровь. Сначала я набрал номер Селены, но после нескольких гудков вызов переключился на голосовую почту. Меня обуял страх, и я набрал номер Эрика. Он ответил после первого же гудка и рассказал, что случилось, подтверждая мои самые ужасные опасения. Пока меня не было, пресловутый преследователь снова нанес удар, и в этот раз он или она, по всей видимости, жаждал крови. *Черт, почему я не взял Селену и Адриана с собой в Лондон?* Что, если с ними на самом деле что-то случится? Я не переживу этого. Я сел в ожидавшее такси и откинулся на сиденье, чувствуя, словно теряю хватку на всем, что мне дорого в жизни: Калев, Адриан, Селена, замок.

Сорок пять минут спустя я уже был в ангаре, где меня ждал самолет Сен-Жерменов, готовый доставить обратно в Прованс. Сердце бешено стучало в груди. От мысли, что Адриан и Селена в опасности, мне сделалось дурно. Я уже давно не молился, но теперь обращался к Богу. Постоянно повторял молитву, как мантру.

Господи, пожалуйста, пусть они будут в безопасности.

Как только самолет приземлился в Провансе, я поспешил к машине, которую припарковал в дальней части ангара, когда улетал в Лондон. Сел в нее и сделал несколько глубоких вдохов. Я так крепко вцепился в руль, что на руках проступили вены. Мне нужно успокоиться, пока еду домой. Легче сказать, чем сделать. Я несся к замку как одержимый. Не в силах припарковаться на обычном месте, я бросил машину прямо посреди подъездной аллеи, выпрыгнул из нее и поспешил в дом. Эрик мерил шагами гостиную, взволнованно запустив руку в свои светлые волосы.

Он резко вскинул голову и увидел меня. Хмурое выражение исчезло с его лица. Плечи сразу же немного расслабились, но в то же время я заметил, как на его лице появилось выражение настороженности.

— Где они? — спросил я его, когда он остановился передо мной.

— В комнате Адриана, — я бросил свою дорожную сумку на пол и устремился наверх.

Селена лежала на боку, а Адриан безопасно устроился в ее объятиях. Мое сердце словно разбухло при виде этой нежной картины и от чувства, распустившегося в груди, которое стало таким родным теперь, когда бы я ни увидел этих двоих вместе.

— *Господи, спасибо,* — прошептал я себе под нос. Я подошел к кровати и присел на край матраса. Нагнулся и поцеловал Адриана в лоб, затем повернулся и провел губами по губам Селены. Она пошевелилась и открыла глаза. Несколько раз моргнула, словно приспособившись к окружающей обстановке. Затем застыла и ее рука, обнимающая моего сына, напряглась, и она притянула его поближе к себе. Когда она, наконец, поняла кто я, она ахнула, и страх в ее глазах уступил место облегчению.

— О, мой, Бог, Ремингтон, — хрипло сказала она. Она бросила взгляд на Адриана и медленно разомкнула объятия, чтобы не потревожить его сон. Затем укрыла его до подбородка и повернулась лицом ко мне. В ее глазах стояли слезы, они покатались вниз по ее щекам. Она упала в мои объятия, и я держал ее, когда она уткнулась лицом мне в шею. — Так хорошо, что ты здесь. Когда ты приехал? — ее голос дрожал, а саму ее всю трясло.

— Несколько минут назад.

Она кивнула, но не подняла голову. Я не заметил по ее лицу, что она плакала, когда вошел в комнату. Должно быть, она сдерживалась до этого момента.

Я продолжал обнимать ее, и с каждым всхлипом Селены мои объятия становились все

крепче. Я пристально смотрел на мирно спящего Адриана. Мне так сильно хотелось прикоснуться к нему, но не хотелось его будить. Ему нужен отдых после такого ужасного тяжелого испытания.

Мы молчали, и я был благодарен за это. Горло как будто опухло и уверен, что не смог бы и слова вымолвить.

Наконец-то Селена отстранилась и улыбнулась, хотя в ее глазах все еще стояли слезы. Затем она шмыгнула носом и вытерла его тыльной стороной руки.

— Передать тебе не могу, как хорошо, что ты вернулся, Ремингтон. Еще никогда в жизни я не была так напугана.

— Если бы я знал, что произошло, я бы прилетел раньше. Мне так жаль, что у меня заняло это столько времени, *ma belle*.

Она яростно покачала головой.

— Кaleb нуждался в тебе. К тому же никто не мог предположить, что такое случится.

Я посмотрел на нее. Даже в слезах она такая красивая. Она не устраивает мне сцену и не обвиняет в том, что я не оказался рядом вовремя. Вместо этого она думает о Калебе.

Эта женщина удивительная.

— Хочешь поговорить об этом? Рассказать мне, что случилось?

Она глубоко вздохнула и рассказала мне все от начала и до конца. Она дошла до момента, когда в саду зазвучала музыка и когда упомянула, что это был «Танец Феи Драже» я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Селена закончила свой рассказ, я извинился и спустился вниз переговорить с Эриком. Он кратко пересказал мне то, что произошло, и сообщил, что завтра прилетит Жиль с двумя охранниками из его агентства.

Мне нужно было проверить еще кое-что, прежде чем я смогу присоединиться к Адриану и Селене. Я прошел к застекленному шкафчику, расположенному между камином и телевизором, открыл его и быстро просмотрел коллекцию CD-дисков. Коробка с саундтреком моей любимой оперы «Щелкунчик» пропала.

Кто бы ни был этот человек, очевидно, он отлично ориентируется в замке. Он также в курсе, какое влияние эта музыка оказывает на меня, и как я ценю ее. Когда мне было тринадцать, мать впервые отвела меня в оперу в Париже. Тогда она встретила Бернара, мужчину, который кардинально изменил наши жизни. Он подарил мне этот диск в качестве подарка на мой четырнадцатый день рождения. В этом диске заключены мои самые сокровенные воспоминания.

Снова попытался вспомнить, выказывал ли я что-нибудь помимо обычного интереса к женщинам, с которыми встречался раньше, но в голову так ничего и не пришло. Но как этот человек нашел дорогу сюда? Мне не дает покоя мысль, что кто-то, кого я знаю, может сотрудничать с этим человеком.

Я закрыл двери шкафчика и вернулся в гостиную. Активировав сигнализацию, я пожелал спокойной ночи Эрику, который по-прежнему выглядел озабоченным, даже после того, как я заверил его, что все произошедшее не его вина. Наконец-то, я поднялся наверх. В голове назойливо крутились мысли.

Селена снова была в кровати, но все еще не спала. Я взял Адриана на руки и жестом показал ей следовать за нами. В своей комнате, я уложил сына на свою кровать, переоделся в пижамные штаны и футболку и присоединился к ним на кровати. Я ни в коем случае не засну, если не буду обнимать их и чувствовать, что они рядом.

Ремингтон

За последние несколько дней замок посетило много народу. Регулярно заезжала полиция, чтобы осмотреть место происшествия. Они признали, что это был поджог, но я и без них это знал. Все стало так чертовски хреново, и мне начало казаться, что я больше не контролирую ситуацию. Состояние Калеба ухудшилось и врачи решили, что его нужно как можно скорее прооперировать.

Большая часть виноградников уничтожена огнем. Сад и восточную часть замка тоже зацепило, и теперь они нуждаются в ремонте. Я пообщался с матерью и рассказал ей все, что случилось. Она должна прилететь завтра на одном из принадлежащих нашей семье самолетов.

Мы отправимся в Париж, пока замок не отремонтируют, хотя предполагаю, что убедить мою мать покинуть это место бесполезная затея. Я не стал рассказывать ей кто или что конкретно стало причиной пожара. Хотел поговорить с ней с глазу на глаз. Думаю, у нее появятся вопросы, как только она встретится с Селеной, и мне следует быть готовым к этому.

Сегодня мы съездили в город, чтобы вырваться из замка, что в итоге оказалось неплохим решением. Адриан выглядел бодрым и оживленным, а он не был таким с самого пожара.

Сразу же после ужина я вышел, чтобы поговорить с двумя мужчинами из охранного агентства Жилия. Он вернулся в Париж, чтобы выследить человека, который, как он был уверен, стал причиной беспорядка в наших жизнях. Одна из камер в его офисе зафиксировала, что произошло в кабинете, и, судя по очертаниям тела и тому, как фигура человека двигалась, это определенно была женщина. Лицо было скрыто маской и единственное, что ее выдало, это ярлык, выглядывающий сзади на джинсах. Они оказались изготовлены на заказ. После дальнейшего расследования Жиль нашел бутик, расположенный в 10-м округе Парижа.

Чувствуя облегчение, что мы наконец-то сдвинулись с мертвой точки с этим сумасшествием, я повел Адриана в его комнату. Почистив зубы, он забрался в кровать и натянул одеяло до подбородка, а я взял книжку с тумбочки возле кровати, которую он выбрал, чтобы ему почитали на ночь.

— Могу я кое-что спросить у тебя, папа?

— В любое время, — я сел в кресло-качалку рядом с кроватью. Никогда не мог заставить себя вынести его из комнаты. Оно хранит столько воспоминаний о том, как я укачивал крошечного Адриана, пока он засыпал.

Он нахмурился.

— Почему Селена должна уехать? Мы можем оставить ее здесь, с нами, и она может стать мне настоящей мамой.

Отложив книгу обратно на тумбочку, я потянулся к нему, чтобы разглядеть его нахмуренные бровки. Я знал, что рано или поздно этот вопрос возникнет.

Я рассматривал своего маленького мальчика и воскрешал в памяти свою клятву убедить Селену задержаться с нами подольше.

— Мы не можем оставить ее, Адриан. У нее есть семья дома. Уверен, что они очень скучают по ней.

— Она не хочет быть с нами? Вы ведь любите друг друга? — он склонил голову набок, сосредоточенно глядя на меня.

Я потер подбородок, раздумывая, как лучше ответить на его вопрос. Это совершенно неизведанная территория для меня. Раньше у Адриана не было возможности познакомиться с женщинами, с которыми я встречался, потому что я никогда не испытывал настоящей привязанности ни к одной из них, но благодаря Селене мне захотелось получить от жизни второй шанс.

Адриан нетерпеливо ерзал, пока смотрел на меня напряженным, полным надежды взглядом. Мне захотелось сразу же пообещать ему все, что он хочет.

— Она очень особенная женщина, — ответил я ему, сдерживая порыв поведать свои истинные чувства. Если я и собираюсь рассказать кому-то о них, то Селена будет первая в этом списке. Я хочу смотреть ей в глаза, когда решусь, наконец, обнажить перед ней душу. Может быть, она испытывает ко мне те же чувства, что и я, а может, и нет.

Мой сын прекратил вертеться, перестал хмуриться, и на его личике появилась улыбка.

— Я люблю ее и хочу, чтобы она была моей мамой.

— Я тоже, — прошептал я, затем наклонился и поцеловал его в макушку.

Боже мой, я так люблю своего мальчика. От мысли, что с ним что-то может случиться, я чуть не рухнул на колени и на лбу у меня выступил пот. То, что Селена потеряла ребенка и сумела это пережить, лишь заставило меня обожать ее еще сильнее.

— Пора спать. Ты рад, что увидишь завтра бабушку? — спросил я, напоминая ему, что завтра приезжает моя мать. Селена по-прежнему нервничает из-за предстоящей встречи. Я же, напротив, с нетерпением жду, когда моя мать встретится с женщиной, которая преуспела в том, что не вышло у других за последние четыре года. С женщиной, которой удалось стереть боль и разочарование предательства и заявить права на мое сердце.

— Да, папа! — он радостно взвизгнул и зарылся глубже под одеяло.

Я снова взял книгу, открыл ее на отмеченной странице и начал читать. Пять минут спустя Адриан все еще беспокойно ворочался так, что перевернул и сбросил одеяло на пол.

Я вздохнул и прекратил читать.

Сегодня вечером я с нетерпением ждал возможности провести больше времени с Селеной. Несмотря на то, что мы занимались сексом, когда вернулись домой два часа назад, я по-прежнему хочу ее. После пожара у нас не получалось достаточно долго побыть наедине. Моя потребность в ней не знает границ, я помешан на ней. В ушах зашумела кровь, когда я представил ее греховное обнаженное тело, распростертое подо мной.

Я мысленно зарычал. Следует прекратить это. Я в комнате сына, а в голове непристойные мысли о распутнице, сидящей внизу.

Я поерзал на стуле, стараясь подавить стон, когда член в штанах болезненно запульсировал, и постарался сосредоточиться на сыне.

— Что случилось, Адриан? — мой голос прозвучал хрипло. Адриан странно на меня посмотрел, и я прочистил горло.

— Я видел ее снова сегодня.

Моему одурманенному похотью мозгу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Видел кого?

— Ее. Женщину, которая навещала меня в садике в Париже.

Эти слова охладили страсть, и мое сердце бешено застучало. Он никогда не упоминал, что в садике его навещала какая-то женщина.

— Какая женщина?

Он пожал плечами.

— Она сказала мне, что скоро станет моей новой мамой. Мне она не нравится.

Меня бросило в пот и его капли потекли по спине, хотя в комнате было довольно прохладно.

— Когда ты видел эту женщину?

— После ужина.

Я уже открыл рот, чтобы спросить его, как выглядела эта женщина, но меня прервал мобильный, завибрировавший в кармане джинсов. Я нетерпеливо вытащил его и провел пальцем по экрану, не глядя, кто звонит.

— Сен-Жермен, — представился я, откидываясь на спинку кресла.

— Это Жиль. Слушай, знаю, что ты просил меня прекратить проверять прошлое Селены...

— Да, просил, — нетерпеливо прервал его я. — Есть новости о той женщине? Ты съездил в бутик?

— Да. Владелец обещал прислать мне факсом расписки и любые другие подробности об этом особом покупателе. Сначала он упирался, но когда я объяснил ему, что будет в случае отказа сотрудничать, он согласился. Но я звоню тебе не поэтому. Сегодня днем я получил кое-какую информацию о Селене по почте.

Я встал и подошел к окну, сердце бешено стучало в груди.

— Какого черта? Жиль, я же сказал тебе, что не заинтересован в слежке за ней за ее спиной.

— Успокойся, Ремингтон, — сказал он спокойным скрипучим голосом. — Человек, которого я нанял, посчитал, что наткнулся на кое-что, что ты, возможно, захочешь узнать. Хочешь, чтобы я уничтожил эту информацию или все же выслушаешь?

Я зарылся пальцами в волосы и закрыл глаза. Сгоряча я попросил Жили нанять частного сыщика, но в итоге, когда понял, что мне не важно кто она, попросил его прекратить поиски.

Я резко выдохнул.

— Выкладывай.

— Отлично. Так вот... — он глубоко вдохнул. — Согласно отчету, Селене Майклз двадцать шесть лет и ее адрес...

— Переходи к сути, Жиль, — огрызнулся я, желая вернуться к своему разговору с Адрианом.

Я услышал щелчок, напоминающий кликанье компьютерной мышки, за которым последовал звук нажатия нескольких клавиш.

— Итак, Селена родилась двадцать шесть лет назад в... дерьмо! Где ты говорил она родилась?

Все в животе стянулось в узел, когда он заколебался. Я оглянулся через плечо на Адриана. Он увлеченно играл двумя человечками Лего. Я повернулся и продолжил смотреть в окно на безлунное небо.

— В Нью-Йорке.

Жиль молчал несколько минут.

— Согласно этому отчету она родилась в Париже, у месье Энтони Майклза и мадам Инес Дюбуа, в роддоме имени Армана Труссо.

Биение пульса отдалось в ушах, дыхание стало прерывистым.

— Что ты сказал?

Он повторил свои слова.

Я покачал головой, желая избавиться от слов Жилья. Неужели Селена соврала мне о том, где родилась? Зачем она это сделала? Она упоминала, что ее мать француженка, но я не планировал копать глубже. Не могу говорить об этом в одной комнате с Адрианом. Я прочистил горло, стараясь избавиться от душащих меня эмоций.

— Дай мне минуту, Жиль.

Я направился к Адриану и поцеловал его в макушку.

— Мне нужно кое о чем позаботиться, ладно? Я попрошу Селену подняться и дочитать тебе.

Адриан кивнул, пока издавал какие-то звуки, напоминающие гул самолета, и водил рукой вверх-вниз. Я повернулся, чтобы уйти, но остановился, когда он позвал меня:

— Папа?

Я повернулся и посмотрел на него.

— Да, Адриан.

— Та тетя внизу. Она просила передать тебе, — он прищурился, словно усердно вспоминал, — раз, два... бум.

Раз. Два. Бум? Мои руки затряслись, и к горлу поднялась желчь.

— Адриан, ты помнишь, как она выглядела? Где точно ты ее видел?

— На кухне, когда пошел туда за мороженым. У нее каштановые волосы и она высокая.

Черт побери! Как ей удалось пройти мимо двух охранников? Только если кто-то работает на нее. Кто-то из тех, кто работает в замке. От этой мысли я замер. Крепче сжал телефон в руке, затем вспомнил, что Жиль все еще на связи и прижал его к уху.

— Перезвоню позже, — я нажал отбой, прежде чем он успел что-то сказать, и повернулся к Адриану. — Оставайся здесь и запри дверь. Не открывай ее, пока не услышишь мой голос или Эрика, хорошо? Никому больше.

Я не стал упоминать Селену. Женщина каким-то образом проникла в замок, поэтому я волновался, что она может подражать голосу другой женщины.

Как только Адриан кивнул, я выбежал из комнаты и, убедившись, что он запер за мной дверь, помчался вниз.

Мои ноги коснулись нижней ступени лестницы, и я лихорадочно осматривал комнату. Селены не было там, где я оставил ее. Запустив руку в волосы, сильно потянул, и боль помогла мне не утратить рассудок. Я обещал, что буду защищать ее, и тем не менее в замок проникли под носом у Эрика и двух охранников.

Я завернул в столовую и застыл на месте. Селена без сознания лежала на полу. Она была очень бледная, а из пореза на виске сочилась кровь. Ее красивые красные губы были покрыты чем-то похожим на рвоту.

— О Боже, Селена, — я бросился к ней и упал рядом на колени. Прижал два пальца к запястью, чтобы проверить пульс, но руки у меня дрожали, и я никак не мог его нащупать. — Нужна помощь! — крикнул я двум мужчинам, стоящим за входной дверью.

Нужно взять себя в руки, иначе не смогу помочь ей. Я глубоко дышал, и хотя мои глаза застилала слезы, мне все же удалось нащупать пульс. Он едва прощупывался, а дыхание было

очень слабым.

Игнорируя раздающиеся на заднем плане звуки шарканья подошв, крики охранников по рациям и панические возгласы, я сосредоточился, пытаюсь вспомнить основы первой помощи. Я не мог мыслить здраво. Кто-то коснулся моего плеча, я обернулся и увидел Эрика. Он сказал что-то, но я понял только, что его губы шевелятся. Оттолкнув меня в сторону, он опустился на колени возле Селены, а я встал и смотрел на него, в действительности не видя.

Я думал, что знаю истинное значение слова «боль». Ощущение, будто мое сердце вырывают из груди раз за разом до тех пор, пока я не начинаешь чувствовать себя в аду и в чистилище одновременно. Оказывается, не знал. Видя, как Селена лежит на полу, беспомощная и без сознания, я почувствовал свое бессилие.

В голове проносились разные мысли.

Я должен был отпустить ее, когда она уехала из моего дома неделю назад.

Должен был забыть о ней.

Но ничего из этого не сделал, потому что нуждаюсь в ней, жажду ее. Мой физический и эмоциональный голод по ней не знает границ и я эгоистичный ублюдок. Даже по отношению к сыну веду себя эгоистично. Его сердце будет разбито, когда он увидит Селену. Эта мысль укрепила мою решимость. Я защищал его всю свою жизнь, и буду защищать, пока жив.

Я позвонил в скорую, рассказал, что случилось, затем сбросил звонок и вернулся к Селене.

Прибыла машина и вертолет скорой помощи, и я неохотно встал, наблюдая, как двое мужчин проверяю ее жизненные показатели с помощью оборудования. После этого началась суматоха, и я повернулся и посмотрел на Эрика. Он выглядел потрясенным и бледным.

— Я облажался. Я дважды облажался мсье Сен-Жермен.

Я сжал челюсти, ощущая, как гнев и страх наполняют меня.

— Да. Ты и люди Жилия. Как одна женщина сумела проскользнуть у вас под носом незамеченной?

Он открыл рот, собираясь сказать что-то, но я прервал Эрика, бросив на него разъяренный взгляд.

— Присматривай за ней, — сказал я ему, указывая на Селену. Быстрым шагом отправился вверх в комнату Адриана и аккуратно постучал в дверь. — Адриан, это я, папа, — позвал я, стараясь сдержать порыв и не выбить чертову дверь. — Адриан?

В комнате по ту сторону двери было тихо. Я сжал ручку, поворачивая ее.

— Адриан! — крикнул я, чувствуя, как в груди зарождается паника, даже более сильная чем, та, когда я обнаружил Селену внизу.

— Папа? — раздался изнутри тихий голосок, затем послышалось шарканье подошв по полу и звук открываемой двери. Дверь скрипнула и пара огромных зеленых глаз, наполненных слезами, посмотрели на меня сквозь щелку.

— Боже, благодарю тебя! — я подхватил его и крепко прижал к себе, задыхаясь от облегчения. — Слава Богу, с тобой все в порядке, — я должен подготовить его к тому, что случилось. Как я смогу сделать это, не разбив ему сердце. — С Селеной кое-что произошло. Я хочу, чтобы ты был храбрым мальчиком ради меня, договорились?

Его глаза еще больше округлились и губы задрожали. Я увидел, как в его глазах появилось паническое выражение, и они заблестели от слез.

— Где она?

— Скорая сейчас отвезет ее в больницу, — объяснил я, выходя из комнаты и спеша вниз. Я почувствовал, как его руки крепко сжались вокруг моей шеи, но после этого он не произнес ни слова.

Когда мы зашли в гостиную, Селену уже поместили на носилки и на лицо надели кислородную маску. Она выглядела еще более бледной, чем раньше.

— Как она? — спросил я, идя рядом с носилками, когда они начали выносить их через двери, направляясь к вертолету. Адриан захныкал, крепче обхватывая меня. Я сжал его еще сильнее.

Один из медиков взглянул на меня и отвернулся, но за это мгновение я заметил неуверенность в его глазах.

— Она, очевидно, получила сильный удар по голове и потеряла много крови, — он указал на рану на ее голове, прикрытую повязкой. — У нее очень высокое давление и она не реагирует на проверочные тесты, которые мы делали. Будем знать больше, как только сделаем еще несколько анализов в больнице. Вертолет доставит вашу жену в Марсель. Вы с сыном можете полететь вместе с ней.

Я кивнул, но не стал исправлять их предположение, что Селена моя жена. Когда носилки погрузили в вертолет, мы с Адрианом сели на сиденья рядом с Селеной.

— Папа? Селена... Селена умрет?

Считается, что любой родитель изо всех сил будет защищать своего ребенка от любой угрозы. Защищу ли я Адриана, солгав ему? Что если с ней правда что-нибудь случится?

— Не знаю, сынок.

Мы прилетели в больницу в Марселе и вскоре носилки с Селеной быстро закатали в двери больницы.

Ремингтон

— Мсье Сен-Жермен?

Я перехватил Адриана удобнее и повернулся посмотреть на высокого мужчину со стетоскопом и медицинской картой в руках.

— Как она?

— Вы родственник мадам Майклз?

— Я ее муж, — ответил я, ненавидя, что приходится лгать, но это необходимо, иначе они ничего мне не расскажут о ее состоянии. — Как она? Могу я увидеть ее?

— Я буду заниматься ее лечением. Меня зовут Жан Бланшетт, — он протянул руку и я пожал ее.

— Ремингтон Сен-Жермен.

Его глаза слегка округлились, и я понял, что он догадался, кто я. Сен-Жермены большая семья, у нас много родни по всему Провансу.

Доктор опустил взгляд на карту и кашлянул. Конечно же, он не дурак. Он догадался, что Селена не моя жена. Большинство жителей региона знают, что я не женился во второй раз после смерти Колетт. Но я готов на что угодно, лишь бы получить информацию. Даже воспользоваться именем Сен-Жермен, если до этого дойдет. Я в отчаянии и вина душит меня, словно рука, сдавливающая горло. Вина за то, что я не защитил Селену.

— У нее нет родственников во Франции. Я единственный человек, которого она знает, и она была со мной, когда все это произошло, — сообщил я.

Он кивнул и поднял голову.

— Она в реанимации. Ее сильно ударили по голове, и она по-прежнему без сознания. После того как мы сделаем несколько анализов, нам придется продержат ее здесь, по крайней мере, несколько дней, чтобы тщательно обследовать. Сейчас нам нужно выяснить, что произошло. И мне нужна ее медицинская карта. В крови обнаружены остатки какого-то яда. Вы знаете, что она пила или ела в течение последнего часа?

Яд? Эта ненормальная еще и отравила ее?

Я сообщил доктору как можно больше о том, что произошло сегодня вечером, и упомянул, что полиция в курсе произошедшего. Также рассказал ему о случившемся у Селены выкидыше и ее состоянии после этой потери. И потом стоял там, стараясь не выглядеть как идиот, пока он задавал вопрос за вопросом.

— Я уложил сына спать сразу после ужина, так что, если ее отравили, это, должно быть, случилось, пока меня не было рядом с ней.

— Мы предполагаем, что как минимум какая-то часть яда вышла из организма, когда ее стошнило, но нужно выяснить, какой именно это яд, чтобы нейтрализовать его.

Громко заскрежетала система оповещения, вызывая его. Доктор извинился и поспешил уйти, пообещав, что сообщит мне, как только у него появится какая-либо информация.

Я должен немедленно позвонить родным Селены, чтобы получить информацию, необходимую врачу. Доктор не уличил меня во лжи, и я с облегчением выдохнул. Какой муж не знает, на что у его жены аллергия?

Позвонив Эрику и попросив его посмотреть в телефоне Селены номера ее родных, я

закончил звонок и сел на один из пластиковых стульев в комнате ожидания. Адриан спал у меня на руках. Он плакал, пока не уснул, и мое сердце разбивалось с каждым его всхлипом. Казалось, прошел не один час, пока я беспомощно сидел там и ничего не мог сделать. В итоге чувствуя, что сейчас сойду с ума, я разыскал доктора.

— Можем мы увидеть ее? — спросил я.

С Адрианом, посапывающим у меня на руках, я последовал за доктором. Перед дверью палаты Селены стояло двое вооруженных полицейских. Поприветствовав их кивком, я вошел в палату. Прежде чем доктор ушел, он предупредил меня, что она слишком слаба, и мы можем побыть с ней всего несколько минут.

Селена лежала на кровати, укрытая белой простыней. Она по-прежнему была очень бледна, а голову теперь покрывали бинты. Грудь ритмично поднималась и опадала. К аппарату, стоящему возле ее кровати, был подключен монитор, на котором отображались ее жизненные показатели. Из-под больничного халата Селены к нему тянулись провода, и он пикал каждые несколько секунд.

Адриан пошевелился и проснулся. Он моргал, осматриваясь по сторонам, пока не понял, где мы находимся. Его глазки расширились, когда он увидел Селену на кровати, с белой повязкой, закрывающей половину головы.

— Она спит, — сказал он.

— Да.

— Она умрет, пап? — спросил Адриан, и в этот раз его голос был скорее похож на шепот.

— Доктора хорошо заботятся о ней. И я знаю, что ангелы тоже присматривают за ней.

Адриан поерзал, положил голову мне на плечо и судорожно вздохнул.

Десять минут спустя мы вышли из палаты, и я позвонил Эрику, чтобы узнать номер телефона родственников Селены. Звонок ее семье самое сложное, что я когда-либо делал. Я несу ответственность за нее, а она все равно лежит на больничной койке.

На мой звонок ответила Марли. Селена так восторженно отзывалась о своей сестре, что я почувствовал, будто уже знаю ее. Мой разум все еще пытался принять тот факт, что Селена могла солгать мне о многих других вещах. Неужели она скрывает что-то? Не могу оспаривать тот факт, что она через многое прошла в своей жизни, так много потеряла. Но кто Селена на самом деле?

Отбросив в сторону миллионы вопросов, я представился Марли, а она рассмеялась и сказала, что наслышана обо мне. Затем ее голос стал серьезным и она спросила, почему я звоню. Я кратко пересказал ей свою версию происшедшего, не рассказывая об угрозах и женщине, которая пыталась навредить моей семье и Селене.

— Доктору, который занимается лечением Селены, нужна ее медицинская история. Ты не могла бы выслать ее мне на домашний номер или отправить по электронной почте сегодня вечером?

Сначала она колебалась, задала мне тысячу и один вопрос, пытаясь понять, не являюсь ли я злоумышленником, пытающимся получить больше информации о ее сестре, чтобы потом причинить боль.

Умная девочка.

— У тебя или у твоей семьи будет время прилететь во Францию? — спросил я ее, как только рассказал, куда следует отправить необходимую информацию. — Думаю, будет здорово, если рядом будут близкие Селены, когда она придет в себя.

Мы договорились, что Марли вылетит ближайшим рейсом. Я сказал, что позабочусь о билете и позвоню ей сообщить подробности, как только все будет готово.

Я услышал, как ожила система оповещения, вызывающая доктора Бланшетта в палату номер двести один. Палату Селены. Я быстро закончил разговор, перехватил Адриана поудобнее и быстрым шагом направился туда.

В помещении раздавались плачущие звуки, а вокруг ее кровати стояло четверо медиков. Один из них нажимал на кнопки на мониторе, другой сдернул с нее простынь, а еще один готовил электроды дефибриллятора.

Все происходило так быстро, и вскоре нас уже отгеснили от двери. Мой последний взгляд зафиксировал, как тело Селены выгнулось, когда медсестра прижала электроды к груди Селены.

— Что, черт возьми, происходит? — прокричал я, борясь с человеком, который пытался увести нас от нее.

— Это мы и пытаемся выяснить. Послушайте, мы подозреваем, что у нее отек мозга. Мы были готовы к чему-то подобному.

— Черт, нет! Нет, нет, нет! — я резко развернулся к нему лицом и схватился одной рукой за лацканы его халата. — Не допустите, чтобы с ней что-нибудь произошло. Обещайте мне!

— Мы сделаем все, что в наших силах.

Слезы жгли глаза, горло саднило от боли. Наконец я выпустил его халат и беспомощно наблюдал, как он ушел обратно в палату Селены. Я уставился на белую дверь, в голове было пусто, сердце болело, и я вытер щеки рукой. Я должен взять себя в руки ради Адриана, всхлипывающего у меня на груди.

Неужели мое прошлое вмешалось в настоящее, разрушая любую возможность счастья с Селеной?

Не могу вспомнить, когда влюбился в Селену. Сначала я был очарован, меня влекло к ее шикарному телу, какие-то черты ее внешности, напоминающие Колетт, вызвали любопытство. Все произошло так, словно я на несколько секунд закрыл глаза, а когда открыл их, она стояла там, прямо передо мной. И ее присутствие стало важнее всего. У нее чистое сердце, неиспорченное событиями, в которые ее окунула жизнь.

Знаю, что люблю ее всем сердцем, даже после той неожиданной информации, которую сообщил Жиль. Никаких сомнений. Она видела меня в самые худшие моменты моей жизни и не сбежала. Она знает обо мне больше, чем когда-либо знала любая другая женщина, даже больше, чем моя мать.

Селена понимает меня и не боится отчитывать. Она ворвалась в мою жизнь, разрушила всю мою сдержанность, заменив ее своим теплом и любовью. Иногда в любви нет гордости; влюбляешься очень сильно и быстро, без единого шанса снова стать тем человеком, каким был до этого.

Когда Адриан сегодня спросил меня, я колебался, что ему ответить, но хочу, чтобы Селена первая узнала об этом. А она лежит там, в палате, борется за свою жизнь, и я ничем не могу ей помочь.

С ней все должно быть в порядке. Я не переживу, если потеряю ее. Жизнь приобретает смысл, только когда она рядом.

Я вытащил телефон из кармана и набрал Жилья. Он ответил после первого же гудка. После того как я рассказал ему краткую версию произошедшего в моем доме и о том, что,

возможно, женщина, которая вломилась к нему в офис и сумела проникнуть в замок под зорким оком его охранников одно и то же лицо, я надолго замолчал, давая возможность ярости сменить безнадежность, охватившую меня.

— Найди того, кто сделал это с ней, Жиль, — мой голос прозвучал холодно, точно так же, как я ощущал себя внутри. — Хочу, чтобы ты использовал каждый источник, который у тебя есть, и осмотрел каждый камешек, обыскал каждую трещину и дырку, пока не найдешь того, кто навредил Селене. Не имеет значения, сколько это будет стоить. Найди эту женщину.

Меня переполняла неугасимая ярость и жажда крови. Плевать, кто навредил Селене. Я буду вершить правосудие.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net